

282097

69

1899

IX.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

БІБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ
"Т-ва ПРОСВІТА"
Київ.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVI.

СЕНТЯБРЬ.

1899 г.

О. Б.
8. ОКТ. 1909
№ 100, 156

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владимира
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мериговская улица.

1899
БІБЛІОТЕКА
Івано-Франківського
педагогічного Інституту
№ 283097

НБ ПНУС

283097

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 3 сентября 1899 года.

Вышелъ изъ печати первый томъ сочиненій

И. С. Левицкаго

„Повести и оповидання“, т. I, зъ портретомъ автора, 757 стр., включающій слѣдующія произведенія: „Мыкола Джера“, „Бурлячка“, „Запорожци“, „Витрогонь“, „Невынна“, „Прыятелі“, „Рыбалва Панасъ Круть“, „Баба Параска та баба Палажка“, „Два браты“, „Въ концерти“, „Помижь ворогамы“, „Бидный думкою багатіе“.

Складъ изданія при книжномъ магазинѣ редакціи журнала „Кіевская Старина“ (Кіевъ, Безаковская ул., д. № 14).

Цѣна 1 руб. 50 коп., книгопродавцамъ обычная уступка.

БІБЛІОТЕКА
ИТ-ва П. Р. С. С. С. Р.
М. Ж. П.

ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА.

Дають-ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волинскомъ происхожденіи всѣхъ малоруссовъ?

(Продолженіе ¹⁾).

Кіевскіе и мнимокіевскіе памятники XI—XV вѣка.

б) Послѣмонгольскіе.

Г. Соболевскій останавливается на пяти памятникахъ ²⁾:

1) *Кіевская псалтирь 1397-го года.* Исторія отношеній г. Соболевскаго къ этой псалтири довольно поучительна, потому что особенно наглядно псказываетъ, до какихъ печальныхъ послѣдствій доводитъ тенденціозность. Псалтирь эта полна довольно явственныхъ великорусскихъ чертъ ³⁾ и повидимому она-то, собственно, и послужила г. Соболевскому первой основою для

¹⁾ См. Кіев. Стар. 1899, іюнь, стр. 307—316.

²⁾ См. Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца II, 215, 219, 224; Лекціи, 1-ое изд., 199—200; 2-ое изд., 254—256.

³⁾ Срв. Срезневскаго: Древніе памятники русскаго языка и письма 2-ое изд., стр. 283, и выписки—во второй части 1-го изданія; также въ Извѣстіяхъ Акад. Наукъ X, 690—691.

его утверждения о великорусскости старыхъ кіевлянъ, въ 1883-мъ году ¹⁾. Когда кіевскіе оппоненты возражали, г. Соболевскому, что Псалтирь 1397 г. написалъ какой-нибудь великоруссъ, пріѣзжавшій въ Кіевъ вмѣстѣ съ Московскимъ митрополитомъ, г. Соболевскій заявилъ, что „палеографическія особенности рукописи 1397-го года совершенно отличны отъ особенностей рукописей московскихъ и новгородскихъ,—Спиридонъ (переписчикъ Псалтири) былъ не сѣверный, а кіевскій великороссіянинъ“ ²⁾. И что же! Спустя немного времени выяснилось, что Псалтирь 1397-го года писана тѣмъ же московскимъ великороссомъ, діакономъ Спиридономъ, который „кѣтвеніемъ Киприана, митрополита вселъ Роуѣн, повеленіемъ кѣтвеннаго князя Колодімера Андріевну(а)“, написалъ московское евангеліе „въ лѣто ꙗ҃с. ѿ индик(та) ѿ (6901,—т. е. 1393 г. ³⁾.“ Другими словами, оказалось, что Псалтирь 1397-го года, которая, по увѣренію г. Соболевскаго (въ 1883 г.), совершенно отличается отъ рукописей московскихъ, есть какъ-разъ рукопись московская!... Г. Соболевскій не сразу исключилъ ее изъ числа памятниковъ кіевской рѣчи. Въ 1889-мъ году, въ первомъ изданіи своихъ „Лекцій,“ онъ еще выразился уклончиво: „Кіевская Псалтирь 1397-го года написана *едва-ли* (курсивъ нашъ) не пришлымъ великоруссомъ ⁴⁾.“ Только въ 1892 г. онъ ее рѣшительно вычеркнулъ изъ числа источниковъ для изученія старокіевской рѣчи ⁵⁾.

2) Евангеліе 1411 года. Сдѣлавши общее замѣчаніе, что всѣ пять кіевскихъ послѣмонгольскихъ памятниковъ не даютъ ясныхъ діалектологическихъ указаній, г. Соболевскій говоритъ въ частности о евангеліи 1411-го года, что „оно представляетъ списокъ съ средне-болгарскаго оригинала, съ *малымъ* количествомъ

¹⁾ См. указанное мѣсто II тома „Чтеній въ Обществѣ Нестора Лѣтописца.“

²⁾ Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца 1883 г., т. II, стр. 224.

³⁾ Срезневскій: Древн. пам. 274; Лекціи Соболевскаго, 2-ое изд. 16; Воскресенскій: Евангеліе отъ Марка, 57; Серг. Пос. 1894.

⁴⁾ Стр. 199-ая 1-го изданія.

⁵⁾ 2-ое изд., стр. 254.

руссизмовъ,"—слѣдовательно, по этой причинѣ для русской діалектологіи мало пригодно. Но надо кромѣ того добавить, что и тѣ немногія русскія черты, какія проскальзываютъ въ Евангеліи 1411-го года, говорятъ о некіевскомъ происхожденіи переписчика. Писаво это евангеліе по заказу какого-то, должно-быть, великоросса (инока Іоны Балакирева), писцомъ-великороссомъ или бѣлоруссомъ, который говорилъ нарѣчіемъ акающимъ и фамилію своего патрона написалъ съ О („Болакиревъ¹⁾);“ онъ не писалъ ѣ въ „гдѣ“ 144 об. и „нигдѣ“ 260²⁾, а эту черту самъ г. Соболевскій призналъ за антикіевскую³⁾.

3) *Вкладная записъ князя Долодата Долодатовича 1427-го года.* Никакихъ великоруссизмовъ г. Соболевскій указать въ ней не можетъ, но, не желая признать ее за малорусскую, называетъ языкъ „официальнымъ западно-русскимъ“. Чтобы читатель яснѣе могъ судить о языкѣ этой записи, приведемъ ее цѣликомъ⁴⁾: „Се яз кв[я]зь Долголд[ать Долголд]атовичъ м[и]л[ос]т[и]ю б[о]жьєю, што єси выслужил оу Б[о]га и оу великог[о] кв[я]зя Витовта, г[осуд]аря своего,—даю ѿ своеє выслуги вѣрное по своеи д[у]ши и съ своею гн[я]гинею с[вя]т[о]му Николепустыньскому Иѡнину монастырю тую землю на имя Толсто-лѣсьског[о] Конона. А идет[ь] с нег[о] колода меду. И съ всеми пошлинами в бобры и с куницами и с полуд[ь]емь. А хто ся имет[ь] оуступат[и] оу мое придане, што я дал с[вя]т[о]му Николе, любо моихъ детей, любо хто имѣет[ь] держат[и] по моемъ животѣ, судитя со мною перед Б[о]гомъ. Псан[о]и дан[о] при

¹⁾ См. Срезневскаго: „Свѣдѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ,“ СПб. 1876, т. II, стр. 392. Записъ издана и въ особомъ литографическомъ снимкѣ. (Я нашелъ одинъ экземпляръ въ бумагахъ покойнаго Вѣлозерскаго).

²⁾ Отмѣчено у Соболевскаго въ Лекціяхъ, стр. 254.

³⁾ Лекціи, 1-ое изд. 37; 2-ое изд. 64; Исслѣдованія 2.

⁴⁾ По изданію Срезневскаго: Свѣд. и зам., II, 392, 6. Ради типографскаго удобства надстрочныя буквы перенесены въ строку. Въ скобкахъ поставлены буквы и слоги, подравнѣваемые подъ титлоу.

державе г[о]с[у]д[а]ря великого кн[я]зя Витовта въ лѣт[о] ѿ ц ѣ де, м[ѣ]с[я]ца марта ѿ д[е]нь, индикта ѿ.“ Читатель видитъ, что языкъ этой вкладной чрезвычайно близокъ къ современному малорусскому. Конечно, малорусскій колоритъ былъ бы особенно явственъ, если бы у писца гдѣ нибудь вмѣсто є или о проскользнуло ю или ү (предвѣстники современнаго ї); но во-первыхъ такія описки, считаясь вульгаризмами, ни въ какомъ старинномъ малорусскомъ памятникѣ не часты, а во-вторыхъ—краткая вкладная Долгодата Долгодатовича представляла бы для нихъ только два случая (своеи и моем) и то въ такихъ словахъ, въ которыхъ удареніе бываетъ и на первомъ слогѣ (въ силу чего качество неударной гласной второго слова скрадывается); притомъ же сосѣдство словъ „ѿ своее,“ „съ своею,“ въ которыхъ звукъ є остается неизмѣннымъ, могло содѣйствовать сохраненію буквы є въ начертаніяхъ „своеи“ и „моем“. Кто знакомъ съ языкомъ галицкихъ и волынскихъ грамотъ, малорусскости которыхъ г. Соболевскій не оспариваетъ, тотъ замѣтитъ, что вкладная кн. Долгодата Долгодатовича отъ нихъ почти не отличается ¹⁾.

4) *Духовная князя Андрея Владиміровича 1446 г.* (Ольгердова внука, пріѣзжавшаго въ Кіевъ на поклоненіе въ 1446 г.) Великоруссизмовъ г. Соболевскій въ ней не находитъ, но говорить, что „она не заключаетъ въ себѣ никакихъ достовѣрныхъ ни малоруссизмовъ, ни бѣлоруссизмовъ.“ Г. Соболевскій забылъ

¹⁾ По поводу буквы є во «свѣми» и вообще по поводу частаго написанія малоруссами буквы є вмѣсто ѣ позволю себѣ мимоходомъ высказать достовѣрное предположеніе (отчасти уже прежде мотивированное г. Шахматовымъ), что въ старину книжная буква ѣ читалась иначе, чѣмъ выговаривался живой звукъ ѣ. По моимъ наблюденіямъ, у малоруссовъ только въ періодъ отъ второй четверти 17-го вѣка приблизительно до второй четверти нын. столѣтія буква ѣ читалась какъ ї; раньше же, подъ книжнымъ вліяніемъ бѣлорусскимъ, и позже, подъ вліяніемъ великорусскимъ, буква эта читалась какъ є, и потому малорусскіе писцы въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, гдѣ они въ живой рѣчи произносили и произносятъ звукъ ї, писали и пишутъ подъ книжнымъ вліяніемъ букву є.

прибавить, что писецъ (старецъ Кіево-Печерской лавры) былъ большой руки книжникъ, который старался писать по церковно-славянски и потому не могъ не заботиться объ устраненіи свѣтскихъ и простонародныхъ элементовъ изъ своего писанія. Въ значительной степени ему таки удалось свою рѣчь ославянить ¹⁾, такъ-что сквозь этотъ чужой, напущенный на себя для большей важности, языкъ пробились лишь нѣкоторыя, малохарактерныя черты родной рѣчи писца. Написавши род. падежъ „Богородицы“ съ **ы**, онъ по недосмотру написалъ рядомъ же: „одъ Владычици“, гдѣ **н** вмѣсто **ѣ**, подобно тому какъ онъ еще разъ написалъ **н** вмѣсто **ѣ** въ выраженіи: „у господн“. Проскользнули у писца и кое-какія другія особенности его родного языка: „одъ“, „зъ своею“, „были есмо“, «пръшою», „Каменне“ (=Каменное) и др., и самое свое имя онъ написалъ съ **х**: „Пахнутій“ вм. „Пафнутій.“ Если мы не можемъ рѣшить, малорусь или бѣлорусь писалъ эту духовную, то во всякомъ случаѣ можемъ съ увѣренностью сказать, что писалъ ее не великорусь.

Г. Соболевскій сперва хотѣлъ было ограничить изученіе кіевского говора XV вѣка только названными четырьмя документами ²⁾, но П. И. Житецкій указалъ ему еще на одинъ, въ ко-

¹⁾ Понадаются въ этой духовной даже аористы: поклонихомся, размыслихъ (при чемъ и предлогъ „раз“ написанъ по церковно-славянски вм. русскаго „ро“; такъ и дальше: „разсудитси“. Род. пад. прил. ж. рода имѣетъ окончаніе **я**; пречистыя Богородици нашея, святныя, ея. Вмѣсто „а“ или „язъ“ пишется „азъ“. Множ. число прил. ср. рода на **я** (вся таа) и род. падежъ безъ „овъ“ (дѣдъ своихъ, отецъ своихъ, всѣхъ мученикъ, пророкъ, апостолъ) также являются скорѣе церковнославянизмами, чѣмъ фактами русской рѣчи XV вѣка.—Духовная эта издана въ „грамотахъ великихъ князей литовскихъ“ Антоновича и Козловскаго, стр. 10—11 (Кіевъ, 1868, оттискъ, изъ „Универс. Извѣстій“). Вѣроятно, это—наиболѣе точное изданіе ея, хоть тоже оставляетъ многого желать. Въ изданіи Я. Головацкаго есть много отличій отъ изданія Антоновича и Козловскаго, и возникаетъ вопросъ, гдѣ же печатный текстъ ближе къ оригиналу. Я. Головацкій, который въ „областныхъ разворѣчїяхъ“ видѣлъ нарушеніе „чистоты общаго русскаго языка“, позволялъ себѣ въ своихъ изданіяхъ дѣлать исправленія на „настоящо-русскій“ ладъ (что отмѣчено уже г. Соболевскимъ. „Очерки“, стр. 60), такъ-что его изданіе, вѣроятно, гораздо менѣе заслуживаетъ довѣрія, чѣмъ изданіе Антоновича и Козловскаго, хотя послѣднее сдѣлано вовсе не въ филологическихъ цѣляхъ. А желательно было имѣть хорошее филологическое изданіе.

²⁾ Чтенія въ Исл. Общ. Нест. Лѣт. 1883, II, 215.

торомъ малорусскіе элементы не робко прокрадываются (какъ въ двухъ предыдущихъ), а бьютъ живымъ ключемъ изъ каждой строчки ¹⁾. Это—

5) *Грамота кievскаго князя Семена Олельковича*, выданная въ Прилукѣ за Днѣпромъ въ 1459-мъ г. Получилъ ее мѣстный землевладѣлецъ Іеремія Шашко для „зоставленья“ его „при всюи отчизнѣ его и дидизнѣ его“, „которыхъ (такъ говоритъ князь) продкове его отъ продковъ моихъ спокойне держали и заживали“ ²⁾. Приведемъ отзывъ г. Соболевскаго объ этомъ памятникѣ: „Грамота кievскаго князя Семена Александровича, выданная въ Прилукѣ за Днѣпромъ и писанная на оффиціальномъ западно-русскомъ языкѣ, имѣеть нѣкоторое количество малоруссизмовъ: *всюи отчизнѣ, дидизинѣ*, при томъ *всюмъ, унѣ* (=онѣ), *притисьненъемъ, завишенъемъ* ³⁾, но ихъ присутствіе вполне можетъ быть объяснено предположеніемъ, что княжескій писарь былъ пришлый въ Кіевъ челоувѣкъ, волынский уроженецъ“ ⁴⁾. Странно дѣлать такое голословное предположеніе, основанное исключительно на нежеланіи признать старыхъ кievлянъ за малоруссовъ ⁵⁾.

¹⁾ П. И. Житецкій прислалъ мнѣ для ознакомленія текста тѣхъ двухъ рефератовъ, которыми онъ въ засѣданіяхъ Общ. Нест. Лѣт. возражалъ г. Соболевскому на его рефераты о *Кievскихъ памятникахъ XV в.* Нѣкоторыя сообщенія мною подробности о диспутѣ П. И. Житецкаго съ г. Соболевскимъ я заимствовалъ именно отсюда; впрочемъ существенныя черты этого диспута всѣ, вкратцѣ, сообщены въ „Чтен. Общ. Нест. Лѣт.“.

²⁾ П. И. Житецкій пользовался прозрачнымъ снимкомъ, хранящимся въ архивѣ Кievской Археографической Коммисіи. Мнѣ же было доступно только печатное изданіе этой грамоты, сдѣланное В. Б. Антоновичемъ и г. Козловскимъ въ „Грамотахъ великихъ князей литовскихъ“ (оттискъ изъ „Унив. Изв.“), К. 1868, стр. 19—20.

³⁾ Малоруссизмовъ есть въ этой грамотѣ и больше,—въ ней смѣшивается *ы* съ *и*: оними, малими, дидизни. Менѣе характерны: *будеть хогѣвъ, упадаеть* (вмѣсто *спадаеть*), *изъ дѣсомъ, изъ головою, изъ стѣнкамы, ознаймуемо, дали есмо, съ обудуухъ*.

⁴⁾ Лекція, 2-ое изд., стр. 255.

⁵⁾ Ниже мы увидимъ еще нѣсколько случаевъ, когда г. Соболевскій прибѣгаетъ къ тому же приему. Такъ, о Рязанской Кормчей 1284-го года, списанной съ

Что же показывает обзор этих пяти памятников? Первые два, писанные не киевлянами, для суждения о киевской рѣчи не годятся, а въ остальныхъ трехъ г. Соболевскій не можетъ указать ни единой черты великорусской; наоборотъ, въ нихъ проскальзываетъ то слабѣе, то сильнѣе малорусская рѣчь, присутствія которой, наконецъ, не рѣшается отрицать и самъ г. Соболевскій.

Сверхъ перечисленныхъ памятниковъ XV-го вѣка, къ Киевщинѣ имѣютъ отношеніе и другіе. Одинъ изъ нихъ— *Грамота Стародубскаго князя 1400 года* Александра Патрикевича, данная польскому королю Владиславу и написанная „въ Озера у Круды, межѣ Городна и Меречь, по Розствѣ Христовѣ у пятокъ, у канунъ святого Обрѣзанія Христова, по нароженіи Сына Божьего тысяча лѣтъ и чотыриста лѣтъ“¹⁾. Написана она, слѣдовательно, гдѣ-то въ Виленщинѣ²⁾, а такъ какъ тамъ малоруссы не жили, то естественно приходится заключить, что княжескій писарь пріѣхалъ съ княземъ изъ Стародуба³⁾. Достаточно взглянуть только на приведенную мной запись, чтобы увидѣть въ ней, сверхъ многихъ менѣе характерныхъ малорусскихъ чертъ, одну очень характерную—смѣшеніе **ы** и **и**: „тысяча“ и, вѣроятно, „у Круды“ (=въ Крудѣ, въ

киевского оригинала и полной „галицко-волынской“ ятей, г. Соболевскій заявляетъ, что писецъ киевской рукописи былъ галицко-волынской уроженецъ. Про надпись на крестѣ св. Евфросиніи Полоцкой, также служащую опроверженіемъ „галицко-волынскаго“ њ, г. Соболевскій тоже заявляетъ, что она писана галицко-волынскимъ уроженцемъ.

¹⁾ Издана у Головацкаго въ „Памятникахъ дипломатическаго и судебно-дѣлового языка русскаго“ (Львовъ 1867, стр. 20). Можно подозрѣвать, что по своему обычаю г. Головацкій исправилъ многіе малоруссизмы и что въ подлинникѣ ихъ есть гораздо больше.

²⁾ У меня нѣтъ подъ рукою подробной карты, гдѣ была бы обозначена Круда. Меречь лежитъ на рѣкѣ Меречанкѣ при впаденіи ея въ Нѣманъ, въ Троцкомъ уѣздѣ Влечской г. П. И. Житецкій, изъ реферата котораго я почерпнулъ указаніе на Стародубскую грамоту, повидимому предполагалъ, что дата грамоты говоритъ о Городѣ Черниговской, находящейся недалеко отъ Стародуба. Но мнѣ неизвѣстно, есть ли въ Черниговщинѣ Меречь.

³⁾ Да едва ли князь отправится въ дѣловое путешествіе, не захвативши съ собою своего писаря изъ Стародуба.

Крудн); такое же смѣшеніе ты и н проявилось еще въ „слюбилъ есмы“ рядомъ съ „цѣловаль есми“ (1-ое л. ед. ч.). Ъ вмѣсто и написано въ „нѣкоторымъ (nullo)“. Характерно въ грамотѣ еще окончаніе мо (есмо). Важна Стародубская грамота 1400 года въ томъ отношеніи, что указываетъ на присутствіе малоруссовъ къ сѣверо-востоку отъ Кіева, на твоей сторонѣ Днѣпра. Другой памятникъ—„*Повчѣнне Зарубскаго Черноризил*“ (Зарубская обитель—въ Кіевщинѣ, у Днѣпра); объ этомъ памятникѣ, изобилующемъ многими „галицко-волинскими“ ятями, будетъ сказано въ слѣдующей главѣ при № 15.—Кіевскихъ памятниковъ XVI вѣка дошло до насъ достаточно, но такъ-какъ ихъ малорусскости, болѣе чѣмъ очевидной, г. Соболевскій не отвергаетъ, то мы о нихъ говорить здѣсь не будемъ.

Я показалъ читателю, до чего шатки и неосновательны всѣ соображенія г. Соболевскаго о великорусскости старыхъ кіевлянъ. Нужно замѣтить, что шаткость всѣхъ этихъ аргументовъ сдѣлалась за послѣднее время очевидною и для самого г. Соболевскаго. Совершенно въ иномъ духѣ, чѣмъ „Очерки“ и „Лекціи“, написаны имъ послѣдующія статьи¹⁾: въ нихъ постепенно онъ отказался отъ своей гипотезы о великорусскости кіевлянъ. Значительное вліяніе въ дѣлѣ перемѣны его взглядовъ имѣли предпринятые имъ занятія въ области малорусской діалектологіи.

Въ той классификаціи малорусскихъ нарѣчій на три группы, которой мы придерживаемся въ практическомъ обиходѣ, много значитъ бессознательный принципъ большей или меньшей удобопонятности какого-нибудь малорусскаго нарѣчія для людей, говорящихъ другимъ нарѣчіемъ: чѣмъ легче малороссъ понимаетъ какое-нибудь малорусское нарѣчіе или говоръ, тѣмъ болѣе роднымъ оно ему представляется. Въ малой степени принимаются при этомъ въ соображеніе черты фонетическія: такъ,

¹⁾ Начиная печатать свое изслѣдованіе, я еще не успѣлъ прочесть тѣхъ статей; поэтому въ 1-ой главѣ я и не упоминаю о нихъ.

рѣчь „литваковъ“ дышетъ для украинца чѣмъ-то чуждымъ не только за нѣкоторыя ея слова, близкія къ рѣчи великорусской, но еще больше за ея странное, неудобопонятное произношеніе. Однако главное вниманіе при обиходной классификаціи малорусскихъ нарѣчій обращаютъ (безсознательно, конечно) не на произношеніе (фонетику), а на словарный матеріалъ (лексику), на формы склоненій и спряженій (морфологию). Если объ одномъ и томъ же скажутъ а) галичанинъ: „пишлы-смо зъ тетовъ дъ ватри“, б) галицкій горець: „пушлы-смо зъ тетовъ дъ ватри“, в) полтавецъ: „мы пишлы зъ титкою до вогня“ и г) черниговецъ: „мы пушлы зъ тюиткою до вогня“,—то нефилологу никогда не придетъ въ голову мысль о близости рѣчи б) и г); наоборотъ, онъ рѣчь галичанъ и галицкихъ горцевъ объединитъ въ одно цѣлое, а рѣчь полтавцевъ и черниговцевъ—въ другое цѣлое. Такимъ образомъ, практически, преимущественно на основаніи большей или меньшей удобопонятности для себя то въ одномъ, то въ другомъ отношеніи, малоруссь¹⁾ отличаетъ въ малорусскомъ языкѣ три нарѣчія: 1) западное (рѣчь и галичанъ и галицкихъ *горцевъ*, *угорорусскую*, *подляскую*, *подольскую*, *волинскую*), 2) восточное (рѣчь *всей* Кіевщины, всю безъ разбора рѣчь *южно-черниговскую*, *полтавскую*, *харьковскую* и т. д.) и 3) сѣверное (рѣчь „литвацкую“, безъ рѣчи тѣхъ черниговцевъ, которыхъ легко понимаетъ полтавецъ). Въ сущности, такая утилитарная группировка малорусскихъ нарѣчій небезосновательна. Даже априорно нельзя осудить принципъ: „та рѣчь мнѣ наиболѣе близка, которую я наилегче понимаю“, потому

¹⁾ Я имѣю въ виду только тѣхъ малороссовъ, которые, не будучи филологами, все же пытаются относиться къ діалектологическимъ вопросамъ осмысленно. А то вѣдь приходится встрѣчаться съ совершенно непонятной классификаціей: «малорусская рѣчь дѣлится на рѣчь Украины Австрійской и рѣчь Украины Россійской, причемъ въ послѣдней надо отличать рѣчь чисто-украинскую отъ рѣчи литвацкой». Изъ сожалѣнія, подобное классификаторство завоевало себѣ извѣстныя права гражданства въ печати, и иногда ему подчиняются даже ученые. Такъ проф. Колесса (*Archiv für slav. Phil.* XVIII, 220) видитъ въ рѣчи *подолянина* Руданскаго нарѣчіе «украинское», противоположное «нарѣчію галицкому и буковинскому». Между тѣмъ языкъ Руданскаго чрезвычайно близокъ къ галицкому, а отъ кіевскаго и полтавскаго имѣетъ важныя отличія.

что понятность обуславливаться может только близостью строя языка. И филологъ, сознавая, что дѣленіе малорусскихъ нарѣчій на три группы дѣйствительно не лишено филологическихъ основаній (то со стороны морфологіи и лексики, то со стороны фонетики), легко можетъ примириться съ такимъ дѣленіемъ; только, принявши въ расчетъ тонкія черты фонетическія, значенія которыхъ не спеціалистъ не можетъ понять ¹⁾, онъ произведетъ подлежащія модификаціи и перетасовки, перенесетъ извѣстные говоры изъ одной группы въ другую, а о нѣкоторыхъ сдѣлаетъ соответствующія оговорки; прекрасная, всѣмъ извѣстная статья К. П. Михальчука (Чуб., VП) представляетъ собою образецъ филологическаго отношенія къ малорусскимъ говорамъ при группировкѣ ихъ на три вѣтви. Но гораздо удобнѣе для филолога, разъ онъ желаетъ изучать *исторію* малорусскаго языка, положить въ основу классификаціи не лексическіе и не морфологическіе признаки ²⁾, а фонетическіе, и прежде всего—произношеніе звуковъ *ô* и *ê*. Въ старыя времена эти звуки во всѣхъ малорусскихъ нарѣчіяхъ произносились какъ двугласныя или какъ *ү*, *ю*; затѣмъ изъ нихъ образовался звукъ *ї*, въ однихъ говорахъ раньше, въ другихъ—позже; а въ иныхъ и теперь еще нѣтъ *ї*. Современные нарѣчія малорусскаго языка, если не принимать въ соображеніе ихъ словарнаго запаса и морфологическаго и основываться только на произношеніи, распадаются на двѣ группы: 1) такія, въ которыхъ *ô* и *ê* звучатъ еще по-архаичному, т. е. или какъ двугласныя *үо*, *юо*, *їэ* съ ихъ варіаціями, или какъ *ү*, *ю*, и 2) такія, въ которыхъ *ô* и *ê* произносятся *ї*; параллельно съ этимъ обѣ группы обладаютъ нѣкоторыми другими фонетическими особенностями, отличающими одну группу отъ другой. (Между той и другой группой

¹⁾ Напримѣръ, большую или меньшую мягкость звука *ї*, происходящаго изъ *ô*.

²⁾ Особенно неустойчивый критерій—запасъ лексическій, потому что подъ вліяніемъ политическихъ и культурныхъ обстоятельствъ онъ сравнительно легко поддается перемѣнамъ: старыя слова забываются, а усваиваются многія слова той чужой культуры, которая въ данный моментъ имѣетъ перевѣсъ. Поэтому филологъ, не игнорируя, конечно, лексическихъ показаній, все таки не имъ отводитъ первое мѣсто въ своихъ изслѣдованіяхъ по исторіи языка.

есть и промежуточные стадіи). Языкъ первой группы можно назвать нарѣчіемъ сѣверно-малорусскимъ, языкъ второй группы — нарѣчіемъ южно-малорусскимъ. Въ Россіи первымъ нарѣчіемъ, архаичнымъ, говорятъ малоруссы сѣверные (и въ томъ числѣ жители Черниговщины), жители кіевскаго и волынскаго Полѣсья, жители сѣверной части Кіевщины. Кіевъ теперь граница этого нарѣчія; средняя Кіевщина говоритъ ужъ рѣчью болѣе новоразвившеюся (съ і), но ясно еще сохраняющею многіе слѣды своей близости къ рѣчи сѣверной. Вторымъ нарѣчіемъ, гораздо болѣе освободившимся въ фонетическомъ отношеніи, говоритъ Австрійская Малорусь (безъ нѣкоторыхъ горныхъ частей), Волынь въ собственномъ смыслѣ, Подолія¹⁾; но наиболѣе типичный представитель этой группы есть рѣчь т. н. украинская, т. е. рѣчь южной окраины Кіевщины, большей части Полтавщины, Слобожанщины, — словомъ, тѣхъ мѣстностей, въ которыя, по свидѣтельству исторіи, была направлена колонизація съ запада (изъ Подолии, Волыни, кажется — отчасти и Галичины). Такимъ образомъ, діалектологическія данныя служатъ подтвержденіемъ данныхъ историческихъ. При этомъ отдаленность украинской морфологіи и лексики отъ галицко-подолюско-волынской и ея близость къ фактамъ рѣчи собственной Кіевщины, Черниговщины и Полѣсья ясно напоминаютъ, что сѣверно-малорусскіе элементы играли въ образованіи украинскаго населенія также немаловажную роль, будучи его основой.

Въ 1893 году, ужъ послѣ своихъ занятій въ области малорусской діалектологіи²⁾, г. Соболевскій написалъ рецензію³⁾

1) И здѣсь указываю только приблизительныя границы нарѣчій, только главнѣйшія группы.

2) Въ 1892-мъ году, въ „Живой Старинѣ“ (вып. IV, стр. 1—61) г. Соболевскій помѣстилъ статью о малорусской діалектологіи. Несмотря на порядочное количество неточностей, происходящихъ отъ незнакомства съ какимъ-нибудь малорусскимъ нарѣчіемъ практически, статья эта въ высшей степени важна какъ сводъ свѣдѣній, разбросанныхъ во множествѣ мелкихъ статей, изъ которыхъ большинство — библиографическая рѣдкость. Статья эта свидѣтельствуегь, что г. Соболевскій позанимался малорусской діалектологіей очень основательно, хотя самой то рѣчью малоруссовъ не вполне овладѣлъ.

3) Живая Старина 1893, вып. III, ст. 396—399.

на сочиненія Яблоновскаго: „Kolonizacya Ukrainy za ostatnich Jagellonów“¹⁾ и „Etnicka postać Ukrainy w erose zjednoczenia jej z Koroną“²⁾. Воспользовавшись показаніями малорусской діалектологіи и письменными данными памятниковъ XVI в., г. Соболевскій высказалъ въ упомянутой рецензіи слѣдующее заключеніе, съ которымъ мы можемъ не соглашаться только въ мелочахъ: „Несомнѣнно, что въ 16-мъ столѣтіи сѣверно-малорусскіе говоры слышались въ Волинскомъ Полѣсьи съ частями нынѣшней Минской, Гродненской и Сѣдлецкой губерній и на сѣверѣ старой Кіевщины,—тамъ, гдѣ слышатся теперь; но, вѣроятно, ихъ территорія тогда простиралась *дальше на югъ*, чѣмъ въ наши дни, такъ-что на мѣстѣ переходныхъ говоромъ, занимающихъ теперь среднюю часть Кіевской губерніи и юго-восточную окраину Волинскаго Полѣсья (въ Житомирскомъ уѣздѣ), въ то время звучали говоры вполне сѣверно-малорусскіе. Южно-малорусскимъ говорамъ принадлежали Подолье и Галиція съ прилегающей къ нимъ частью Волинской губерніи (собственно Волянью). А въ какую группу входилъ говоръ обитателей Украины³⁾ 16-го вѣка? Особенности украинскаго говора—вмѣстѣ особенности подольско-галицко-волинскаго говора того времени, когда онъ составлялъ еще одно цѣлое⁴⁾. Главная масса украинцевъ въ XVI вѣкѣ вышла въ Украину изъ Подолья и Галиціи и изъ сосѣдней съ ними части Волинской губерніи,—масса, въ

¹⁾ Kwartalnik Historyczny 1893, вып. I.

²⁾ Тамъ же, вып. IV.

³⁾ Въ настоящее время, благодаря развитію малорусскаго націонализма, слово „Украина“ примѣняется ко всякой малорусской области: слышь да рядомъ мы слышимъ, что и Черниговщина—Украина, и Кіевщина—Украина, и Волянью—Украина, и Галичина—Украина или Русь—Украина. Поэтому считаю излишнимъ напомнить читателю, что г. Соболевскій, подобно историкамъ, подѣ Украину разумѣетъ далеко не всю область малорусскаго племени, а только степное пространство, къ которому старая Кіевщина не относится и къ которому изъ территоріи современной кіевской губерніи принадлежитъ только южная окраина, къ югу отъ р. Роси.

⁴⁾ Г. Соболевскій имѣетъ въ виду, конечно, только особенности фонетическія, но, какъ мы увидимъ дальше, при изложеніи новѣйшей статьи г. Шахматова, даже въ фонетическомъ отношеніи рѣчь названныхъ западныхъ областей отличается кое въ чемъ существенномъ отъ рѣчи Украины. Есть основанія не отождествлять старой подольской рѣчи съ современною.

которой исчезло безслѣдно то *сравнительно* ничтожное количество колонистовъ, которое дали Украинѣ Полѣсье, Кіевщина и Бѣлоруссія¹⁾. Полѣшукі направлялись не столько въ Украину, сколько на востокъ въ Заднѣпровье, въ древнюю Сѣверщину, гдѣ было населеніе, конечно, великорусское“. Последнее утвержденіе г. Соболевскаго (о великорусскости *Черниговщины*), вполне бездоказательное, не можетъ быть принято безъ значительныхъ оговорокъ²⁾, но оно не существенно для того вопроса, кото-

¹⁾ Едва ли оно было ничтожнымъ даже сравнительно. Документальныя данныя, которыя собраны, между прочимъ, и у г. Яблоновскаго, говорятъ, что приливъ колонистовъ съ сѣверо-запада былъ порядочный; морфологія и лексика украинскаго нарѣчія, какъ это было нами отмѣчено выше, устраиваютъ мысль о чрезвычайномъ преобладаніи колонистовъ волынскихъ и подольскихъ, а тѣмъ болѣе—галицкихъ. Да и фонетической близости рѣчи украинской съ рѣчью галицко-волынско-подольскою нельзя придавать *чрезмѣрную* значенія, потому что произношеніе *о* и *ё* за *і* могло бы развиваться на Украинѣ даже вполне органически (такъ же, какъ оно развилось и въ Галичинѣ, гдѣ сперва также слышались двугласныя, или *у*, *ю*), при минимальномъ вліяніи рѣчи выходцевъ западныхъ.

²⁾ Одну часть Черниговщины, вѣроятно, исключаетъ и г. Соболевскій: онъ употребляетъ терминъ „Сѣверщина“, а не „Черниговщина“,—слѣдовательно ничего не говоритъ о жителяхъ той приднѣпровской полосы современной черниговской губерніи, которая входила въ составъ древней Кіевщины и имѣла, очевидно, однородное съ кіевскимъ населеніе, т. е. полянское, или сѣверно-малорусское. Но великорусскимъ ли, зато, было населеніе прочей части Черниговщины и—что интересно всего—населеніе города Чернигова? Пока не будутъ представлены серьезныя доказательства, мы принуждены думать, что старинные черниговцы были предки тѣхъ малоруссовъ, рѣчь которыхъ проявилась, напимѣръ, въ стародубской грамотѣ 1400-го года, и тѣхъ, которые живутъ тамъ теперь. Г. Соболевскій въ пользу своего мнѣнія ссылается на тотъ фактъ, что „названіе сѣверной столицы звучитъ у малоруссовъ по-великорусски: Чернѣговъ, а чисто малорусская форма должна бы звучать Чернѣговъ“ (съ огорченіемъ отмѣтимъ въ скобкахъ, что и занятія малорусской діалектологіей не научили г. Соболевскаго малорусскому нарѣчію: вѣдь по-малорусски окончаніе *ОВѢ* переходитъ въ *НВѢ*, и фонема Чернѣговъ никакъ не была бы „чисто малорусской“). Очевидно, г. Соболевскій не знаетъ, что у малоруссовъ существуютъ параллельно двѣ равноправныя фонемы: Чернѣговъ и Чернѣговъ; чередованіе *М* и *Н* (т. е. старинныхъ *М* и *Н*) объясняется тѣмъ, что малоруссы вообще любятъ двоякую огласовку суффикса (и окончанія) *НГЛ*,—напимѣръ: ченныгъ и ченигъ (рукоятъ у плуга), сущыгъ и сучыгъ (пройдоха), цапыгъ и цапыгъ (козлице), кацапыгъ и кацапыгъ, сопыгъ и сопыгъ (въ этомъ словѣ *ѣ* очень употребительно, срв. фамилію князей Сопѣгъ), кустерыгъ и кустерыгъ (*Festuca ovina*), драпыгъ-

рымъ мы заняты сейчасъ, т. е. для вопроса объ этнографическомъ составѣ *киевлянъ* княжескаго періода. Намъ интересно только отмѣтить, что въ 1893-мъ году г. Соболевскій усматривалъ галицко-волинско-подольскихъ пришельцевъ уже только въ Украинѣ; Кіевщину, наоборотъ, онъ дѣлаетъ не колоніей, а одною изъ метрополій колонизаціи.

Въ январѣ 1897 года г. Соболевскій рецензировалъ¹⁾ статью А. М. Лазаревскаго объ украинской южно-лѣвобережной колонизаціи: „Лубенщина и князя Вишневецкіе“²⁾. А. М. Лазаревскій въ началѣ своей статьи указываетъ, что Посулье (южная или точнѣе средняя Полтавщина) въ XVI вѣкѣ было почти пустынею, и кіевская Украина (т. е. южная окраина Кіевской губерніи, не входившая въ составъ древняго Кіевского княжества) была въ XVII вѣкѣ тоже почти пустынею. Ни одинъ изъ историковъ Малороссіи не забывалъ сообщить объ этомъ³⁾,

облунига и драпига-облунига (обирало), остряга и острига, кочадага (папоротникъ) при кочаджынь, — слѣдовательно, **УЪРННГА** и **УЪРНѢГА** (д. б, увеличительное отъ **УЪРНЬ**). Произношеніе Чернигивъ (съ **Н**, не **М**) преобладаетъ именно въ самой Черниговщинѣ, гдѣ неизвѣстно твердое **М**, такъ-что **Н** и **Ъ** смѣшиваются тамъ и во многихъ другихъ словахъ.

¹⁾ Журналъ Мин. Нар. Просв. 1897, Январь, 175—176.

²⁾ Перепечатка изъ „Кіевской Старини 1896 г. январь, февраль, мартъ.

³⁾ Ограничимся выписками изъ монографіи „Кіевъ“ В. В. Антоновича (Кіев. Стар. 1882, январь). „Звенигородскій и переяславскій повѣты были въ XV столѣтіи совершенно опустошены татарами, замки разорены, и князя перестали даже посылать намѣстниковъ въ эти опустѣвшія области“ (стр. 31). „Между ногайскими кочевьями (расположенными Менгли-Гиреємъ) и между заселенною частью кіевскаго княжества образовалось обширное, почти пустынное пространство, пролежавшее отъ береговъ Роси до пороговъ и средняго теченія Ингула; на этомъ пространствѣ велась постоянная партизанская война между удалцами татарскими и русскими, и подъ прикрытіемъ послѣднихъ медленно и постепенно выдвигалась въ степь южно-русская колонизація изъ Кіевской области. Къ сѣверу отъ Роси страна, не смотря на татарскіе набѣги, была заселена и правильно устроена“ (стр. 27). „Въ XVI вѣкѣ новыя выходы изъ кіевскаго Полѣсья занимаютъ новыя мѣста: съ одной стороны вновь заселяется поддѣйровская часть бывшаго Переяславскаго княжества, съ другой стороны заселяются „грунты уманскій и звенигородскій“, въ которыхъ только въ концѣ XVI столѣтія правительство официально признаетъ существованіе поселеній и лишь въ началѣ XVII в. назначаетъ комиссію для осмотра края и опредѣленія его пространства“ (стр. 34).

хотя г. Соболевскій въ своей рецензіи и говоритъ, будто кievская школа историковъ это отрицаетъ¹⁾; но г. Лазаревскій отличается отъ нихъ постановкой вопроса о метрополіи украинской колонизаціи, послѣ уніи 1569 года. Предыдущіе изслѣдователи приходили къ заключенію, что въ XVI и XVII вѣкѣ Украина колонизовалась, съ одной стороны, по прежнему сѣверными элементами, съ другой стороны—изъ Волыни и Подоліи, особенно въ эпоху Руины. Г. Лазаревскій, пользуясь „помощью однѣхъ догадокъ, хотя, повидимому, и вѣроятныхъ“²⁾, рѣшаетъ, что въ степной Украинѣ не могли бы селиться выходцы изъ Черниговщины, Полѣсья и Волыни, привыкшіе къ лѣсной природѣ, а такъ-какъ Украина Кіевская сама тогда еще заселялась, то „двигалось населеніе на лѣвый берегъ Днѣпра повидимому изъ Подоліи“³⁾; но такъ-какъ и въ Подоліи разгаръ колонизаціонной дѣятельности приходится именно на вторую половину XVI и самое начало XVII вѣка (другими словами: такъ какъ сама Подолія была въ то время далеко не вся заселена), то г. Лазаревскій считаетъ возможнымъ—метрополію украинской колонизаціи предположить въ Руси Галицкой⁴⁾. Не трудно

¹⁾ Названная рецензія, стр. 175.

²⁾ „Лубенщина“, Кіев. Стар. 1896, янв., стр. 123.

³⁾ Тамъ же, стр. 125.

⁴⁾ Стр. 126. Позволю себѣ мимоходомъ высказать многоуважаемому А. М. Лазаревскому свое мнѣніе о его гипотезѣ. Что среди прочихъ выходцевъ съ запада могло прийти на Украину въ XVI—XVIII в. известное количество колонистовъ изъ Галичины, противъ этой догадки спорить незачѣмъ; но счесть Галичину за метрополію украинской колонизаціи и вовсе не признавать въ Украинѣ притока (и притомъ большого) колонистовъ изъ сѣверно-малорусскихъ областей не позволяетъ филологическое изслѣдованіе украинскаго нарѣчія: оно сходно съ галицкимъ нарѣчіемъ только въ главнѣйшихъ фонетическихъ чертахъ (и то въ такихъ, которыя, какъ извѣстно изъ исторіи развитія малорусскаго языка, могли бы развиться въ украинскомъ нарѣчій органически, самостоятельно, безъ малѣйшаго воздѣйствія не только галицкаго, но, пожалуй вообще всякаго западно-малорусскаго), а другими фонетическими чертами, морфологіей и лексикой украинское нарѣчіе стоитъ чрезвычайно близко, напрямѣръ, къ рѣчи черниговской и сѣверно-кіевской. Галицкое нарѣчіе, вѣстѣ съ другими нарѣчійми западно-малорусскими, могло только участвовать въ образованіи нарѣчія украинскаго, но украинское нарѣчіе не можетъ быть произведено изъ галицкаго. Для филолога это должна быть аксіома: такъ и Максимовичъ сорокъ лѣтъ тому назадъ указалъ на это обстоятельство Погодицу;

замѣтить, насколько гипотеза А. М. Лазаревскаго о галицкой колонизаціи Украины (а не Кіевщины) въ XVI—XVII в. (а не послѣ Батюя) отличается отъ прежней гипотезы г. Соболевскаго. Тѣмъ не менѣе г. Соболевскій написалъ въ рецензій воть что: „Таково мнѣніе г. Лазаревскаго. Оно, вообще говоря, не ново, и между прочимъ мы сами говорили то же, что и авторъ, пользуясь отчасти историческими, отчасти лингвистическими данными (послѣднія г. Лазаревскому, повидимому, не доступны). Слишкомъ десять лѣтъ назадъ мы говорили о слабости населенія

такъ и акад. Ягичъ въ 1884 году повторилъ то же г. Соболевскому; такъ и ак. Шахматовъ въ тѣ времена, когда еще держался мнѣніе о безслѣдномъ исчезновеніи старыхъ кіевлянъ, не рѣшился населить Украину галичанами и хотѣлъ вывести ея нарѣчіе изъ Волыни (Русск. Фил. Вѣстн. 1894, кн. IV, стр. 1—12; теперь ак. Шахматовъ счелъ и это немислимымъ); да и самъ г. Соболевскій называетъ сѣверную примѣсь въ Украинѣ не просто ничтожной, а „сравнительно ничтожной“. Соображеніе г. Лазаревскаго, будто въ степной Украинѣ не могъ бы поселиться выходецъ изъ лѣсной мѣстности, совершенно неубѣдительно. На нашихъ глазахъ переселенцы сплошь да рядомъ идутъ въ мѣста съ иной природой, чѣмъ на ихъ родинѣ; плодородная степь, не лишенная притомъ лѣса въ балкахъ, могла быть сѣверцамъ даже привлекательнѣе, чѣмъ ихъ родная страна. А если бы было правильно мнѣніе г. Лазаревскаго, что степь могла заселиться не иначе, какъ выходцами изъ *однохарактерныхъ* мѣстъ, то все равно пришлось бы и Галичину исключить изъ числа украинскихъ метрополій, потому что ея природа тоже не однохарактерна съ украинской. Что общаго было у горной, лѣсистой Коломны съ южной Полтавщиной? а между тѣмъ г. Лазаревскій какъ-разъ изъ Коломны хотѣлъ бы видѣть колонистовъ въ южной Полтавщинѣ. Онъ находитъ, что о колонизаціи, направившейся изъ Коломнѣщины, свидѣтельствуетъ прозвище „Коломонецъ“, которое часто встрѣчается въ южной лѣвобережной Украинѣ. Но вѣдь слово „коломонецъ“ значитъ по-малорусски просто „солеваръ“, „солянопромышленникъ“ и можетъ указывать (если дѣйствительно имѣетъ связь съ именемъ города Коломны) на старинную общезвѣстность Коломнѣйскихъ присковъ (уже у чернеца Клементія, т. е. при Мазенѣ, слово „Коломонецъ“ является нарицательнымъ), а вовсе не на колонизацію Украины Галичиною. По-малорусски, впрочемъ, и слово „коломны“ оказывается не только именемъ собственнымъ (города въ Галичинѣ и рѣки, впадающей въ Прутъ), но прежде всего именемъ нарицательнымъ, съ разнообразными значеніями: такъ называется и особое растеніе, и родъ сумки, и болдобина, откуда, вѣроятно, также соляная яма; значитъ, слово „коломонецъ“ могло возникнуть на Украинѣ даже безъ всякаго отношенія къ г. Коломнѣ. Вообще же въ вопросѣ объ украинской колонизаціи строить какія-либо догадки на прозвищѣ „коломонецъ“—совѣтъ не позволительно. Далѣе, г. Лазаревскій говоритъ: „По недостатку историческаго матеріала изслѣдованіе вопроса о происхожденіи коломистовъ южной лѣвобережной Малорос-

киевской области въ XVI и въ началѣ XVII вѣка и о движеніи населенія въ приднѣпровскія степи съ запада, изъ галицко-волинской земли. Три года назадъ, по поводу статей г. Яблоновскаго, мы повторили свое мнѣніе, указавъ на рѣшающія вопрось лингвистическія данныя“. Итакъ, въ 1897-мъ году у г. Соболевскаго настолько ослабѣла его прежняя погодинская гипотеза, что ему самому она начала представляться не въ видѣ гипотезы объ истребленіи кievскаго великорусскаго населенія Батыемъ, а просто въ видѣ утвержденія „о слабости населенія кievской области въ XVI—XVII в. и о движеніи галицко-волинскаго населенія въ приднѣпровскія степи“.

Вполнѣ ясно высказалъ г. Соболевскій свои новыя воззрѣнія на этотъ предметъ, въ маѣ 1897-го года въ статьѣ: „Изъ исторіи русскаго языка“ (Ж. М. Н. Пр.). Въ ней ужъ не

сія можетъ быть произведено съ помощью этнографическаго матеріала. Тутъ слѣдуетъ произвести сравнительное изученіе пѣсенъ и разныхъ житейскихъ обрядовъ съ пѣснями и такими же обрядами жителей преимущественно Полтавской губ.“ (Кiev. Стар. 1896, янв., 126). Такого сличенія г. Лазаревскій еще не произвелъ, но оно и не подтверждать его догадки о Галичинѣ, какъ единой метрополи. Что въ пѣсенномъ репертуарѣ украинскомъ есть близость къ галицкому, это вѣрно; но такая же близость существуетъ у него къ репертуару Подолія, Волини, сѣверной Малоруссіи и даже Бѣлоруссіи; при этомъ между пѣснями украинскими и сѣверно-малорусскими нѣтъ той разницы въ формахъ, словахъ и оборотахъ языка, которая такъ ощутительна при сравненіи пѣсенъ украинскихъ съ галицкими. (Сопоставленіе пѣсеннаго малорусскаго матеріала отчасти уже произведено: г. Довнаръ-Запольскій въ „Пѣсняхъ Пинчуковъ“ (Ж. 1895) и г. Гринченко въ III томѣ своихъ „Этнографическихъ матеріаловъ, записанныхъ въ Черниговщинѣ и сосѣднихъ губерніяхъ“ (Ч. 1899) указываютъ параллели изъ всѣхъ прочихъ мѣстъ Малороссіи. Слышала я, что г. Лазаревскій обращается также къ географической номенклатурѣ Украины. Онъ указываетъ, что многія села Полтавщины носятъ такія же названія, какія имѣются въ Галичинѣ. Но вѣдь въ Полтавщинѣ есть также много другихъ селъ, съ названіями восходящими не къ Галичинѣ, а къ другимъ мѣстностямъ; поэтому только тѣ одноименныя съ галицкими украинскія села могутъ считаться колоніями Галичины, имена которыхъ повторяются исключительно въ Галичинѣ и не существуютъ ни въ Подоліи, ни на Волини, ни въ сѣверной Малорусіи, ни въ Бѣлоруссіи, — словомъ, нигдѣ въ другихъ мѣстахъ. Если такія села окажутся (а нельзя ранѣе предугадывать, что не окажутся), то хоть невозможенъ будетъ выводъ, будто одна Галичина была метрополіей украинской колонизаціи, но за то возможна будетъ увѣренность, что *кроме* подолянъ, волынянъ, бѣлорусовъ и сѣверныхъ малоруссовъ шла на Украину и галичане.

Томъ 66. — Сентябрь, 1899.

I—2

БІБЛІОТЕКА
Ивано-Франківського
педагогічного інституту

только ничего не говорится объ исчезновеніи старокіевскаго населенія отъ Батьева погрома и приходѣ галичанъ или волынчанъ въ Кіевъ, но, напротивъ, кіевскій говоръ XI—XVI вѣка разсматривается какъ одно преемственно развивающееся цѣлое, и только для XV—XVI вѣка предполагается (на основаніи, понятно, документальномъ) нѣкоторая чужая примѣсь, но ужь не галицкая и не волинская, а сѣверная: бѣлорусская или великорусская. Вотъ заключительныя слова г. Соболевскаго: „Старый кіевскій говоръ былъ изъ нынѣшнихъ (великорусскихъ) говоровъ особенно близокъ къ говорамъ Орловской и Курской губерній¹⁾, которыя, по всей вѣроятности²⁾, до движенія въ Сѣверщину малоруссовъ, занимали всю ея территорію, но онъ едва ли былъ чистымъ великорусскимъ говоромъ. Трудно сказать, былъ ли онъ переходнымъ говоромъ отъ великорусскаго нарѣчія къ малорусскому (въ родѣ тѣхъ бѣлорусскихъ говоровъ, которые теперь занимаютъ южную и западную окраины бѣлорусской территоріи), или (для XV—XVI вѣковъ) говоромъ смѣшаннымъ“³⁾. Зная уже предыдущую рецензію г. Соболевскаго (по поводу Яблоновскаго) и его діалектологическія характеристики „тѣхъ бѣлорусскихъ говоровъ, которые теперь занимаютъ южную и западную окраины бѣлорусской территоріи“⁴⁾, мы видимъ, что г. Соболевскій относитъ старый кіевскій говоръ къ числу сѣверно-малорусскихъ. Противъ такого мнѣнія не рѣшится по существу спорить, вѣроятно, ни одинъ историкъ малорусскаго нарѣчія⁵⁾; спорить можно только о томъ, былъ

¹⁾ Въ этихъ говорахъ смѣшиваются В и У, спорадически Ы и И, Ъ и И; слышится Ъ, а не Г; произносится ХЕ вм. Ф; удваивается согласная передъ Ъ (замиренья); смягчаются гортанные (на дарозѣ, на руцѣ); образуется 3-ье л. ед. ч. безъ „тъ“ (онъ знае), и т. п. По замѣчанію акад. Шахматова (Ж. М. Н. Пр. 1899, апр., 369) рѣчь орловцевъ настолько своеобразна, что у исследователей являлось желаніе считать орловцевъ не великоруссами, а чистѣйшими бѣлоруссами.

²⁾ Это нужно доказать чѣмъ-нибудь.

³⁾ Ж. М. Н. Пр. 1897, май, стр. 50.

⁴⁾ См. „Очерки русской діалектологіи“. Живая Старина 1892, вып. III, стр. 3—4; вып. IV, стр. 12.

⁵⁾ У Потебни, Житецкаго, Огоновскаго, Ягича и др. можно встрѣтить болѣе или менѣе прямое заключеніе, что старокіевское нарѣчіе принадлежало къ типу

ли старый кievский говоръ изъ числа такихъ, каковы, напримѣръ, современный говоръ пинскій¹⁾, или это былъ тотъ же говоръ, который и теперь господствуетъ въ сѣверной Кіевщинѣ. Первое предположеніе маловѣроятно.

Эти строки были уже написаны, когда въ апрѣльской книгѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ появилась замѣчательная статья акад. Шахматова: „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей“²⁾. Научной неподкупности г. Шахматова мы не смѣли заподозривать даже тогда, когда онъ держался прежней, ярко невѣроятной гипотезы г. Соболевскаго³⁾. Теперь, на основаніи внимательнаго изученія древнерусской исторіи и современной діалектологіи⁴⁾, г. Шахматовъ съ истинно академическимъ безпристрастіемъ рѣшительно отказался отъ той гипотезы и заявилъ объ исконной малорусскости жителей Кіевской области. Приведемъ извлеченія изъ его статьи.

арханчскому, сѣверно-малорусскому. Воплиѣ ясно высказано это у того лица, которое наиболѣе компетентно въ вопросахъ малорусской діалектологіи, — у К. П. Михальчука. Онъ, говоря объ исконномъ дѣленіи южно-руссовъ на группу сѣверо-восточную и юго-западную, къ первой группѣ относитъ древлянъ и полянъ кievскихъ и переяславскихъ (Кiev. Стар. 1893, сент., стр. 460). „Современное полѣшское, или сѣверно-малорусское поднарѣчіе является лишь незначительнымъ осколкомъ прежней обширной отрасли южно-русской рѣчи сѣверо-восточнаго (полянско-древлянскаго) типа... Украинское же поднарѣчіе образовалось на почвѣ древней полянско-древлянскій рѣчи подъ продолжительнымъ вліаніемъ на нее рѣчи воляннъ и подолнъ, а можетъ быть, отчасти и галичанъ“ (Тамъ же, стр. 460). О. Я. Корзи, необыкновенная филологическая провицательность котораго общезвѣстна, сообщалъ мнѣ, что, по его изслѣдованію, старая кievская рѣчь была полѣшская. То же на дняхъ высказалъ акад. Шахматовъ въ своей статьѣ (Ж. М. Н. Пр., апр.). Такимъ образомъ, говоря, что никакой филологъ не будетъ причислять старый кievский говоръ къ южно-малорусскимъ, я руковожусь вовсе не субъективнымъ предположеніемъ.

¹⁾ Г. Соболевскій склоняется именно къ этому, но вѣроятно, не долго будетъ настаивать на своемъ предположеніи.

²⁾ Ж. М. Н. Пр. 1899, апрѣль, 324—384.

³⁾ Сrv. Кiev. Стар. 1898, июль, 355.

⁴⁾ А съ показаніями памятниковъ онъ ужъ раньше былъ прекрасно знакомъ.

Для современныхъ малорусскихъ нарѣчій г. Шахматовъ принимаетъ сперва дѣленіе на три группы¹⁾. Эти три группы: сѣверно-малорусская, восточно-украинская, западно-украинская²⁾. Изъ нихъ наиболѣе противоположны другъ другу въ фонетическомъ отношеніи — нарѣчіе восточно-украинское и нарѣчіе сѣверно-малорусское. Западно-украинское занимаетъ средину между ними: хоть оно, подобно восточно-украинскому (полтавско-харьковскому), не имѣетъ двугласныхъ, все таки оно произноситъ звукъ *i* (изъ *o*) болѣе твердымъ, болѣе архаичнымъ способомъ, чѣмъ восточно-украинское; что касается другихъ фонетическихъ чертъ западно-украинскаго нарѣчія, то во многихъ оно приближается, пожалуй, къ восточно-украинскому, но одновременно заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя важныя черты сѣверно-малорусскаго нарѣчія, несвойственныя восточно-украинскому³⁾. Характеръ западно-украинскаго нарѣчія говоритъ филологу о томъ, что оно возникло отъ воздѣйствія сѣверно-малорусскаго нарѣчія на восточно-украинское. При нынѣшней географической группировкѣ малорусскихъ племенъ такое происхожденіе западно-украинскаго нарѣчія казалось бы физически невозможнымъ. Но вѣдь мы знаемъ изъ исторіи народа, что восточные украинцы (напримѣръ, харьковцы и полтавцы) не всегда жили въ Харьковщинѣ и Полтавщинѣ, а пришли туда

¹⁾ Онъ, какъ и г. Соболевскій, руководится въ своей классификаціи исключительно фонетическими чертами, однако для него служить критеріемъ (и совершенно основательно) не только произношеніе *o* за *i*, но также степень твердости или мягкости этого *i*. Кромѣ того онъ считается съ большей или меньшей твердостью *ы* (кулишевскаго *и*), мягкостью или твердостью *р* (прямо и прамо), отвердѣніемъ или неотвердѣніемъ *ть* (винъ ходыТЬ, винъ ходыТЬ), суженіемъ *я* въ *e* (взѣты, взыты) и т. д.

²⁾ Отдѣльной діалектической особи червонорусской г. Шахматовъ не признаетъ, а относитъ одни галицкіе говоры къ сѣверно-малорусскому нарѣчію, другіе — къ западно-украинскому. Такимъ образомъ, терминъ „Украина“ у него имѣетъ гораздо болѣе широкое значеніе, чѣмъ принято у историковъ. См. назв. статью стр. 328, 344.

³⁾ Отвердѣніе, хотя и спорадическое, мягкаго *р*; отвердѣніе, хотя и не постоянное, окончанія *т* въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ; произношеніе *ы* вмѣсто восточно-украинскаго средняго *и*; суженіе *я* въ *e*, и т. д. — Стр. 328 и 344.

съ запада, изъ-за Днѣпра, гдѣ географическое положеніе трехъ малорусскихъ группъ могло быть иное. Изъ какого же Правобережнаго мѣста пришли они на востокъ Днѣпра? Особенности современнаго восточно-украинскаго нарѣчія, сложившагося (это ясно филологу) непремѣнно такъ же давно, какъ и другія малорусскія нарѣчія¹⁾, показываютъ, что лѣвобережные колонисты (полтавцы, харьковцы) въ тѣ времена, когда они жили еще на Правобережьи, жили тамъ не иначе, какъ въ самой южной его части. Скажемъ то же иными словами: большія противоположность восточно-украинскаго нарѣчія сѣверно-малорусскому и смѣшанный, посредствующій характеръ западно-украинскаго нарѣчія показываютъ, что на первоначальной родинѣ малорусскаго языка, въ Правобережьи, передъ началомъ движенія малоруссовъ за Днѣпръ, область сѣверно-малорусскаго и область восточно-украинскаго нарѣчія не примыкали другъ къ другу непосредственно, но были разъединены областью нарѣчія западно-украинскаго; слѣдовательно, къ югу отъ области сѣверно-малорусскаго нарѣчія лежала сперва область нарѣчія западно-украинскаго, а ужъ къ югу отъ послѣдняго—область восточно-украинскаго нарѣчія (предка нынѣшней харьково-полтавской рѣчи). Но такъ-какъ въ этой группировкѣ срединное (по нынѣшнему „западно-украинское“) нарѣчіе можно считать не самостоятельно возникшимъ нарѣчіемъ, а просто переходной стадіей между двумя остальными малорусскими нарѣчіями (между самымъ сѣвернымъ и самымъ южнымъ), то формулировать результаты всего предыдущаго филологическаго анализа можно такъ: „На пространствѣ, лежащемъ по правую сторону Днѣпра, малорусское нарѣчіе, въ самую древнюю свою эпоху, гораздо раньше начала колонизаціоннаго движенія на лѣвый берегъ Днѣпра, дѣлилось только на двѣ вѣтви—сѣверную и южную; но отъ продолжительнаго сближенія сѣверной вѣтви съ южною получился еще рядъ смѣшанныхъ говоровъ, какъ въ современной Украинѣ, такъ и въ Галиціи²⁾. Позже произошло выселеніе

¹⁾ Стр. 328.

²⁾ Въ этомъ мѣстѣ г. Шахматовъ Галицію уже противопоставляетъ Украинѣ.

той части южной вѣтви, которая сохранилась въ чистотѣ и не смѣшалась съ сѣверной, на востокъ—въ Полтавщину и Слободскую Украину¹⁾.

Эта картина лишена еще отчетливости: она какъ бы не ретуширована и набросана только въ общихъ контурахъ. Составивши показанія языка съ показаніями истории народа, г. Шахматовъ устанавливаетъ ужъ болѣе подробныя, болѣе опредѣленныя свѣдѣнія по вопросу объ образованіи малорусскихъ народностей. Восточною границею южнорусской (иначе—малорусской) вѣтви русскаго народа былъ Днѣпръ, который южноруссы перешли, повидимому, не ранѣе XIV вѣка²⁾; сѣверною границею была приблизительно Припеть, которую южноруссы, впрочемъ, перешли еще въ доисторическую эпоху; южная и западная границы часто колебались и измѣнялись. Эта территория, ограниченная съ востока Днѣпромъ, была занята малоруссами въ эпоху доисторическую: мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобы современные малоруссы пришли въ Приднѣпровье лишь въ историческое время³⁾. Лѣтописецъ называетъ на этой территоріи не одно, а нѣсколько южнорусскихъ племенъ: полянъ, древлянъ, волынянъ, бужанъ, тиверцевъ, дулѣбовъ, хорватовъ, уличей. Но такъ-какъ потомки южно-руссовъ современные малоруссы отъ береговъ Припети вплоть до Чернаго моря, отъ Днѣпра и до Карпатъ говорятъ такими говорами, которые ясно свидѣтельствуютъ объ исконномъ племенномъ ихъ единствѣ, то мы должны признать единоплеменность тѣхъ южныхъ племенъ,

¹⁾ Стр. 329.—Рискуя надѣсть читателю многократнымъ повтореніемъ того, что уже было сказано выше, я все таки сдѣлаю нѣсколько замѣчаній къ выводамъ г. Шахматова. Невозможность производить, напримѣръ, полтавцевъ отъ галичанъ у него основана только на фонетическихъ чертахъ восточно-украинскаго нарѣчія. Напоминаю, что о той же невозможности вопіютъ черты морфологическія и лексическія. Эти же черты указываютъ, что засельниками лѣвобережной Украины были колонисты не только изъ самаго южнаго Правобережья, но также изъ области сѣвернаго малорусскаго нарѣчія.

²⁾ Стр. 338. Исключеніе г. Шахматовъ дѣлаетъ для той узкой береговой полосы Приднѣпровскаго лѣвобережья, которая еще прежде XIV вѣка принадлежала южноруссамъ кіевскимъ. (Стр. 344).

³⁾ Стр. 339.

о которыхъ повѣствуетъ лѣтописецъ. Южноруссы издавна дѣлились на лѣсныхъ и степныхъ; такое дѣленіе обуславливалось природою занятой ими страны. Лѣсныя пространства лежали къ сѣверу, степныя къ югу. Вотъ почему г. Шахматовъ принимаетъ *исконное* дѣленіе южно-руссковъ (иначе—малоруссовъ) на вѣтви—сѣверную и южную¹⁾. Къ сѣверной вѣтви южно-руссковъ принадлежали хорваты, бужане (жившіе по Западному Бугу), дулѣбы (жившіе нѣкогда по южному Бугу), древляне и, наконецъ, поляне; къ южной вѣтви южно-русской группы относились тиверцы, уличи и волыняне²⁾. Но въ историческую эпоху удары степняковъ (печенѣговъ и половцевъ,—съ конца X в.) повліяли на южныя малорусскія племена: они должны были двинуться къ сѣверу и потѣснить племена сѣверныя³⁾: сначала, на востокъ малорусской территоріи, волыняне потѣснили древлянъ и дулѣбовъ⁴⁾; не покидая излюбленнаго юга, уличи, сидѣвшіе внизъ по Днѣпру (очевидно, до самаго моря), удаляются къ западу и поселяются между южнымъ Бугомъ и Днѣстромъ⁵⁾; а на самомъ западѣ малорусской территоріи, южно-малорусское племя тиверцевъ, отѣсненное отъ Дуная и отъ моря, двинулось въ область сѣверно-малорусскаго племени хорватовъ, въ бассейнъ Днѣстра, и частью оба племени сливаются, а частью хорваты оставляютъ свои прежнія жительствова и углубляются въ Карпаты⁶⁾. По поводу культурнаго полянскаго центра—Кіева—г. Шахматовъ замѣчаетъ, что его общерусское значеніе создано не одними мирными земледѣльцами—полянами, но и военно-торговымъ движеніемъ по Днѣпру. Кіевъ былъ центромъ, объединявшимъ нѣкоторые изъ

¹⁾ Стр. 344.

²⁾ Стр. 339.

³⁾ Стр. 341.

⁴⁾ Стр. 348. На уличей читателю слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, такъ какъ (это мы увидимъ ниже) именно отъ нихъ г. Шахматовъ выводитъ современное восточно-украинское нарѣчіе.

⁵⁾ Стр. 344 и 350. И теперь мы находимъ въ Карпатахъ такіе говоры, которые несомнѣнно должно относить къ сѣверно-малорусской группѣ (срв. переходъ ъ въ у), а галицкое, или червоно-русское нарѣчіе представляетъ на южно-малорусской основѣ рядъ сѣверно-малорусскихъ особенностей.

⁶⁾ Стр. 351.

русскихъ племень и всего вѣроятнѣе—полянь съ сѣверянами¹⁾. „Вотъ почему нѣкоторые древніе памятники, писанные въ Кіевѣ, не содержатъ тѣхъ рѣзкихъ діалектическихъ особенностей, которыми отличаются памятники новгородскіе или даже сосѣднихъ съ Кіевомъ городовъ деревской, волинской, можетъ быть, даже самой полянской земли: очевидно, въ общерусскомъ городѣ создалось такое нарѣчіе, которое утратило или сгладило наиболѣе рѣзкія діалектическія черты... А. И. Соболевскій сначала допустилъ въ Кіевѣ присутствіе великоруссовъ, а впослѣдствіи—одного изъ тѣхъ племень, которыя со временемъ образовали великорусское племя²⁾. Конечно, предположеніе о смѣшанномъ характерѣ Кіевского (городскаго) населенія дѣлаетъ совершенно излишней гипотезу Соболевскаго, въ значительной степени выдуманную теоріей Погодина, признававшего возможнымъ переселеніе русскаго племени изъ Приднѣпровья въ при-окскую область послѣ татарскаго нашествія. Но во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ основанія не признавать кіевского населенія южно-русскимъ, хотя оно было въ самомъ городѣ значительно разрѣжено другими русскими племенами и всего вѣроятнѣе сѣверянами“³⁾.

¹⁾ Стр. 351.

²⁾ Я въ этой же главѣ, выше показавъ читателю, что тѣ „нѣкоторые“ кіевскіе памятники, на какихъ г. Соболевскій строилъ свою гипотезу о великорусскости Кіева, писаны или вовсе не въ Кіевѣ, или не кіевлянами. Наоборотъ, памятники, писанные кіевлянами, проявили въ себѣ тѣ малорусскія особенности, какія существовали въ малорусскомъ языкѣ стараго времени.

³⁾ Стр. 345—346.—Въ выноскѣ (на стр. 345) г. Шахматовъ замѣчаетъ, что «говоръ князей и дружины имѣлъ, несомнѣнно, общерусскій характеръ, благодаря ихъ постояннымъ передвиженіямъ». Навѣрное, и среди купечества, думается намъ, бывали часто некіевляне, пріѣзжавшіе нажитья въ такой торговый городъ, какъ Кіевъ. Кіевъ привлекалъ къ себѣ немалоруссовъ еще и потому, что сдѣлался общерусской религіозной святыней, разсадникомъ христіанства въ областяхъ къ сѣверу отъ него. Кіево-печерское монашество, этотъ питомникъ просвѣщенія, несомнѣнно заключало въ своей средѣ и некіевскіе элементы, такъ-какъ нельзя же предположить, чтобы никто—ну, хоть, изъ вятичей—не послѣдовалъ примѣру своего апостола Кукши Кіево-печерскаго и не поступалъ въ монахи Лавры. Впрочемъ, это и безъ предположеній извѣстно,—по Патерику; то же видно изъ записей на кіево-печерскихъ рукописяхъ (вспомнимъ хоть вышеупомянутую Псалтырь Спиридона (Москвичъ) 1397 го года; заказанное Іоной Балакиревымъ Евангеліе 1411-го г.; хранящійся въ Московской Духовной Академіи, но писанный въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ Златоуструй

Переходя къ нашествію татаръ, г. Шахматовъ говоритъ: южно-руссѣ въ Задніпровьи подверглись жестокимъ и страшнымъ ударамъ со стороны татаръ: ихъ орды заходили такъ далеко, куда половцы могли проникнуть только въ качествѣ союзниковъ русскихъ царей. Всѣ историки согласны въ томъ, что Кіевская земля была совершенно опустошена татарами: конечно, невѣроятно, чтобы они превратили ее въ безлюдную пустыню, но во всякомъ случаѣ значительная часть населенія должна была искать болѣе безопасныхъ поселеній и, конечно, двигалась при этомъ къ сѣверу и западу. вмѣстѣ съ тѣмъ остатки кіевского (сѣверно-малорусскаго) населенія должны были принять совершенно иной харак-

Ондра Тфертина 1474 года). Дѣлая эти указанія, я тѣмъ самымъ подтверждаю мысль о чужой примѣси въ рядахъ (зіт веня вербо) „интеллигенція“ стараго города Кіева. Однако, ничто намъ не указываетъ, чтобы рѣчь пришлецовъ не подвергалась вліянію рѣчи кіевского простонародья. Если и теперь, при строгой системѣ обрусенія, простой народъ Кіева не теряетъ своего малорусскаго языка и даже оказываетъ извѣстное вліяніе на рѣчь кіевской общерусской интеллигенціи, (Соболевскій: Діалектологія—Жив. Стар. 1892, 1, 9), то во сколько же разъ сильнѣе было это вліяніе встарину, когда о принудительной системѣ денационализаціи никто и понятія не имѣлъ! Примѣры у насъ на лицо: дьякъ Іоаннъ, великокняжескій переписчикъ Изборниковъ 1073-го и 1076-го года, принадлежалъ къ кіевской интеллигенціи, вращался въ великокняжеской сферѣ; однако его невольныя опіеки показываютъ намъ, что говорилъ онъ не по-общерусски, а по кіевски.—Г. Шахматовъ говоритъ еще: «Отмѣчу, что словарный составъ нашихъ кіевскихъ лѣтописей также доказываетъ смѣшанный характеръ кіевского говора: лѣтописецъ употребляетъ слово истьба, неизвѣстное южно-русскому племени; онъ вставляетъ въ уста Мономаха слово лошадь, описывая Долобскій сѣвдъ: въ этой формѣ оно не извѣстно въ малорусскихъ говорахъ (стр. 345)». Слово «истьба» (теперь произносятъ и „Іздьба“, и Ізба“) не извѣстно только въ нѣкоторыхъ говорахъ Малороссіи (тамъ говорятъ „хата“), а въ арканескихъ воишь извѣстно (см. Желеховскаго I, 327; Kolberg I, 102). То же скажемъ и о словѣ „лошадь“. Для обозначенія понятія „добрый конь“ оно въ нашей козацкой странѣ не употребляется (какъ не употреблялось и въ древней Руси; Владиміръ Мономахъ говоритъ о лошади смерда—пахара); но обыкновенныя лошади до сихъ поръ по-малорусски называются „лошыцами“, „лошычками“, „лошунами“ (послѣднее сообщено И. Франкомъ Желеховскому, s. v.), а жеребита—„лошатами“ „лошатками“, „лошунками“ и т. д. Вообще же словарный матеріалъ кіевской лѣтописи отличается поразительной близостью къ современному малорусскому, и когда будетъ изданъ историческій словарь малорусской рѣчи (надъ которымъ много лѣтъ трудился П. И. Житецкій и надъ которымъ продолжаю теперь работать я), то преимущественная близость малорусской рѣчи къ древней южно-русской не будетъ ни въ комъ вызывать малѣйшихъ сомнѣній.

теръ, сравнительно съ прежнимъ временемъ: рубежъ русской земли съ лѣвой стороны Днѣпра переносится на правый, и Кіевская земля, постоянно угрожаемая съ востока и юга, становится новою украиною земли русской; порубежники быстро мѣняютъ прежній образъ жизни и привычки, такъ какъ имъ уже не приходится предаваться мирнымъ занятіямъ земледѣльцевъ и торговцевъ. Весьма вѣроятно при этомъ, что населеніе Кіевской земли (т. е. сѣверно-малорусское) ассимилируется¹⁾ тому южно-малорусскому населенію, которое издавна сосѣдило на югъ со степью,—жителямъ Поросья и Побужья; въ Побужьѣ жили потомки уличей, которымъ событія на югѣ открыли новую историческую роль. Въ XIII вѣкѣ уличи, пользуясь слабостью южныхъ князей, стремятся къ самостоятельности; у нихъ появляются самостоятельные князья, а территорія ихъ выдѣляется изъ сосѣднихъ княженій подъ именемъ Болоховской земли. Нашествіе татаръ, съ которыми они вошли въ особое соглашеніе, еще болѣе отдѣлило ихъ отъ остальной Руси, при чемъ упорное сопротивленіе Даниилу Галицкому показываетъ многолюдство и могущество Болоховской земли. Такимъ образомъ, на юго-западѣ Руси нашествіе татаръ вызываетъ явленіе сходное съ тѣмъ, которое послѣдовало (два съ половиною вѣка тому назадъ) за вторженіемъ печенѣговъ въ наши южныя степи: южное населеніе вступаетъ въ борьбу съ сѣвернымъ. Подобно тому какъ древляне и дулѣбы отступили тогда въ результатѣ этой борьбы къ сѣверу, такъ точно, послѣ вторженія татаръ, населеніе Кіевской земли и, вѣроятно, также Волынской отлило въ Полѣсье²⁾,

¹⁾ Выраженіе „ассимилируется“ употреблено здѣсь г. Шахматовымъ крайне сбивчиво. Если онъ хочетъ сказать, что рѣчь Кіевщины приняла *многіе* южно-малорусскіе признаки, то съ этимъ согласиться можно; но о *безусловной* ассимиляціи не можетъ быть и рѣчи: рукописные (отчасти и печатные) памятники обнаруживаютъ присутствіе сѣверно-малорусскихъ чертъ къ югу отъ Кіева вплоть до 18-го вѣка; да и теперь говоръ средней Кіевщины не вполне южно-малорусскій.

²⁾ Сѣверная Кіевщина сама есть ужъ Полѣсье, да и изъ средней Кіевщины (по причинамъ, указаннымъ выше) нельзя предположить ухода сѣверно-малорусскаго населенія. Уличи могли занять только Поросье и мѣста къ югу отъ Роси. Требуется, чтобы г. Шахматовъ выразился здѣсь точнѣе.

оставляя просторъ для сидѣвшихъ южнѣ жителей Понизовья (мѣстность между Богомъ и Днѣстромъ)¹⁾.

Съ XIV вѣка,—продолжаетъ г. Шахматовъ сопоставлять показанія языка съ показаніями исторіи народа,—южно-руссамъ, страна которыхъ, кажется, не ранѣе XIII вѣка получаетъ названіе Малой Руси, открывається новая задача—колонизовать югъ и юго-востокъ Россіи. Подъ охраной литовскихъ князей и кievскихъ Олельковичей, малоруссы двигаются въ Полтавщину²⁾, что можетъ служить весьма сильнымъ аргументомъ противъ предположенія о слишкомъ сильной разрѣженности южно-русскаго населенія послѣ татарскаго нашествія. Киевское княжество уже въ XV вѣкѣ нашло возможность расширить свои предѣлы до Чернаго моря и Донца; ясно, что собственно Киевщина не могла въ то время нуждаться въ колонистахъ изъ Галиціи или Бѣлоруссіи. Впослѣдствіи новыя событія на востокъ и въ особенности образованіе крымскаго ханства привели Киевъ ко вторичному упадку: „широкія границы, начертанныя для Киевщины Витомтомъ, говоритъ Антоновичъ, исчезли черезъ полвѣка послѣ его смерти подъ напоромъ крымской орды“. Прочное колонизаціонное движеніе малоруссовъ въ Полтавщину и Черниговщину возобновляется не раньше XVI вѣка; впослѣдствіи, уже подъ охраною московскаго государства, заселяются южныя степи бѣжавшимъ отъ польскихъ порядковъ малорусскимъ крестьянствомъ. Во второй половинѣ XVII вѣка малоруссы занимаютъ современную Харьковскую, западную часть Воронежской и южную часть Курской губерній. Колонизаціонное движеніе съ праваго берега Днѣпра шло, кажется, преимущественно изъ южной Украйны, изъ Побережья, т. е. мѣстности между Бугомъ и Днѣстромъ: населеніе этой части южной Руси, захвативъ сначала, какъ мы видѣли выше, Киевщину³⁾, двигалось затѣмъ большими волнами въ заднѣпровскія степи⁴⁾.

¹⁾ Стр. 357—358.

²⁾ Сперва въ сѣверную.

³⁾ Конечно, только Киевщину южную.

⁴⁾ Стр. 367—368.

Резюмируя свою обширную статью, г. Шахматовъ по поводу группы малорусскихъ современныхъ нарѣчій говоритъ: Малорусская группа цѣльнѣе, чѣмъ всѣ остальные (т. е. чѣмъ бѣлорусская и великорусская), сохранила свою связь съ древней группой соответствующихъ ей говоровъ: южно-русская группа X—XI вѣка вполне представлена современной группой—малорусской¹⁾, и подобно тому какъ древняя южно-русская племенная группа дѣлилась на племена сѣверныя и южныя, малорусское нарѣчіе можно раздѣлить на сѣверное и южное поднарѣчіе²⁾; смѣшеніе древнихъ племенъ сѣверныхъ и южныхъ на ихъ пограничныхъ полосахъ отразилось въ нынѣшнемъ малорусскомъ нарѣчій говорами переходными. Какъ ни цѣнны всѣ дальнѣйшія частныя замѣчанія г. Шахматова по поводу каждой группы: сѣверно-малорусской, южно-малорусской и переходной, я ограничусь сообщеніемъ лишь самаго необходимаго³⁾.

Въ старину (и даже лѣтъ двѣсти-триста тому назадъ) на Правобережьи, т. е. въ западномъ бассейнѣ Днѣпра, въ бассейнѣ Бужскомъ и въ бассейнѣ Днѣстровскомъ, слышались всѣ три малорусскихъ нарѣчія, или поднарѣчія:—на югѣ чистое южнорусское, въ центральной полосѣ—южномалорусское смѣшанное, на сѣверѣ—сѣверномалорусское. Теперь ихъ группировка иная.

1) Чистаго южномалорусскаго нарѣчія теперь на правомъ берегу Днѣпра уже нѣтъ. Этимъ чистымъ южномалорусскимъ нарѣчіемъ говорили жители Познзовья (между Бугомъ и Днѣстромъ) и, подъ конецъ, жители южной Кіевщины. Отъ сѣверныхъ малоруссовъ эти чистые южномалоруссы были отдѣлены широкой полосой смѣшанныхъ говоровъ и, какъ видно изъ событій XIII вѣка, не вполне втянулись въ общую политическую малорусскую жизнь. Эти чистые южномалоруссы уже выселились изъ Правобережья и занимаютъ теперь Полтавскую губернію (кромѣ сѣверной полосы), Харьковскую (безъ сѣверозападной полосы),

¹⁾ Стр. 368.

²⁾ Стр. 369.

³⁾ Изъ стр. 369—377.

южную часть Курской, юго-западную часть Воронежской,—вообще Слободскую Украину и южные степи; поэтому, основываясь на ихъ нынѣшнемъ географическомъ положеніи, ихъ чистую южномалорусскую рѣчь приходится теперь называть восточно-украинскимъ нарѣчіемъ. Мѣста, оставленные ими въ Правобережьи, были послѣ ихъ ухода заняты ихъ сосѣдями съ сѣвера, т. е. южномалоруссами смѣшанными ¹⁾.

2) Южномалорусское нарѣчіе *смѣшанное*, усвоившее нѣкоторыя немаловажныя черты сѣверныя, уже не есть теперь по своему географическому положенію нарѣчіе срединное, а просто—западно-украинское, или западно-малорусское. Имъ говорятъ въ Галичинѣ, въ Подоліи (откуда чистые южномалоруссы уже выселились на Лѣвобережье), въ западной Волини, въ южной и отчасти средней Кіевщинѣ (откуда чистые южномалоруссы тоже выселились); путемъ колонизаціи (начавшейся раньше, чѣмъ у чистыхъ южномалоруссовъ) это смѣшанное южно-малорусское нарѣчіе распространилось въ южной Черниговщинѣ и сопредѣльной сѣверной Полтавщинѣ, въ сѣверозападной полосѣ Харьковской губерніи и въ западномъ углу Курской губерніи ²⁾.

3) Сѣверно-малорусское нарѣчіе занимаетъ сѣверъ малорусской территоріи, отступая отъ юга то больше, то меньше; самый западный пунктъ—Русь Угорская, самый восточный—Чернигов-

¹⁾ Т. е. типа галицкаго, западно-волинскаго, среднекиевскаго. Если какое-нибудь количество чистыхъ южномалоруссовъ не выселилось, а осталось въ Правобережьи, то ихъ рѣчь должна была ассимилироваться съ рѣчью новопришедшихъ срединныхъ (смѣшанныхъ) южномалоруссовъ. Точное изслѣдованіе современнаго языка тѣхъ правобережныхъ мѣстностей, которыя покинуты чистыми южномалоруссами, быть можетъ, позволитъ уловить тамъ какіе-нибудь пережитки отъ прежней южномалорусской рѣчи. Къ изслѣдованію должны быть привлечены глагольныя образованія типа *носю, воюю, летю, ходю* (подчеркнутыя еще К. П. Михальчукомъ), мѣстоименіе *цей, ця*, (=сей, ся) и т. д.

²⁾ Всестороннее изслѣдованіе языка перечисленныхъ частей Лѣвобережья показываетъ, что въ образованіи ихъ населенія участвовали также чистые сѣверно-малоруссы и, быть можетъ, даже бѣлоруссы. Съ другой стороны, то же изслѣдованіе не указываетъ, чтобы изъ числа смѣшанныхъ южномалоруссовъ приходили въ названные мѣста Лѣвобережья колонисты изъ Галичины и смежной Западной Волини; если-жъ они и приходили, то слѣда въ языкѣ не оставили,—значитъ, ихъ и не могло быть много.

щина. Говоры сѣверномалорусскаго нарѣчія отразили на себѣ судьбы сѣверномалорусскихъ племенъ: тѣснимые съ юга южнома-лоруссами (волынцями и уличами), древляне, дулѣбы и бужане переходятъ на территорію дреговичей (бѣлоруссовъ) и смѣшиваются съ ними; но южныя племена продолжаютъ уступать къ сѣверу при всякомъ усиленіи степныхъ кочевниковъ, татарское нашествіе даетъ послѣдній ударъ въ этомъ направленіи,—ясно, почему южныя малоруссы преслѣдуютъ сѣверныхъ и въ новыхъ мѣстахъ ихъ поселеній, и тамъ, гдѣ они успѣли смѣшаться съ дреговичами. Такимъ образомъ, самые сѣверные изъ сѣверномалорусскихъ говоровъ имѣютъ примѣсы бѣлорусскихъ особенностей: здѣсь сѣверные малоруссы сблизились съ бѣлоруссами, которыхъ они вытѣсняли. Наиболѣе устойчиво сѣверномалорусское племя сохранило свои поселенія на востокѣ, хотя и уступило южнымъ малоруссамъ въ болѣе раннюю эпоху южную часть древлянскій земли, а въ болѣе позднюю—территорію полянъ; отступая къ сѣверу, древляне смѣшивались съ дреговичами; вотъ почему на сѣверѣ восточныхъ поселеній сѣверныхъ малоруссовъ мы найдемъ бѣлорусскія, а на югѣ—южнома-лорусскія особенности. Изъ числа сѣверно-малорусскихъ поселеній особенно для насъ интересенъ Радомысльскій уѣздъ Кіевской губ., Овручскій, Житомирскій, Новоградъ-Волинскій и Ровенскій уѣзды Во-лынскій губ. Въ ихъ говорѣ сѣверномалорусскія черты смѣшиваются съ южнома-лорусскими, но бѣлорусскихъ особенностей нѣтъ,—слѣдовательно полѣхи сѣверной части Кіевской и указанныхъ уѣздовъ Волинскій губерніи продвинулись сюда не съ сѣвера ¹⁾). Иными словами: типъ старыхъ домонгольскихъ кіевлянъ наиболѣе чисто представленъ теперь жителями Радомысльскаго уѣзда и названныхъ сосѣднихъ уѣздовъ Волини.

Надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на меня за то, что я привелъ такіа обширныя извлеченія изъ статьи г. Шахматова ²⁾):

¹⁾ Стр. 370.

²⁾ Она мною приведена преимущественно въ видѣ буквальныхъ извлеченій изъ наиболѣе существенныхъ мѣстъ, а кое-гдѣ желая сдѣлать ее вразумительной для средняго читателя—неспециалиста, я постарался изложить ее даже популярно, за что многауважаемый академикъ не будетъ, надѣюсь, на меня въ

она вполне этого заслуживаетъ. Конечно, нѣтъ сомнѣнiя, что со временемъ г. Шахматовъ произведетъ въ ней еще немало улучшенiй: и со стороны чисто исторической—спеціальная разработка отдѣльныхъ историческихъ вопросовъ не разъ внесетъ въ эту статью многiя полезныя дополненiя и болѣе точную формулировку нѣкоторыхъ положенiй; и со стороны филологической—дальнѣйшiя работы въ области изученiя современныхъ русскихъ нарѣчiй и говоромъ также придадутъ иную формулировку нѣкоторымъ выводамъ и обобщенiямъ¹⁾; но главнѣйшiя, существенныя идеи работы г. Шахматова останутся непоколебленными, потому-что онѣ не легкомысленно схвачены съ воздуха, а представляютъ собою продуманное, необходимое логическое заключенiе изъ тѣхъ данныхъ, которыя были приготовлены г. Шахматову многими серiозными трудами многихъ серiозныхъ ученыхъ, предшественниковъ нашего талантливаго академика.

Итакъ, гипотеза о великорусскости старыхъ кiевлянъ уже погребена: отъ нея отказались и г. Соболевскiй, и г. Шахматовъ. Тѣмъ не менѣе я считаю вовсе небезполезнымъ для исторiи малорусскаго нарѣчiя оканчивать печатанiе своего изслѣдованiя: очень важно выяснитъ, дѣйствительно-ли въ Галичинѣ и на Волыни писаны тѣ памятники, которые г. Соболевскiй называлъ галицко-волынскими. А не то исторiя малорусскаго языка будетъ изучаться по немалорусскимъ памятникамъ, и произойдутъ ошибочныя выводы.

А. Крымскiй.

(Продолженiе слѣдуетъ).

презенiя. Съ цѣнными изслѣдованiями г. Шахматова очень полезно знакомиться широкой публикѣ, между тѣмъ стиль его иногда бываетъ тяжеловатъ. (Даже специалистъ филологъ проф. Р. Э. Врандтъ говорилъ о сочиненiи г. Шахматова: „Изслѣдованiя въ области русской фонетики“, что оно изложено „чрезвычайно тяжело“;—„тѣмъе разбираемой книга настолько затруднительно, что рекомендовать ее можно лишь завзятымъ грамматистамъ“. Этн. Обзорѣнiе 1895, кн. XXIV, стр. 143).

¹⁾ Такъ, рѣчь малоруссовъ Черниговщины и выясненiе вопроса объ откошенiи полнiя къ сѣверянамъ еще требуетъ очень долгихъ изслѣдованiй. Говоры Воронежщины крайне мало анализированы. Нѣкоторыя замѣчанiя на статью г. Шахматова сдѣланы мною теперь же, попутно, при изложенiи статьи.

Прошу читателей сдѣлать слѣдующія дополненія къ предыдущимъ статьямъ, равно какъ и исправленія опечатокъ:

Въ июньской книгѣ „Кіевской Старинѣ“ 1898 г.

Стр. 355. Добавить къ примѣчанію 1-му (кромѣ того, что добавлено въ янв. книгѣ 1899 г., стр. 27): Такъ и Ягичъ въ своихъ «Einige Streitfragen», заявивши, что по отношенію къ остальнымъ славянскимъ языкамъ русскія нарѣчія составляютъ одно цѣлое, тѣмъ не менѣе употребляетъ выраженія: die russischen Sprachen.

Въ сентябрьской книгѣ 1898 г.

Стр. 245, строка 7-ая. Добавить: Въ Полтавской губерніи, въ Гадяцкомъ уѣздѣ—Грыша (Онысько Грыша, сільський хлопець—см. «Матерьялы до украинсько-руської этнологіи, за редакцію Хв. Вовка», Львовъ, 1899, т. I, стр. 111.

Стр. 247, строка 17-ая. Добавить: Въ іюль 1789-го года фигурируетъ Марьянуша (Гринченко: Этнографич. Матеріалы, т. III, стр. 605).

Стр. 248, строка 3-я. Добавить: Отъ Иванъ—Иванюша (встрѣчается въ пѣсняхъ о козацѣхъ, записанныхъ въ Новоушицкомъ уѣздѣ, Подольской губерніи. Гринченко: Этнограф. Матеріалы, III, 271—272). Это же имя «Иванюша» встрѣчается на Волини въ Острожскомъ уѣздѣ. (Гринченко: Этнограф. Мат. III, 369). Въ Проскуровскомъ уѣздѣ, Подольской губ. — Петруша (Виберштейнъ: Народныя преданія въ Подоліи. Каменець-Подольскъ, 1881, стр. 38, 39).

Стр. 253, строка 2-я снизу: Добавимъ еще, что очень интересные примѣры малорусскихъ словъ на *ша* подмѣтилъ И. Верхратскій въ арханческомъ говорѣ угорскихъ малоруссовъ,—напр., голубеша=голуба вивця, Namen eines blaugrauen Schafes, сыньоша=корова сына, сира, Namen einer blaugrauen Kuh. См. «Знадобы до признанія угорсько-руськихъ говоривъ», стр. 49. «Записки Наукового Товариства имени Шевченка», т. XXVII).

Стр. 254, добавить къ строкѣ 6-й: Угро-малорусскія клички коровъ и овецъ «голубеша» и «сыньоша» (подобно великорусскому „буренушка“) съ одной стороны выражаютъ ласку, а съ другой стороны подчеркиваютъ изобиліе сивой масти въ данныхъ животныхъ.

Стр. 256, добавить къ строкѣ 10-й (кромѣ того, что сказано въ янв. книгѣ 1899 г., стр. 28): „Мамуса“—въ великорусскомъ разсказѣ П. М. Невѣжина («Новости Дня», 1898 г., № 5595, стр. 2, столбецъ 4). Въ Петербургскомъ разсказѣ П. Боборыкина: „Отслужила“ („Русск. Вѣдомости“, 1898, № 295) героиня называется „Катуса“ (великорусская уменьшительная форма отъ „Катерина“, соответствующая малорусской формѣ „Катруся“).

Стр. 262, примѣчаніе 1-е, строка 9-я. Добавить: Существительное „буць“ иногда просто означаетъ быстрый и ловкій ударъ (Ястребовъ: Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края. Одесса, 1894, стр. 95).

Стр. 262, строка 15-я (срв. добавленіе въ янв. книгѣ 1899 г., стр. 29, по поводу Руликовскаго). Въ рѣдкой малорусской брошюрѣ „Спліотни“ Михалка Семенюка (Житомиръ, 1872), сознающагося, что и онъ отчасти буць, я нашелъ обстоятельныя разъясненія по поводу прозвища „буць“, которыя показываютъ, что правильно было только мое первое объясненіе, извѣстное мнѣ изъ Кіевской губерніи (Кіев. Стар. 1898, сент., 262), а второе объясненіе, предположенное на основаніи недомолвки Руликовскаго, не вѣрно (Кіев. Стар. 1899, янв., 29). Приводя выписки изъ брошюры Семенюка, я по необходимости буду измѣнять его правописаніе на общепредписанное. „Я по своему научився помыжь крестянами и Буцамы (хочъ-то кажутъ: буцы не люде). Для того найдете у мене ударенія и выраженія, противны малороссійскому заднипровскому языку, потому-що въ мѣстностяхъ отъ Буга до Тетерева и ещо немного дальше къ Кіеву змишано и поплутано, якъ въ испорченномъ ткацькимъ варстаті (стр. 6). Прыходьтѣся тецерь объясныть, що то значыть „Буць“? Есть то чоловікъ ¹⁾, але чоловікъ, похожь на литовскихъ изъ багень ²⁾ людеи, котрого колы спросышь: «звѣтки, чоловікъ?» отвѣтыть: «я не чоловікъ, я *тинчукъ*».—Буць получывъ свое названіе отъ того, що якъ то дѣты забавляються и одынъ другого бѣе лобомъ и промовляють: «баранъ, буць!»—такъ понеже сіи люде безирестанно

¹⁾ Читателю—немалоруссу я долженъ напомнить, что термины «чоловѣкъ» и «люды» употребляются малоруссами для обозначенія понятія «малоруссъ». Въ то же время терминъ «люды» можетъ быть равносильнъ съ терминомъ «крестяне» (въ противоположность другимъ сословіямъ),—вотъ почему у г. Семенюка «крестяанскій» значить и «малорусскій (чистый)».

²⁾ Болоть.

нашываються и деруться, отъ того названо ихъ Буцамы.—Але Будоувъ есть два сорта: одынъ— «Буць-васпанъ», а другій — «Буць-музыкъ». Буць-васпанъ хуже мужыка, потому що твердшы(й) невѣжа ^{*)} и безпримирно леньвѣ. И Буць-воспанъ дорожыть своимъ васпанствомъ, бо пры соответственномъ случаи обзыаестьця: «я до васпана», «васпанъ! васпанъ, а, васпанъ! до мене ты?» Буць же музыкъ не мае въ соби тон амбиціи и бувае совистнійшій, але вони вси плуты, пьяныци и злодіи на лисѣ. Така въ нихъ въ симъ отношеніи закостнила безсовистность, що не считають соби въ выну красты лисѣ и при случаи объясняются: «Той, що лизе до коморы, то той—злодій. А зъ лиса якъ що соби зробишь та продасы, то нема гриха. Изъ чого жъ будешъ жыты? вшакъ, лисѣ Богъ сотворывъ для всыхъ». Сін Буцы—есть то люде захожи изъ разныхъ сторонъ: изъ-за Буга, изъ-за Дзвины и изъ-за Днистра (стр. 11—13). Тамъ (=помыжъ слободамы, населенными самымы Буцамы), по лисамъ есть села, населенны крестьянамы въ смиси зъ Буцамы, и есть села населенны самымы лышь крестьянамы безъ ніякои примиси. Але, же крестьянѣ сообщаютця съ Буцамы, оттого що и входятъ въ бракосочитанія съ собою, то и у крестьянѣ есть искажены(й) языкъ Будоувскі(й) (стр. 13). Слишкомъ очевидно, что «лицьвинки изъ-за Дзвины» ничего общаго не имѣють съ галицкими бойками.

Стр. 263, строка 12. Добавитъ: Въ статьѣ М. Левченка: «Мѣстныя названія русиновъ» (Основа, 1861, янв., 264) читаемъ: «Гуцулъ значитъ разбойникъ. Это названіе дано русинскимъ горцамъ за ихъ отчаянную защиту православной вѣры въ то время, когда Венгры вводили у нихъ унію. Впослѣдствіи, когда со словомъ «Гуцулъ» стало нераздѣлимо понятіе о храбромъ челоувѣкѣ, эти горцы съ гордостью начали сами называть себя этимъ именемъ» (подобно греческимъ клефтамъ). Что названіе гуцулъ возникло гораздо позже эпохи татарскаго разоренья, это вполне было ясно; сообщеніе же Левченка указываетъ и время и причину появленія этого имени.

Въ январьской книжѣ 1899 года.

Стр. 11, снизу строка 7-ая: Чередованіе *е* и *я* прежде всего замѣчается наблюдателемъ въ окончаніяхъ, восходящихъ къ старинному **иѣ**: жытти, васиння, провалля и т. д.

*) Невѣжда.

Стр. 14, строка 6. Лятычывъ—имя города Летичева по подольскому произношенію («Ныва», 1885, Одесса, стр. 164).

Въ июньской книгѣ 1899 года.

Стр. 308-ая, стр. 16-ая. Вм. «могли» надо «могли бы».

Стр. 312, снизу 11-ая строка въ выноскѣ. Пропущено: Новгородецъ, побывавшій въ Кіевѣ и возвратившійся опять въ Новгородъ, могъ быть названъ кіяниномъ, подобно тому, какъ и теперь въ русской деревнѣ зовутъ «пнтерщякомъ» крестьянина, прожившаго зиму въ Петербургѣ на заработкахъ.

Стр. 314, строка 15-ая. Вм. «о(ть)цъними» надо «о(ть)цънями».

Стр. 315, строка 21-ая. Вм. «Кіевъ» надо «кіевскую рѣчь».

САВА ЧАЛЫЙ.

Трагедія въ 5 дѣяхъ и 7-ми картинахъ.

(Окончаніе *).

ДІЯ ІV.

Пуща. Пещера въ скелі.

Я в а І.

Медвидъ и Грыва. Перше Грыва; вылазять зъ пещеры.

Грыва. Якове! А ты на дереві?

Голосъ. Сыдю въ гнізди й чатую.

Грыва. Чатуй, чатуй! Ты хочъ и кривый, а ухомъ своимъ та окомъ насъ оберігаешъ бильшъ, ніжъ шаблюю.

Голосъ. Я чую десь далеко идуть верхови, але не выдко ще.

Грыва. И дасть же Богъ такее око й ухо!

Голосъ. Эге. Отъ же й не вглядивъ! Якъ зъ пидъ земли вынырнувъ якыйсь чоловікъ и сюды прямуе.

Грыва. Одынъ?

Голосъ. Одынъ.

*) См. Кіевск. Стар., августъ.

Грыва. Одынь, то байдуже! Це певне не ворогъ (зъ-за кущивъ вытыкается голова). Хто тамъ?

Медвидь. (выходе). Я!

Грыва. Медвидь! Здоровъ брате! (Обіймаются). А мы вже думалы, що ты десь згинувъ.

Медвидь. Мало не згинувъ.

Грыва. Пивъ году мы тебе не бачылы. Де-жъ ты пробувавъ?

Медвидь. Писля того, якъ Сава кишь нашъ зруйнувавъ, я зъ купою малою скрызъ хазяйнувавъ, помы той иродъ Сава не наскочывъ.

Грыва. Харцызь!.. Зрадныкъ!.. падло! Унадывся до ляненькивъ въ Польщу паномъ жыты..

Медвидь. Та й ловыть гайдамакивъ по степахъ... та ще Иродивъ сынъ що выгадавъ: скрызъ универсалы розиславъ и влыче гайдамакъ до себе, даруючи имъ земли и вильготы.

Грыва. Знаемо мы ти вильготы! Ляхамъ выходыть на корысть, щобъ працювалы!

Медвидь. А такъ. Половина мого загону пишла до него, та й показали схованку нашу, а винъ наскочывъ и всихъ половывъ. Здається, я одынь тилько и втикъ.

Грыва. Немае гирше якъ свій: зна вси фыгли; никуды не сховаешся видъ него.

Медвидь. Винъ носомъ чуе гайдамакивъ.

Грыва. Ну, знаешъ, ловыть вовкъ, ловыть, але жъ и вовка піймають.

Медвидь. Охъ винъ, братъ, характерныкъ. Нихто Савы не піймае, хйба самъ Гнать.

Грыва. Мабудъ що такъ. Отъ же вызвався Кульбаба, пишовъ, щобъ стратыть Саву, и чутка пропала. Потимъ знову Горыцвить, пишовъ—и того нема. А мисяць тому, пославъ Гнать Дороша Кравчыну; цей, кажуть, зъ чортамы наклада: одначе щось и Кравчыны нема довго.

Голосъ. Наши пидъвиздять. А далеко ще одынь чоловикъ манячыть. Темніе, не бачу.

Медвидь. Поки дизнаємось, де Сава, гляды, щобъ не дизнавсь винъ, де мы.

Грыва. Ни, у пущу цю винъ не питкнется, хытрый лысь; бильшь на засидкахъ, та зненацька, а тутъ прійдется въ ручки. Межъ цимы скелямы, та въ норахъ цихъ, якъ свить стоить, то певно ще никто не живъ, а тилько звирь водывсь и тутъ ховався. Мы тутъ убылы ажъ двохъ медведивъ и одняли у нихъ цю хату для Медведя.

Медвидь. Для мене-бъ то?

Грыва. Эге! (Сміється).

Медвидь. Сава у насъ однавъ, а вы у медведивъ?.. Безпечне мисто; а жаль, брать, старого коша у Чорнимъ лиси!

Грыва. И теперь ще така кыпуть у грудяхъ злисть, колы згадаю Саву, що самъ себе здається бъ удавивъ.

Медвидь. И якъ то сталоь такъ, що Сава зруйнувавъ у ничъ одну такый значный и сыльный кишъ?

Грыва. Зрада, якъ гадюка пидкрадається и вкусыть! Вы ото пишы зъ Гнатомъ на Немыривъ, а я зостався наказнымъ.. Не ждалы мы не видалы и не гадалы ничего того, що сталоь! Мы жъ вси тоди думалы, що Сава, зъ тией образы, що Гната Кошовымъ настаповылы, подався зъ пысаремъ своимъ у сичъ—и байдуже! Якъ по всякъ часть, такъ и тоди—скрызъ варта... А сами безпечно спалы. Тилько діяволь Сава тоди не спавъ. Поризавъ всихъ вартовыхъ, обмотавъ прядывомъ, намоченымъ у смолу, навколо дерева, поклавъ пидъ курины смоляни клубкы, и запалывъ!.. Прокынулысь... Кругомъ огонь—якъ пекло лисъ палае, а зъ чого воно сталоь—не знаемо, и кынулысь рятувать скарбы, та утискать... Багато тоди нашихъ Сава половывъ... (Голосъ). Наши недалеко.

Медвидь. Бусурманъ! Поки винъ поравсь зъ вами тутъ, а тамъ пріятель его Иванъ, що Найдюю прозвалы, засившы въ лиси, ждавъ насъ зъ великою арматою. Блызько пидпустывъ та те-жъ зненацька й шарахнувъ зъ гармать! Видъ несподиванкы мы вскочылы въ болото. Поки высипалысь, вони насъ обигнулы и стали збоку—мусилы мы тискать, та у дорози знову

наскочылы на ирода Саву, що повертався уже назадъ! Багато й тамъ людей пропало, и розвіялыся хто куды. Огъ и доси не зберутся зновъ до купы.

Я в а П.

Тижъ, Гнатъ, зъ нымъ гайдамакы и козаки. Килько чоловикъ несуть прямо у печеру мишки.

Гнатъ. А, медвидь!

Вси. Здоровъ брате!

Гнатъ. Якъ ся маешь?

Медвидь. Ледви утикъ оце зъ рукъ Савы.

Вси. У—у зрадныкъ!

Гнатъ. Стривайте, попадется винъ и намъ у руки... Паюйте все товариши по-межъ собою, а мени ничего не треба; тютюнъ е, свинець и порохъ е, то зъ мене й доволи!

1 Запорожець. Та ще жъ немає всихъ.

Гнатъ. А й справди, бильшь половины тутъ товаришивъ нема; я соби замыслывся и не примитывъ, де видстали.

1 Запорожець. По дорози е корчма, то певно що тамъ застряли.

Гнатъ. Ото вже не гараздъ, що купы не держатся, ще попадутся, колы погоня буде.

1 Запорожець. Пидъ самисенькымъ носомъ у Немыривського пана въ костѣли похозяйиновалы, то треба ждаты погони видъ самого Савы. Тилько жъ тамъ межъ нымы Молочай, Верныгора и Вовкъ, то не дадутъ у кашу наплювать.

Грива. Та такъ. А що тамъ здобулы?..

1 Запорожець. Грошей до биса и утварь всяка.

Голосъ. Якыйсь чоловикъ спустывся въ балку... А десь далеко гупотыть. Пыльнуйте, братци, бо такъ потемнило, що я не бачу.

Гнатъ. Скоро мисяць зйде. *(До Медведя)* Якывъ такъ бачыть, якъ ништо.

Грива. Такого вартового, немає въ свити.

Гнатъ. (*До Грывы*). А выйдь, брате, подывьсь, що тамъ за чоловикъ (*Грыва выйшовъ*).

1 Запорожець. А що, пане атамане, нема вистей про Кульбабу?

Гнатъ. Нема, якъ въ воду канулы й Кульбаба, й Горьцвить! Коли не вернется й Кравчына, то самъ тоди пиду я Саву добувать, щобъ выконать прьсудъ громадскій и смерти прода предать! А я складу, якъ ивчи, голову свою—идить други его шукаты, бо покы Савы смертю не скараемъ, не буде намъ жыття: винъ переловыть насъ усихъ! Не меньше Савы лыха робыть Иванъ Найда, що винъ прыйнявъ бувъ до коша и разомъ зъ нимъ прьставъ до ляха, та и цѣго пійматы и смертю покараты треба!

Я в а Ш.

Тижъ, Грыва и Кравчына.

Кравчына. Здорови паны-братья! Якъ ся маешь Гнате!
Вси. Кравчына!

Гнатъ. Насылу мы тебе дождальсь! Ну що? Яки прынисъ ты висты?

Кравчына. Саву не бачывъ—трудно прыступыть. Винъ женився на тій дивци, що колысь-то въ Очеретній хтось зъ нашихъ захопывъ. Жыве била Немырова въ с. Степашкахъ, котри подарувавъ ему Потоцкій, и заселяе свои земли тымы гайдамаками, котри піймавшись каются и прьсягають жыты тыхо. Кульбаба й Горьцвить попались на замири вбыты Саву. Кульбаба покаявся и жыве теперь въ Степашкахъ, у тимъ сели, де Сава; а Горьцвита Сава повисывъ, бо той покаяться не схотивъ.

Голось. Гей батьку, Гнате! Ляскъ чуть такый, нибы бьются на шабляхъ. Але не бачу я ничего, бо мисяць ще не выйшовъ зъ лису.

Гнатъ. Певно за нашими погоня! Тикаючы сюды, вони покажутъ шляхъ до нашего коша... А ну, товариши, станемо у

щилыни, черезъ яку бильшь трехъ не пройде... Мушкеты заряжени?

1. Запорожець. На готови.

Я в а ІV.

Тижъ и Мыкыта.

Мыкыта. Паны братья!.. Погоня зелька... Чалый Сава!..

Гнатъ. Де?

Мыкыта. Отуть вже близько, наши бьются, щобъ не пустыть сюды... Охъ, дай воды!..

1. Запорожець. Вода въ печери (*Мыкыта пишовъ у печеру*).

Гнатъ. Даремно куль зъ мушкетивъ не пускати, палыть тоди, колы пальнуты можна прямо въ пыку, щобъ ни одна куля не пропала, а потимъ рубай! Першый, хто побачыть Саву, гукай на мене, я хочу самъ заглянуть зрадныкови въ вичи! Мыкыто! де жъ Мыкыта?

1 Запорожець. Въ печери. (*Полизъ у печеру*). Мыкыто!

Гнатъ. Спытай, де саме винъ своихъ покинуувъ.

1 Запорожець (*зъ печери*). Та винъ увесь въ крови. Доходыть! (*вылазять зъ печери*). Кровью зійшовъ, умира.

Голосъ зъ дерева. У бальци бьются. А на гори выдко винни.

Гнатъ. О, колы ще на гори и въ бальци бьются, то мы ихъ не допустымо сюды. Зостаньсь, Медведю, ты одинъ тутъ пры скарбахъ, колы поляжемъ мы, ты заснуешъ нову ватагу. Прощай, може бильше не побачымось. Ходимъ, панове, яромъ, а потимъ выскочымъ на гору. Вони не сподиваються, бо думаютъ, що тамъ уся ватага, и мы имъ раптомъ, зненацька, вдарымъ въ спину! Ну, панове: або дома не буты, або славы добуты!

Вси. Смерть усимъ! (*Выйшли*).

Я в а V.

Медвидъ на кону, голосъ на дереву.

Медвидъ. Якове! А що тамъ тобі выдко?

Голосъ. Мисяць выплывъ за деревъ и гарно гору освитьвъ... Ой, ой, ой! Багато кинныхъ выскочыло зъ балкы... Всю гору вкрылы—такого ихъ.

Медвидь. Выходыть, наши засилы въ балъци, а тамъ скели й болото—туды на коняхъ йихать годи.

Голосъ. Позлазылы зъ коней (*Пауза*). Пиши виддилылысь видъ кинныхъ.

Медвидь. Ой, поможи-жь Боже нашимъ мерщій добратысь до горы. Не выдко нашихъ ще?

Голосъ. Не выдко.

Медвидь. Ото якъ довго! А Боже мій!

Голосъ. Пиши кынулысь бигомъ у балку! И наши вылизлы уже на гору.

Медвидь. Ага!

Голосъ. Наши шезлы за деревами.

Медвидь. Перебигаютъ прыкрываючысь... Ну, що?

Голосъ. Наши кынулысь бигомъ до коней. Блызько вже... Блыснулы шабли. Ай, що тамъ робытся!.. кони стають на дыбы... розбигаются.

Медвидь. То колють коней шаблями въ морды и пидь боки, щобъ розъярыть...

Голосъ. Кони вже розбиглысь въ ростычь, а де-яки на земли лежать и бьются...

Медвидь. Переризалы вожатыхъ и покаличылы, выходыть, коней, щобъ решта ворогивъ zostалась пиша...³

Голосъ. Наши кынулысь бигомъ у балку... Ничого не выдко, тилько гургогыть!

Медвидь. О, теперь пиши на пишыхъ, воны цего не ждуть! Отъ де пекло буде! Певно, Якове, зостанемось мы вдвохъ зъ тобою, бо вси поляжуть.

Голосъ. У балъци ажъ вкелотыты!

И в а VI.

Тижъ и Молочай раненный.

Медвидь. Молочай! А що тамъ якъ?

Молочай. Я тебе одъ разу й пизнавъ... дай воды напытсь... Умираю! .

Медвидь (*Подает воду*). Давай перевяжу тобі я раны.

Молочай. Де тамъ ихъ перевязать! Весь покарбованный и у диркахъ якъ решето! Подумай брате: тилько що выйхали мы за корчму, насочыла ихъ цила сотня пры гармати, а насъ лышь трыдцять. Одначе выстрилыть зъ гарматы мы имъ ни разу не дали... Тры разы, на скоку мы коней повертали вкруть и кыдалысь имъ въ бикъ—проризувалы наскрызъ и зновъ тикалы. Верныгора, я и Вовкъ передъ велы и въ першый же наскокъ полигъ Верныгора пидъ шаблюю Ивана Найды, того, що съ Савою утикъ. Винъ певно старшый тутъ, бо Саву я не бачывъ. Такъ одбываючысь, добрамысь мы до лису, коней покыдали и на болоти вси засилы. Вовы вернулись на гору, бо виньмы у болото не полизешъ. Отутъ своихъ покынувъ я и ледви жывъ болото перелизъ, и отъ такы добрався до коша, а наши тамъ zostалысь, щобъ не показаты сюды шляху, и певно вси поляжуть, бо ихъ zostалось меншь десятка!

Медвидь. На помичъ имъ уси пишы и тамъ у бальци вже щепылысь въ ручки.

Молочай. Не подоліють, бо ихъ багато.... Охъ, чую, що сыла мене кыда.

Я в а VII.

Тижъ и дидъ знахарь.

Знахарь. Що тутъ робытсь? Лыбонь весилля десь кривавее справляють? Лежу въ свой нори, и щось мени не спытсь, а все здаетсь, що въ лиси кыкотыть и брызкотыть. Такъ я й пишовъ сюды.

Медвидь. Батава страшна иде. Ось обдывитсь лышь Молочая.

Знахарь (*Полапавъ Молочая за руки, за голову*). Ты, сыну, заразъ помрешъ, бо кривью стижъ.

Молочай. Одведы мене, мій брате, у печеру. Прощай! Прощайте диду!

Знахарь. Поклонись тамъ нашимъ всимъ лыцарямъ, що полягли за виру православну.

Молочай (*До Медведя*). Може доведеться тобі, якъ що живъ будешъ, побувать у Медведивци. Спытай тамъ про Марыну Жытню, то маты моя... Поклонись їй и видай ци гроши (*дае*). Та розскажи старій въ утиху все те, що знаешъ самъ про мене; а колы матери не знайдешъ, то на громадське дило гроши поверны. Веды мене мерщій—я смерть вже чую. (*Медвидь повязъ его въ печеру*).

Голосъ. Наши повертаются, тилько щось мало ихъ.

Знахарь. Косыть кирпата завзятыхъ, а воны знову нарастають... Колы цій ризни буде край?

Медвидь (*Выходе зъ печеры*). Померъ. Ще одного велетня не стало...

Ява VIII.

Тижъ, Гнатъ, Шмигельскій и решта.

Гнатъ. А сколько насъ осталось?

1 Запорожець. Лышь пятнадцать батьку, тай ти калыкы вси.

Гнатъ. Дорого жъ мы заплатылы! Сорокъ пять лягло! (*Гайдамакы вси пють воду. Дидъ роздывляеться, перевязуе, шепче, дае пыть зилля*). Дай и мени воды, мовъ у пропасныци увесь горю. (*Пье*). Сорокъ пять такихъ лыцаривъ... Охъ! Нема Верныгоры, Молочая... Вовка.

Медвидь. Молочай дійшовъ сюды и тамъ зъ Мыкытою рядомъ померъ.

3 Запорожець. Верныгору оцей (*показуе на Шмигельского*) проткнувъ!

Гнатъ. О, цей багатѣхъ поклавъ; винъ Вовкови у мене на очахъ голову розвалывъ. Я думавъ Сава, а кынувшысь на него—звалывъ на землю, але и тутъ мы довго ще боролись, покы ему я рота не заткнувъ своимъ кесетомъ зъ тютюномъ!

3 Запорожець. Це старшій! Чого ты кувяешъ?

Медвидь. Винъ кровью пидплыва.

Гнатъ. Дайте ему воды. (*Даютъ*). А я й не бачу, що тутъ нашъ ликаръ нагодывся.

Медвидь. (*Дае Шмигельскому воду*). Напывся?

Шмигельскій. (*Напывшись*). Спасыби.

Гнатъ. Ну, диду, першъ усёго, до цёго прыступы, бо винъ вже виша голову, а мени бѣ хотилося зъ нымъ побалакаты, а потимъ повисыть его.

Знахарь. (*Огляда Шмигельского*). Винъ увесь рана. Тилько въ однимъ ось мисти зъ правои руки найбильшъ юшыть, а то скрызъ зашкорубло. (*Шепче*). Ковтны. (*Дае склянку*). Тры разы.. (*Шмигельскій пѣ*).

Гнатъ. А теперь дай и мени доброго чого напытысь, бо всёго пече.

Знахарь. Стривай, давай руку. О, тутъ ще багато крови. А не чуеть, нигде тепленька не тече?

Гнатъ. Не чую. Певно, раны не велики й зашкорублы. Обдывымось завтра.

Знахарь. На, пий. Це зилля тебе заразы пидтримае и сонъ добрый дастъ.

Гнатъ. (*Пѣ*). Ну, пане ляше, давай побалакаемъ, бо скоро тоби стане лекше—я тебе повисю.

Шмигельскій. Я не собака, щобъ мене вишаты! Хиба немає инчихъ каръ? Посады на палю, або шкуру здеры зъ живого.

Гнатъ. Знаемый голосъ и балачка чысто запорожська. Хто ты?

Шмигельскій. Иванъ Шмигельскій, прыятель твого найпершого друга и побратыма.

Гнатъ. Савы??? Пизнавъ! О, чомъ же ты не Сава? Я бѣ тебе не вишавъ, а на цецу водывъ бы за собою, а потимъ вымотавъ бы жылы зъ тебе.

Шмигельскій. Мотай и зъ мене жылы. Робы зо мною все, що зъ Савою бѣ робывъ, и заспокой свою ты наболилу душу. Ни ты, ни я, ни Сава въ тимъ не вынуваты, що йшлы мы риз-

ными шляхами... А якъ бы Сава слухавъ ты, не такъ бы скла-лося, якъ заразъ е.

Гнатъ. Найшовся бъ инчий Сава! Багато зрадныкввъ настало, що за панськи ласоци й прынады свій кыдають на-родъ и виру, до инчого чужого люду прыстають, тай ворогують тамъ противъ бративъ своихъ далеко гирше й бильше, нижъ самъ ворогъ!.. Скажы мени: що Сава, якъ живе? Чы про-стымъ козакомъ, якимъ и бувъ, чы паномъ ставъ, якъ и уси паны?

Шмигельскій. Для всякого створиння назначено, де и якъ ему слидъ жыты!.. Рыба живе у чыстій води, птыця въ по-витри, звить въ норахъ; а чоловикъ повиненъ жыты такъ, якъ ему здається краще! Сава живе, якъ Сава; Гнатъ живе, якъ Гнатъ; Потоцькій, якъ Потоцькій.

Гнатъ. Въ роскошахъ одинъ, а тысячи безъ хлиба? На палю бъ васъ усихъ!

Шмигельскій. И тебе на палю треба посадыть за те, що ты не знаешь, чога хочешъ!

Гнатъ. Рывности!

Шмигельскій. Однаковыхъ лыстивъ на дереви нема.

Гнатъ. Будь соби хочъ самы чыадей у лоби, носы на плечахъ скели, але на мене и на мое руки не пиднимай!

Шмигельскій. Одначе ты пиднимаешь руку на мое жыття, а хто жъ тоби на це давъ право?

Гнатъ. Ты, зрадныкъ! А помы душа моя живе у моимъ тили; ништо не спынять мои руки. Вони не перастануть тыхъ караты, що зрадылы народови своему и одсахнулыся видъ него за панськи ласоци й прынады.

Шмигельскій. И ты зрадныкъ! Зрадывъ ты законамъ Речи Посполытой! Ты пролываешь кровь и вынуватыхъ и невын-ныхъ: мы жъ вынни лышь у тимъ, що думалы не такъ якъ ты, а все жъ такы служылы краю.

Гнатъ. Ляхамъ!

Шмигельскій. Тоби здається такъ, а намъ инакше. За крывды панськи ты хочешъ помстою платыть, шукаючи у тимъ

для ранъ народнихъ ликъвѣ; а мы личить хотили тымъ народне лыхо, щобъ гайдамацтво зныщыть и даты спокій Украины!

Гнатъ. Ляхамъ!!

Шмигельскій. Насъ Богъ розсудыть тамъ, а покъ що, суды мене якъ хочешъ самъ!

Гнатъ (*мовчыть*). Жаль твого розуму. Я бъ тебе не покаравъ, якъ бы бувъ певень въ тимъ, що до моихъ думокъ прыстанешъ—и Саву покарать мени поможешъ!

Шмигельскій. Ни, Гнате! Якъ сонце й мисяць николи не зйдутся на своимъ пути, такъ мы не зйдемось думками.

Гнатъ. Правда! Насъ поривня лышь домовына. Паны братья, выведить пана Ивана за кинъ и тамъ прострелте ему лоба. Та выкопайте яму для Мыкыты, Молочая и для пана Ивана; винъ вартъ того, щобъ поховать его зъ сичовыками въ купи.

Шмигельскій. Спасыби пане атамане за честь! Ще ласкы я прошу, звелы, щобъ по мени стрелялы разомъ тры, або чотыри—певнища смерть, бо колы одынъ добре не влучыть, прыдется знову добываты якъ собаку.

1 Запорожець. Я въ ухо тоби стрельну и зъ разу смерть.

Шмигельскій. Ну, гараздъ. Прощай Гнате! Ходимъ, паны братья, не гайте часу, бо вамъ ще й выспатысь треба. (*Пшылы*).

Я в а ІV.

Ти-жъ безъ Шмигельского.

Гнатъ. Ты знаешъ диду, що громада прысудыла предаты смерти Саву. Послалы двоухъ на цее дило: одынъ—Кульбаба, зрадывъ; другый—Горыцвить, самъ смерть прынявъ! Порай мени: кого теперь послаты, щобъ Саву смерти винъ предавъ?

Знахарь. Савы ниhto не визьме, ниhto не страте. Тилько ты визьмешъ, тилько ты стратышь, Гнате! Ему прызначено,

щобъ згнувъ винъ видъ братнѣи руки за грихъ великій свій! Та ще визьмы Кравчynu—пры нему смерть до васъ не доторкнеться!

Гнатъ. Коли назначено—то й станеться! Визьму Медведя и Кравчynu, тай заразь же пиду.

Знахарь. Ище моя вамъ рада: покладить у чоботы своеи вы земли, щобъ никто не знавъ вашои пидмовы. (*Выстриль*).

Гнатъ. Пропавъ зрадныкъ! Такъ пропаде и Сава безъ путя, безъ славы, такъ пропадутъ вси зрадныкы своего народу!.. Готуйтеся, товариши, пидемъ въ дорогу... Лисамы, ярамы я приведу васъ въ палаць Савы и самъ своею власною рукою его скараю!

Завеса.

ДІЯ V.

Свитлыця Савы гарно убрана кылымамы. На стинахъ зброя. Пидъ стинамы турецьки канапы; напереди стилъ. Въ млыбыни колыска.

Я в а І.

Зося колыше дытыну, быля неи стоить баба.

Зося. Заснуло. Идить бабусю видпочыньте. Коли дитя прокынется, я васъ поклычу.

Баба. А колы жъ, сердце, будемо хрестыты, бо вже жъ пора: чотыри недили минуло, якъ дитя родылось, а шей доси въ хрестъ не ввели.

Зося. Завтра, бабусю... Ждемо пана Шмигельского. Винъ буде вумомъ!

Баба. А якый пипъ, пани, буде хрестыть; чы нашъ, чы уніятській, чы ксендзъ.

Зося. Отець Иванъ.

Баба. Оце добре. Диты повинни йты по батькови... А де жъ павъ Шмигельскій? его вже третій день не бачу, а винъ же въ насъ що-дня?

Зося. Панъ Иванъ позавчора погнався за гайдакамы, що кажуть десь мистечко и костель геть обирали... А Господы, колы-бъ уже тихъ гайдакивъ не стало! Ловыть ихъ Сава, ловыть, а воны есть и есть. Та ще похваляються на Саву... Мени такы боязко за него, а особлыво, якъ пана Ивана немає дома.

Баба. О, моя кохана пани, хто осмилыся до такого лыцаря, якъ Сава, доступыты? Кругомъ насъ мылиція, и вся у пана Савы пидь рукою.

Зося. Ото бо мене й страшыть, бабусю, що Сава дуже смилый, а черезъ те въ двори у насъ бува частенько зовсимъ немає козакывъ. Та отъ хочъ бы й сегодня—всихъ розиславъ.

Баба. А двирня въ насъ хиба мала?

Я в а П.

Ти-жъ и Сава. Баба уклонившысь выходе. Зося обнима Саву, а потимъ бере его за руку и веде до колыскы, одводыть частыну полога. Сава довгенько дывэтыся на дытыну, а Зося, обнявши Саву за станъ, стоить, схылывшы ему голову на плече. Сава по хвилы спуска пологъ, цилуе Зосю и одходыть видъ колыскы.

Сава. Мицно спыть козарлюга!.. Такъ що жъ Зосю: чы згодна ты, щобъ сынови дать имя Гнатъ?

Зося. Ни, ни! Мени той Гнатъ страшный, и я не хочу, щобъ сына нашего такъ звали. Назвемъ его Сава. Це имя для мене мыле, а колы тебе не буде дома, я, розмовляючы до сына, буду всякый часъ говорыть: Сава! мій мылый, мій коханий,—и такъ мени здаватысь буде, що я зъ тобою розмовляю.

Сава. Ну, то нехай буде Сава! Може малый Сава, якъ вырасте, кращый буде, нижь его батько!

Зося. Кращымъ видъ тебе не буде! *(Сава зитхае)*. Чого ты, Сава, такъ зитхаешъ тяжко?

Сава *(то нервово, то запальчыво)*. Охъ Зосю, такъ мене ксендзы й паны неправдою своею до виры нашої грецькой и

до люду ображають, що каюсь иноди за те, що до Потоцького приставъ и навить... мучусь! Я кожний день все бильше й бильшь помылку свою бачу... Кругомъ вовкы, що йисты лышь овецъ хотять, а пасты ихъ и стерегты—не мають навить въ думци, и кривда черезъ те, якъ панувала скрызъ, такъ и пануе, и не мени, я бачу, и на Украины побороты!

Зося. Що жъ тамъ сталося знову, Сава, що ты стрывожывъ такъ себе?

Сава. Бувъ я у попа! И такъ наскаржывся мени отецъ Иванъ на пробоща, що я хотивъ пойхать заразь у Немыривъ и власнымы руками розбиты голову лукавому ксендзу.

Зося. Та що жъ таке зробывъ ксендзъ пробощъ?

Чалый. Що!? Винъ навпаки моимъ наказамъ дозволивъ уніятському попови Антонію выгнать отца Ивана зъ церкви! Такъ я оце однявъ въ Антонія ключи видъ церкви, отдавъ отцю Ивану; Антонія жъ такъ настращавъ, що винъ утигъ въ Немыривъ!

Зося. Той заспокойся, колы поставывъ по своему.

Чалый. Не можна, серденько!... Я вже не разъ ксендзамъ и шляхти говорывъ, що покы я живый, тутъ унім не буде! А воны на тее не вважають и, змовывшысь, навмысне йдутъ вси протывъ мене, знаючы, що я лышь въ тимъ утиху маю, що можу заступатыся за людъ свій и за виру.

Зося. А ты все такы заступайся и бороны.

Чалый. Иноди я, навить, забуваю про те, що сотныкомъ у гетмана служу, и хочется росправытыся зъ ными по гайдамацьки, бо то едыне страхъ на нихъ наводыты!

Зося. Ты зробышь все по своему, бо панъ ясновельможный тебе любе й слуха!

Чалый. Та воно нибы й такъ, а тилько ставъ я помичать, що тамъ на дни, у его панській души, живе ненависть и до хлопа, й до его виру и часто винъ почавъ врывытыся на мене!... А що жъ бы то було, колы-бъ такого друга, якъ отъ Шмигельскій я не мавъ? Винъ одынъ боротысь протывъ врывды помогае. О, якъ бы тутъ хороше жылося, колы бъ народъ лю-

была шляхта, якъ бративъ!... (*глянувъ у вѣкно*). Що це за люде? (*у двери*). Джуро!

Зося (*пидбѣга до вѣкна*). Цила юрба! (*входѣ джура*).

Джура. Люде хотять бачыть пана.

Чалый. Звидкль воны?

Джура. Не знаю. Мижъ ными одынь Кульбаба зъ слободы панської, а то чужи.

Чалый (*бере шапку, хоче йты*).

Зося (*бере у него шапку*). Любий мій, будь обережный, не довирай себе такъ смилыво юрби!

Чалый. Богъ зъ тобою! Чого жъ я буду боятыся? Межъ ными е Кульбаба зъ нашої слободы. Певно скаргы мають, а може оселтысь хочуть тутъ у слободахъ моихъ.

Зося. Ты ихъ не знаешъ, мій коханий, а я боюся посполытыхъ зъ того часу, якъ памьятаешъ два гайдамакы, одягнени мовъ кмети, вмшались у юрбу посполытихъ, и вбыть тебе хотилы... Межъ ными жъ бувъ, здається, и Кульбаба...

Чалый. Такъ же-жъ не вбылы! Горыцвита—повисывъ я, а Кульбаба—ставъ першымъ межъ хавлинамы у Степашкахъ!

Зося. Твое жыття, коханий мій, дорожче видъ мого—храны его для сына нашего.

Чалый. Заспокойся моя любко! Що зъ тобою?

Зося. У тебе такъ багато ворогивъ: и гайдамакы, и паны, и ксендзы, а хйба не можна пидкупыть кого... Не йды до нихъ, прошу тебе, уважъ мою ты прозьбу. Поклычъ сюда Кульбабу одного и самъ до бока шаблю прычепы.

Чалый (*въ двери*). Джуро, скажы, щобъ Кульбаба прыйшовъ сюда въ свитлыцю!.. Ну, що жъ, теперь ты спокійнища?

Зося. Надинь же шаблю.

Чалый. Зосю! И не соромъ? Гайдамацька жинка боится посполытихъ.

Зося. Бо я свого гайдамаку безъ миры кохаю; а пнсля того, якъ давъ намъ Господь сына, я стала занадто полохлыва, и все мене страшни думкы гнитять... Може черезъ те, що я ще хвора... Прому тебе: покы я выдужаю и вернется до мене

прежній спокій, поставь ты варту у двори, бо въ насъ чаштенцько, отъ якъ и сегодня, нема ни одного озброеного чоловіка.

Чалый. Зъ завтришнёго дня цилый десятокъ добрыхъ козакивъ будуть сидить у насъ въ двори и оберегатымутъ дорогой для мене спокій моеи любои жоны. Тилько не тривожь себе даремно, будь спокійна, моя голубко, бо тривогою своею и въ мою душу смутокъ нальваешъ и—невидомый перше страхъ—мене тривожыть починая.

Зося. Я вже не буду.

Я в а Ш.

Ти жъ и джура.

Чалый. Ну?.. Чомъ же Кульбаба не йде?

Джура. Гости прыйихалы до насъ, паны зъ Немырова. Такъ Кульбаба пытае: чи подождать, чи прыйти завтра?

Зося. Чи не Шмигельскій? (*Глянувши у окно*) Ни, Жезницкій панъ, а зъ нымъ Яворскій.

Чалый. Чортъ имъ радъ! (*До джуры*). Скажы, щобъ завтра Кульбаба прыйшовъ въ людямы. А заразъ велы накрыть столы, та прынесь горилкы зъ лёху: нехай вси люде выпьютъ за здорыве пани и мого сына. (*Джура выйшовъ*).

Я в а ІV.

Ти-жъ безъ джуры.

Зося. (*Била окна*). Зъ нымы мало не цила хоругвь надворныхъ козакивъ... Чого-бъ то?

Чалый. То такъ боятся: Жезницкому вывжаются скрызъ гайдамакы. Винъ хоробрый тилько въ замку, а за стинамы замка тремтыть якъ заецъ. Я его терпить не можу. И чого це воны прытыслысь?

Зося. Це першый разъ... Ты жъ, Саво, не показуй выду, що гости не въ пору.

Я в а V.

Ти-жъ, Яворскій и Жезницкій.

Яворскій и Жезницкій. Пану полковнику чоломъ бьемо.

Чалый. Прошу васъ такъ не жартувать панове! Я согныкъ лышь, на вищо жъ вельчаєте полковникомъ мене?

Яворскій. Слухаю пана.

Жезницкій. (*Подаетъ листъ, Сава чита*). Це не жартъ, мы бъ жартувать такъ не посмилы! Панъ Сава справди е полковныкъ! Полковныка жъ доставъ за те, що у походъ послидній розвалывъ гардь запорожскій на ричци Бугови и розигнавъ вид-тиль ватагу запорожчивъ—гайдамакъ, спалывшы церкву ихъ!.. Витаемо ще разъ полковныка!..

Зося. Саво! Ты церкву спалывъ?

Чалый. Въ запали, моя голубко, въ кривавимъ бою, не розибралы: чи то церква, чи просто будынокъ—и спалылы!... Це грихъ великый на мой души... Я каюсь и жалкую... але не вернешъ!.. Багато де чого не вернешъ! Ну, що про це... За те, якъ бачышъ, теперъ полковныкъ я и справди! Выбачайте, панове, що зразу не повирывъ.

Жезницкій. И не тилько полковныкъ, а видъ-ныни, Сава Чалый благородный шляхтычъ Речи Посполитои! А отъ и грамота видъ короля! (*Кланяется, за нымъ Яворскій*).

Чалый. (*Развернувши грамоту, поцмлувавъ*). Спасыби вамъ панове за добри висти! Прошу сидаты. (*Сидаютъ*). Теперя Зосю не будуть родычи тебе цуратысь.

Зося. Байдуже. Шляхтычивъ—багато, а Сава—одынъ!

Жезницкій. Ясновельможный Гетманъ тежъ вита полковныка свого зъ короливською милостью и просыть прыбуть до него завтра на обидь и разомъ зъ тымъ прынять ще подарунокъ (*Подаетъ ще листъ и кланяется. Яворскій те-жъ кланяется*).

Зося. Що тамъ ще?

Чалый. (*Чита*). Ясновельможный гетманъ даруе сынови нашому сто тысячь злотыхъ и просыть... щобъ я сына своего... хрестывъ у католицьку виру!..

Зося. Для чого жь то?

Сава. Обь цимъ мы побалакаемъ зъ тобою описля... Стилько панове разомъ наградь, що я не знаю що й сказати! Завтра прыйду самъ въ Немыривъ и тамъ подякую ясновельможного гетмана за его ласку до мене! Джуро, меду!

Жезницкій. Теперъ пану полковнику и шляхтычу не выпада стоять, якъ перше, за хлопськи интересы, повиненъ винъ оберегать лишь интересы панськи. (*Джура вносить медъ*).

Чалый. (*Нальва кубки*). Холопскій и панскій интересъ одынь: спокій и добробытъ! Але краще мы не будемо про це балакати, бо панъ Жезницкій занадто розходится зо мною у поглядахъ и выйде суперечка, а у таки щасливый хвильны— я бь не хотивъ сварытыся зъ гостями дорогымы. Прошу панове.

Яворскій. (*Бере кубокъ*). Слухаю пана!

Жезницкій. За здоровья прекрасной пани полковниковой и ин сына. (*Пьютъ*).

Чалый. (*Зновъ нальвае*). А панъ Шмигельскій ще не-вертався?

Жезницкій. Нема ще й доси и ясновельможный гетманъ тривожытся.

Чалый. Я й самъ въ тривози не малій, бо маю видомосты, що тутъ десь недалеко Гнатъ Голый и завтра я самъ хочу йты шукать его ватагу... Прошу панове!

Яворскій. (*Бере кубокъ*). Слухаю пана!

Жезницкій. (*Бере кубокъ*). Панъ Шмигельскій задрить пану полковнику и, не пораявшись, пишовъ самъ у погоню, щобъ самостайно лавры взяти.

Чалый. (*Нальвае*). Панъ Шмигельскій лыцарь. Вельку мае честь и славу пры всихъ дворахъ панськыхъ и никому не завидуе! Панове, прошу. (*Бере кубокъ*)!

Яворскій. (*Бере кубокъ*). Слухаю пана

Жезницкій. Ну, тай слухняный же панъ Яворскій, колы прыходытся пьть медъ!

Чалый. Зосю! Почастуй насъ, рыбка!

Зося. (*Налюбує*). Прощу выпить за здоровья моего гайдамаки!

Жезницкій. Шляхтыча!

Яворскій. (*Бере кубокъ*). Слухаю паню!

Жезницкій. Прекрасну пани Зофію панъ Яворскій слуша, а свою пани не слуша!

Яворскій. Ба слушаю! Присягаю. Мы такъ кохаємось, що жыть одно безъ другого не можемъ. Отъ я вже занудывся за мою панею, бо хвыльна безъ неи мени викомъ здається!

Жезницкій. (*Чалому*). Бреше! Що дя бѣ канчукомъ! Ну, пане Яворскій, йидемо до Немырова.

Яворскій. Слухаю пана.

Жезницкій. (А якъ же бѣ панъ не послухавъ, колы вже сонце надъ заходъ, и треба засвигла добратыся до замку, щобъ часомъ де не злапавъ насъ бестія Голый!

Чалый. Пры васъ мало не цила хоругвь козакивъ—и панъ бонтся?

Яворскій. Я? Ни крапелыны, присягаю! Що я имъ зробывъ?..

Чалый. И правда. А панъ Жезницкій?

Жезницкій. У—у! Протывни морды! Але и я ихъ не боюся, колы воны сыдятъ у мене въ тюрми. (*Сміється*). Прощайте! (*Иде до дверей*)

Яворскій. Завтра побачымось!

Чалый. Якъ будемъ жыви!

Жезницкій. А чога жѣ намъ помирать?.. Певно панъ полковныкъ дума, що мы піймаємось и справди Гнатови у лапы? Не піймае! у насъ кони добри... (*Выйшли. Чалый за нымы*).

Я в а V.

Зося (*одна, иде до дверей*). Бабуню! А йдите сюды! (*Иде до комыты тихо замыслывышь. Здриннула*). Сава сказыавъ, що Гнать тутъ близько десь, и въ мене ноги затремили... И разъ-у разъ такъ страшно робытся мени, колы я чую имя Гната!.. Сава его такъ любыть, а винъ на Саву ножа гострыть.

Цуръ ему, нехай винъ згине... (*Входе баба*). Перенесемъ, бабуню, дытя въ опочивальню (*Здіймають колыску*).

Я в а VI.

Ти жъ и Чалый.

Чалый. Вже выносите мого козака видъ мене? Ну, прощай сыну, росты здоровъ!

Баба. Я сама, пани, однесу. (*Выносить*).

Чалый. Га? Зосю, чула?

Зося. Що Саво? Що?

Чалый. Мало имъ, бачъ, того, що я роблю для ныхъ, вони жъ обманюють мене, не выповняютъ слова, та щей хотять купыть мою дытну, хотять, щобъ сына я свого хрестывъ не въ грецькую, а въ катольцьку виру?.. Яка образа, яка зневага!

Зося. Хйба жъ вони тебе примусыть можуть? Теперъ ты шляхтычъ, равный гетману самому, то й король заступытса за тебе!

Чалый. Я й самъ за себе заступлюсь! Але не въ тому ричь! Ты тилько подумай! Чого хотять? И хотять, знаючы, що я за виру грецьку заступаюсь. Выходыть, псомъ мене вси личать, що я за гроши й почести и виру проминяю и стану людъ свйй до унйи примушувать!.. Помыляются! Гайдамакы—одно, а вира—друге!.. Не видъ гетмана ця думка йде, а видъ ксендзивъ!

Зося. А колы такъ, то не тилько сынъ твйй не буде кателькомъ, але и я, жона твоя, прыстаю до грецькой виры, и не посміе насъ нихто за те судыть: бо жона й мужъ—тило одно, а въ однимъ тили—и духъ повиненъ быть одынъ!

Чалый. О, горлыце моя! Я родыну покынувъ, по нйй тужывъ бы я безмирно, колы-бъ краса души твоеи мени боротысь зъ нымы не помогала всякйй разъ,—якъ отъ хочъ бы й теперъ! Ты родына моя, ты—все для мене!... Охъ якъ жалкую я, що тоди, колы ты бранкою була, въ корчми сыдила, не одружывсь зъ тобою и не покынувъ все, щобъ тыхе, мырнее почать жыття

тамъ далеко, далеко—десь надъ Днипромъ!.. Навищо слава, почоть, маенткы? А тамъ, зъ тобою бувъ бы рай!

Зося. Такъ що жъ, тикаймо звидциля.. Я тутъ боюся усего, а особливо Гната Голого! Бо ти гайдамакы казали, що ихъ пославъ убыть тебе Гнатъ Голый! Тикаймо! Мени такъ хочется десь жыть далеко видъ людей, зъ тобою що хвильны въ купи, а тутъ: ты ходышь у походы и кыдаешъ мене, и разъ-у разъ я повна страху, що вже не вернешся зъ походу!

Чалый. Прийдется утискать... *(Пиднимається и слуха).*

Зося. Чого ты? наче що побачывъ, слухаешъ?

Чалый. Ты ничего не чула?

Зося. Ни.

Чалый. Мени здалося, наче хто пидъ викномъ, сказавъ: „добрывечирь!“

Зося. Ой!..

Чалый. *(Ласкаво)* Богъ зъ тобою. А може жъ и справди хто сказавъ добрывечирь *(Входе джура и ставыть свичку на стилъ)*. А подывыся, чи нема кого тамъ на подвирьби? *(Джура выйшовъ. Чалый бере Зося за станъ и садовыть бия себе)*. Сядь коло мене, та прыгорнысь до мене, моя бранко!

Зося. *(Сиди и прыгортається)* Бранка! Охъ, якъ гарно тоди було, колы я тебе що вечера у корчми ждала, ажъ радисно згадать! Сыдю, въ викно дывлюся и вся тремтю.. Та тилько то не страхъ бувъ, якъ теперь, то була тривога, що сердце наповняла и прудко гнала кровь, малюючи у мрїяхъ чаривну постать страшного всимъ и славного на Украини Саву, которого я такъ покохала, такъ *(дывытся на Саву)*, що батька, матирь, все для него забувала и рада бъ зъ нымъ була въ корчми весь вѣкъ сидить—отакъ! *(Обюртае его шыю и цилуе)*.

Чалый. Чого жъ ты вся тремтышь?

Зося. Видъ щастя мылый, бия твоихъ грудей—страху нема! Я заразъ смилыва така, я справжній гайдамака и ничогисенько вже не боюсь: зъ твоихъ грудей въ мои перелылася смилость и одвага *(Входе джура)*.

Д жу р а. Невыдко нигде никого: ни била свитлыци, ни на подвирьи (*Выйшовъ*).

Ч а л ы й. Отакъ, колы стривожишся чого, тоди и вбачается, и вчувается.

З о с я. А, пуге (*Входе баба*).

Б а б а. Идите пани, погодуйте сына.

З о с я. Плаче?

Б а б а. Ни, тилько мурчыть.

Ч а л ы й. А нхто не прыходывъ у двиръ?

Б а б а. Ни, никого не було!

Ч а л ы й. Почулось!.. Иды-жь, голубко, тай спатонькы лягай, а я лысты ще напышу и самъ прыйду до тебе.

З о с я. Може бъ я ще прыйшла сюда?

Ч а л ы й. Краще спы! Нехай тебе хранить Господь!

З о с я. (*Иде, и одъ дверей*). А може бъ ты завтра лысты напысавъ, бо вже не рано...

Ч а л ы й. Не будь же дытною, моя люба, у мене дило е.

З о с я. Ну, то я вже пиду... (*Постоявши*) Слухай, Саво, и я въ тобою пойду завтра въ Немиривъ и сына визьмемо. Добре?

Ч а л ы й. Гараздъ.

З о с я. Мерщій же пышы лысты, бо я однаково не буду спаты (*Пшла*).

Я в а IX.

С а в а (*Одынз сида до столу*). Въ Немиривъ завтра не пойду, а напышу ясновельможному лыста, що повертатъ свій ридъ у католицьку виру я не згоденъ, бо це бъ зневажыло мене передъ очыма всехъ панивъ, яко одступныка видъ предкивськои виры, за котру вчора ще боровся зъ ными! (*Пыше, потимъ перестает, пиднимается и слуха*) Проклятый пугачъ, якъ засмівся погано!.. (*Сида и пыше*). И де винъ взявся? Учора двоухъ убывъ и бильшь здается тутъ ихъ не було (*Пыше, по хвыли здригнувъ, пиднявъ очи на викно и слуха*). Що це? Здалося, наче знову хто сказавъ „добровечирь“! А, дуристь! Ну, добровечирь, то й добри-

вечір'... Коли-бъ мерщій вертався Шмигельсмії. Я цілий день сьогодні жду его и тымъ себе такъ розтровоживъ, що ніякъ не виджену тяжкихъ думокъ: все бильше и бильшь нагничують вони мій мозокъ... Дивна ричь... Коли я живъ въ степу, въ нори, у лиси—не знавъ тоди такої я тривоги... А теперъ, отъ якъ не сылкуюсь—ничого не зроблю зъ собою!.. Особливо сьогодні. Оци награды мовъ ранили чымъ гострымъ и отруили мою душу... Отъ чую—наче хто шепче мені й заразы: що праця та, яку я у своїхъ думкахъ личивъ корыстною народови, була и есть на корысть лишъ панамъ! И чую я, що есть тутъ правда—страшна, страшна правда!... За те, що гайдамакъ, своихъ бративъ, ловивъ и смерти прыдававъ, найкращыхъ оборонцивъ правъ народныхъ, за те, що церкву Божую спаливъ—полковникъ я и шляхтычъ!.. Шляхтычъ? Ридня выходить всимъ панамъ!.. Охъ, якъ мені нудно и на серци трудно! Здається, заразы бы вернувся до своихъ, у лисъ, у норы... Зося ниде скризь за мною... А тамъ я выгодою сына своего Саву козакамъ на славу!—И винъ закрые батькови грихы!.. Охъ, ни!... Зарослы мои шляхы тернамы—немає повороту... Нема! Нема! (*Бѣе кулакомъ объ стілѣ*) И не треба! Дытячий страхъ напавъ на мене, и я себе мордюю. Щобъ край утыхомырить, то треба прыпынты дыку волю гайдамацьку, покы не захопывъ цей рухъ увесь народъ!... Такъ... Такъ!.. Якъ море зрадливе сегодня на лони своимъ гойдає тыхо байдакъ и мовъ прысыплює пловця, а завтра, въ ментъ одынъ скаженіе и бѣе на триски той самыї байдакъ и топыть у хвыляхъ своихъ нависныхъ необачного плавця—отакъ и народъ: коли розирве ланцюгъ покоры—подибенъ морю нависному! Покирныи ще сегодня й тихый—винъ въ ментъ одынъ, страшну пидниме бурю и Посполиту Речь потоце въ крови, и все оберне у руину! Причь же сумни думкы—причь! Не противъ народа я воюю, а противъ гайдамакъ; народови жъ бажаю миру и спокою, щобъ винъ пидъ панською рукою добувъ шырокой освиты и правъ на вильне и корысне жыття для всего краю. (*Здригнувъ и прислухается*). Знову хтось сказавъ „добровечирь“! (*Иде до вѣкна и заглянувши, одскакуе*). Що це? Ввыжається мені!

чий справди то Шмигельскій?! (*Пидходе до вкна*) Пань Шмигельскій, блидний и зъ уха кровь дзюрчыть! Пане Иване! Чого жь ты... Щезь!... Це мана... Це такъ мени здалося...

Я в а Х I.

Чалый и Джура.

Ч а л ы й. Це ты въ вкно заглядавъ?

Д ж у р а. Ни.

Ч а л ы й. И нема никого?

Д ж у г а. Ба прыйхавъ заравъ козакъ зъ хоругвы пана Шмигельского.

Ч а л ы й. Де винь? (*Хутко, не дождавшись одповиди, выйшовъ. Зъ другихъ дверей выходить Зося*).

З о с я. Джура, що тамъ сталося, що панъ такъ прутко выйшовъ? Мени здалося, що панъ Шмигельскій прыйхавъ?

Д ж у р а. Ни пани, козакъ зъ его хоругвы.

З о с я. То певно винь вернувся?

Д ж у р а. Не знаю.

З о с я. Здається йдуть! Ты не кажы, що я выходила, щобъ панъ не гнивавсь.

Д ж у р а. Слухаю пани. (*Зося зныкае за двери*).

Я в а Х II.

Чалый и надворный козакъ. У козака голова перевязана.

Ч а л ы й. Отъ черезъ що я такъ тривожусь цилый день—душа нещастя чула! Тяжке нещастя... Ну, ну—дали розкажуй...

К о з а к ъ. Я певень, що вси тамъ поляглы, до одного уси. И ихъ тамъ полягло багато, колы у ранци пился бою до мене зновъ вернулося жыття, то я побачывъ, що балка вся завалена була козачымъ трупомъ—не мовъ бы хто позвозывъ ихъ багато такъ навмысне. Шукавъ межъ трупомъ я сотныка пана Шмигельского, але его тамъ не було. Колы на гору выйшовъ, то на гори зъ десятокъ нашихъ коней уже здыхало, бо въ нихъ

роспорони були ихъ животы, а дали паслось скільки коней, такъ я піймавъ одного и отъ до тебе прыскакавъ зъ цією звистою лыхою!

Ч а л ы й. О, Боже мій, яка потеря! Це Гнать—его робота, бачу... Ты знаешь мисто добре?

К о з а к ъ. Знаю.

Ч а л ы й. Такъ ты насъ проведешъ туды. Иды тымъ часомъ спочывай, обмый и перевяжы свои раны. Джуро, дай ему добрый кухоль меду, скажы, щобъ заразы коней трехъ сидлалы и самъ вертайсь сюды. (*Джура и козакъ вышлы. Сава сидае и пыше лысты, а напысавшы*). Сто душъ лягло на поли и зъ нмы кращый другъ! Другъ, котрый подтрымувавъ всякъ часъ мій духъ, другъ, що вмивъ розгониты найтяжчи хмары жытеви, яки гнитылы часто мозокъ мій и душу й сердце!.. О, теперь я попалю уси лисы, я выверну все гайдамацьке гнздо, я заплачу за смерть Шмигельского вамъ всимъ сторыцею, страшно, страшно заплачу!!... (*Входе Джура*)

Я в а XIII.

Чалый и Джура.

Ч а л ы й. Отъ тры лысты: одинъ—що згорнутый у двое—въ Немыривъ; другой—що край одинъ заломаный—у Тульчынъ; а третій—одкрытый—въ Рубань! Птыцями нехай летать вси тры!

Джура. Тоди у насъ никого не останется въ двори, бо Харько й Трохымъ пишы на слободу и доси не вернулысь.

Ч а л ы й. Такъ ты на слободу йды заразы и въ двиръ до мене покличъ Кульбабу; скажы ему, щобъ винъ узавъ зъ собою всихъ своихъ товаришивъ, що колысь были у гайдамакахъ. Вони мени потрібни и за послугу будутъ маты добру плату. Иды жъ мерщій! А не забудь, куды якый послаты лысты?

Джура. Цей—въ Немыривъ, цей—у Тульчынъ, а цей—въ Рубань.

Чалый. Такъ. (*Джура пишовъ*) Годи вагатысь, годи! (*Входе Зося*) И ты не спышь ще на лихо?

Зося. Яке тамъ лихо? Я чую тривогу—скажи, що стало: я ни жыва ни мертва!

Чалый. Молю тебе, не заважай мени! Сотня Шмигельского пропала, и я пиду шукать их. Скоро сберется сюда вся блызька мылиця, и я выступлю заразъ, по дорози захоплю рещту—и въ походъ!

Зося. То нехай коней заразъ запрягають, и я поиду у Немыривъ зъ сыномъ, бо тутъ безъ тебе я не zostанусь.

Чалый. Я вже пославъ на слободу и заразъ сюда прыйде Кульбаба, а зъ нимъ пятнадцать такихъ молодцивъ, що и на сотню пидуть. Для всехъ роздамъ я спысы, порохъ, кули и мушкеты. Це буде твоя варта. Коли-жь захочешъ йхать, то завтра вже пойдешъ у Немыривъ; а варта всежь такы нехай стоять въ двори... Иды-жь, моя голубко, и спы спокійно—тебе одну я не покыну! Знай, що у двори у тебе буде пятнадцать добрыхъ молодцивъ! Иды и спы спокійно. Мени немає часу, треба ще напысать ясновельможному, бо все якъ бачышь раптомъ переминылось.

Зося. Я слухаю тебе, и спокій мовъ росте въ мойй души. Прощай, мій сокиль ясный! Боже, якъ не хочется зъ тобою розлучатысь... Згадуй свою Зосю, а я що хвыльны буду зъ тобою розмовлять, бо била мене малый Сава! Прощай!

Сава. Будь здорова, моя зоре (*цилуе и*).

Зося. Зайдешъ же сына перехрестышь (*вышла*).

Я в а. XVI.

Сава одинъ. (*Пыше*) Увесь тремтю видъ злосты... Коли-бъ мерцій мылиця... (*Пыше*) Кыпыть моя душа!.. Я не такъ до васъ приймуся... Коли-бъ пймавсь мени теперь самъ Гнатъ—я и его безъ жалоу на палю посадо! (*Пыше. По хвыли входятъ тыхо Гнатъ, Медвидъ и Кравчына*).

Я в а Х V.

Чалый, Гнатъ, Медвидъ и Кравчына.

Г н а т ь. Добрывечирь!

Ч а л ы й. *(Повертается и схоплюется зъ крися).*

Г н а т ь. Здоровь, здоровь пане Саво! здалека ты нежданіи гости маешь, чымъ будешь витаты?

Ч а л ы й. *(Шука очыма броню).* А чымъ же я такихъ гостей привитаю... Пославъ мени Господь сына, буду въ кумы зваты.

Г н а т ь. Не кумовать тоби, Саво, зъ нами; не пыть горилкы та медивъ зъ прыславнымъ товарыствомъ, а заплатыты перше треба за сукни, та за адамашы, що ты нажывь, пане Саво, зъ козацкои ласкы...

Ч а л ы й. *(Хоче взять шаблю—Медвидъ ему дорогу заступае. Сава хоче взять рушныцю, що въ другимъ кинци стоить—Кравчына заступа ему дорогу. Сава, нахлывши голову, хвилью мовчыть)* Чого-жь браты мои хотять? Чи бытысь, чи мырытысь?

Г н а т ь. Прыйшовъ часъ, Саво, расплатытысь за крывды ти, яки ты намъ и людямъ всимъ своимъ зробывь?

Ч а л ы й. Я лышь оборонявъ видъ крывды вашои весь край. Одынъ противъ другого мы у поле выступалы, озброени, мовъ лыцари на герцъ! Теперь же вы у трехъ на мене безоружного напалы,—цего не дозволя честь лыцаря такого, якъ ты, Гнате! Колы вже воля Божа е на те, щобъ зъ вами расплатыся я, дозвожь же и мени мою ты шаблю зыаты: тоди одынъ я противъ трехъ кривавый бой прыиму, а Богъ нехай ршыть, и мертвый той нехай поляже, хто крывды бильше наробывъ!

Г н а т ь. На поедынокъ ты не маешь права зъ нами, бо потерявъ козацьку честь! За те, що кипъ у Чорнимъ Лиси нашъ спалывъ, напавшы зрадою на него; за те, що ты ловывъ товарышывъ своихъ и въ руки паньски виддававъ; за те, що церкву ты спалывъ—тебе громада наша смерты прысудыла и выповныть прысудъ громадськый мы зыалысь... Противъ громадського суда оборонятысь шеода!.. Колысь хрестамы поминявшысь, мы передъ

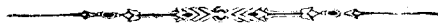
образомъ дали присягу оборонять людей своихъ видъ ляпской кривды и напасть; присягу ту зламавъ ты, брате, теперь вона тебе вбывае! *(Вси три обступаютъ Чалого и проколюють его саблямы, проколовшы одступаютъ).*

Ч а л ы й. *(Падае)* Простить... Я смерть прынявъ за ридный край... Я кровью змывъ свою выну... Прощайте. *(Умирае).*

Г н а т ь. Прощай!.. Краще, брате, гныть тоби въ земли, а нижъ зъ ляхама въ куни на наши головы козачи меча здіймать и на безчестя козачеству всему свій лядскій ридъ тутъ розмножаты.

З а в и с а.

И. Карпенко-Нарый.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ГАЛАГАНА.

3. Письма П. А. Кулиша.

(1856—1858 г. г.)

1.

Спасыби вамъ, добродію Грыгорые Павловичу, що сами обизвались до мене, бо дуже тяжко жыты на чужныи, знавши, що землякамъ про тебе байдуже. Спасыби й за гроши, що шлете мени за книжки. Добре бь вы вчынылы, якъ бы наставылы Вашого Ребиндера¹⁾ узять 80 экземпляривъ *Записокъ о жизни Гоголя*, да разослать по библіотекахъ, якъ то мавъ учыныты Михайло Владымеровичъ (Юзефовичъ). Книжки сіи лежать у чиновника Гессовської канцеляріи Даныла Семеновича Каме-нецького. Не вконтентовала мене Москва цензурою, а не чымъ иншымъ, бо пройиздомъ ни съ кымъ я не бачывсь—ище никого не було въ городи, а прожывалы вси на отшиби, зложывшы свое дело на пидпомошныкивъ. *Руськая Бесѣда* завсегда буде стоять бильше иншого журнала; шкода тилько, що въ собесид-ныхъ московськихъ часомъ бувають не вси дома. Де-що я

¹⁾ Тогдашній попечитель Кіевскаго Округа а въ тоже время своякъ Галагана.

вже казавъ вамъ у „Лебединському будинку“ про ихъ химеры. Теперъ розводитъ про се не годятся, а колысь напышу здорово, колы не скрутять рукъ. Бо вже, добродію, начынають великыи паны крутить руки розумнымъ людямъ. *Чорнои Рады* не пропущено й доси, однакъ не втерявъ я надіи, бо й межъ великымы не безъ добрыхъ людей. На биду плюгавыи вирши плюгавого Некрасова розсердылы князя Довгорукого, а той давай тушковаты мыныстра, а мыныстръ цензоривъ, а цензоры насъ, а намъ уже й никого.

Пани моя дякуе вамъ за памятку и кланяется щырымъ сердцемъ вамъ и вашему шановному подружжю. Зъ правдывымъ ушанованнемъ, до послуги готовый П. Кулишъ 1856, лыпня 20 С.-Петербургъ.

2.

Прошу и благаю васъ, добродію Грыгорые Павловычу, потурбоватись для мене и вчыныти такъ, щобъ у *убернскихъ кievскихъ вѣдомостяхъ* опублыковалы „Малороссійскія проповиди“ такъ: „Вышли въ свѣтъ проповѣди на малороссійскомъ языкѣ, протоіеря Василя Гречулевича. Изданіе второе, исправленное. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к. сер. Гг. иногородные благоволятъ адресоватись за полученіемъ этой книги на имя Александра Александровича Навроцкаго, служащаго въ Министерствѣ Путей Сообщенія, въ С.-Петербургѣ“. Да ще колыбъ и перепечаталы одну проповидь, котору самы вподобаєте и дещо изъ предисловія. Тутъ же нехай публикують и про Черную Раду сице: „Печатается въ С.-Петербургѣ историческій романъ на малороссійскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ *Чорна Рада*, сочиненіе П. А. Кулиша. Желаяющіе получить эту книгу тотчасъ по выходѣ, безъ платы за пересылку, благоволятъ адресоватись къ автору такъ: Пантелеймону Александровичу Кулишу. Въ С.-Петербургѣ, у Литовскаго рынка, въ домѣ Вагенгейма, кв. № 8. Со вложеніемъ 3 рублей серебромъ. Сію публикацію треба зро-

быть и для грошей и для того, щобъ усюды книжка пишла у огласку, бо инши объ ий и не чувалы. Разивъ тры або й бильше треба публковаты. Оттакъ я до васъ присипавсь! Уже не здвуйте добродію. На те мы землякы, щобъ одинъ одному помогаты. Щыро прыхильный и до послугы готовый П. Кулишъ. 1856, листопада 26.

3.

Отъ же, добродію Грыгорые Павловичу, чога бажалы мы, те й пославъ намъ Господь. Печатаю Чорну Раду; да якъ грошей у мене не товсто, то збираю билетами. Посылаю й до васъ 20 штукъ. Потурбуйтеся пидписытыся на кожному, щобъ знаты було, объ кого получыть книжку той, хто заплатыть гроши. А я вже вамъ вышлю стилько экземпляривь, скилько билетивъ роздасте. Книжка выйде у февралі. Кто теперь пидпышетея на неи, взявшы билетъ, той не платытыме за пересылку. Посылаю вамъ и ящыкъ *Проповидей*. Роскыдайте ихъ, якъ самы знаете, по рублю за книжку. Теперь, мабутъ, нема вже въ Києви Васыля Васылевыча¹⁾, такъ я вамъ посылаю. У ящыку 160 экземпляривь *Проповидей*. Колы мало, пышитъ скорійшъ, — я ще прышлю. Каменецькому пославъ я 240 экз. *Записокъ о Южной Руси*. Добре бъ вы вчынылы, якъ бы помоглы ему роскыдать ихъ помижь добрымы людьмы; бо винъ соби чоловикъ не значный, то его не всяке послухае. Другого тому *Записокъ о Ю. Р.* набрано 224 страныци, да зупынивъ я ихъ для *Чорной Рады*. Вони выйдуть навпосли. Остаюсь съ ушанованнемъ щыро прыхильный и до послугы готовый землякъ П. Кулишъ. 1856, дек. 2. С.-Петербургъ.

¹⁾ Тарновскаго, умершаго въ 1866 г.

4.

Р. Б. 1857, лютого 9. Изъ С.-Петербурга.

Радуюсь сердцемъ, що вы мене назвали другомъ, высокопоставленный пане Грыгорье Павловичъ! Дай Боже намъ друговаты на добро нашій Украини! Можна бѣ, можна бѣ возвыгнуть ии одъ небалости, взявшысь мицнымъ да щырымъ людямъ за руки. Оце тилько й буде наше, що мы на корысть мырови вчынымъ а наши достатки и наши гражданскыи права одъ людей намъ надани. Не тратьте жъ часу, дорогой друже, покы есть у васъ добрая хить у серци: бо днѣ лукави суть. А на Васыля Васыльвыча не оглядуйтесь: сей панъ свое дило знае и одынъ за пятѣхъ робыть.... Не дывуйтесь словамъ моимъ про велики надѣи на народъ украинскій. Погляньте на его исторію: чога не перебувъ винъ, яки недолюдкы зъ его не згнуцалысь! а въ его бильше людскосты осталось, нижъ у москаля й ляха. Коли не ймете виры серцю, то поймите виры самымъ ляхамъ и москалямъ, котори оддаютъ ему зверхность надъ своимъ племямъ що до натуры доброй, що до духовного розуму. А втручаючысь у повсядневныи sprawy своихъ подданныхъ, вамъ трудно доглядитысь чистого и святого добра мижъ вашимъ мыромъ, бо добротыхо сыне въ свой краси, а тилько саме зло гомонить и тыснется передъ пана. Погляньте жъ и на словесность обохъ руськыхъ народивъ; уважте, що наша словесность южная тилько що прокыдається послѣ довгого сна; у насъ нема такого ряду пысателивъ, якъ у москаливъ одъ Ломоносова до Пушкина, а духъ нашего племя, духъ людскосты, духъ богочоловичности, выявивъ уже себе поважнымъ и праведнымъ художественными лыцями, якъ отъ батько й маты Марусыны у Квитки, якъ отъ Катериныны батько й маты у Шевченка, якъ отъ Кырыло Туръ и „Божый чоловикъ“ у мене. И не тилько сѣи, да й багатовишыхъ праведно-чоловическыхъ художественныхъ истотъ выставыли наши пысатели у своихъ созданіяхъ. Не говорить же мени, що се идеальность нашихъ пысателивъ выновата. Ни,

мій голубе! Есть нерушимый законъ правды въ души у всякого поэта; не здолае поэтъ самохитъ пидняться вгору душею: пиднимае его духъ его ридного племя; а не буде ридне племя оправданіемъ его лыць художественныхъ, не прыпадутъ воны й до души мырови. Нѣсть льсти во языцѣ моемъ—отъ вамъ девызъ усякого великого поэта. Обернемо жъ теперь увагу на великоруськую словесность. Великыи поэты тамъ были тако жъ само, якъ и въ насъ, и правду щырую про свій народъ проглаголали. Скажить мени, де отъ хотъ-бы въ Пушкина выступивъ руськый чоловікъ у повази и величынн своихъ доблестей або страданій, такъ щобъ и старе й мале восхытылось его благымъ образомъ? „Борисъ Годуновъ“ повень ледари, и тилько одынъ Пимень чернецъ сыле святостью, да й то святость пещерная, мертва для мыру. Великоруськый чоловікъ, не знайшовшы добра въ своему народи, одвертается одъ его лыцемъ своимъ и простягае, якъ изъ пекла, руки на небо. Отсе Пушкинскій Пимень!

„Не помня зла, за благо воздадимъ.....“ А чымъ винъ воздае? молитвами! Нашъ русинъ не такъ робыть у свойй печали по Бози, тилько що сего ниhto зъ великыхъ крытыкивъ не знае, а наши пысьменныкы, набравшысь туману одъ россійскыхъ профессоривъ и журналыстивъ, забулы, що жывуть мижъ людмы и вытягують шыи по-гусячы туды, де людей не дуже густо. Нашъ русинъ, возложывшы печаль на Бога, ище бильшь пыльнеуе своего дила (якъ отъ батько Марусынъ, который, бувшы праведныкомъ, скорбыть душею, що Васылъ одбигъ мыру, пйшовшы въ монастырь). Наше добро—дило, а не слово; наша печаль—великодушные, а не похылость. Тымъ-то не выдумка, мій друже, що Петро, зъ великои туги, хоче робыть власнымъ коштомъ човны и великымъ рыцаремъ, слобонытелемъ невольныка учынытысь. Не мысль холодна науковая, а душа внушае пысателю такый порывъ для его художественной особы; а послн вже, не скоро, выйшовшы зъ своего творчеського мыру, постерегае поэтъ тайну своего наитія. Поривнялы мы Пимена зъ нашыми поэтычными творами; поривняемо жъ мы и московське

благочестые зъ нашимъ. Чи бачыте, що таке булы въ старій Московщини монастыри?

Иванъ Мучитель утпикае туда отъ своей душевной тревоги...

„Прииду къ вамъ, преступникъ окаянный...“ Стари люде идуть туды на покой вмирати; сажаютъ туди, якъ у темныцю, жинокъ и дивчатъ... Монастырь—тажъ могла. У насъ винъ бувъ тежъ саме, що до втикання одъ мыру и ёго напастей, да втикшы туди, чоловікъ заразы брався за дило: винъ бувъ друкаръ, винъ бувъ учитель, винъ выходывъ на *миссію* и одъ села до села, рббомъ хрыстовымъ и апостольскимъ, благовиствовавъ божую правку. Не моглою бувъ монастырь южноруській: козацьке отаманне выходило зъ монастыривъ и слово чернечої науки въ дило претворяло. А братства жъ наши? Се ти жъ монастыри, тилько тутъ робылы дило христове, не надивавшы рясы, такъ робылы, якъ Марусинъ панотець у своему сели и въ свой господи. На великій высоти стоявъ нашъ русинъ, колы пидгорнувъ пидъ свій надзоръ и опеку не то всякого *брата* въ братствахъ—чи пана, чи посполытого, да й самихъ попивъ своихъ! Такъ якъ же съ такого кореня не выросте доброго дерева! А що дерево выросло, то *по плодамъ его познаете его*. Колы бъ не правда була тому, що создаютъ наши поэты, то не трепетало бъ наше сердце сочувствіемъ. А колы сему правда и колы плоды добри, то добре й дерево. Отъ погляньте на нашего Гоголя: якъ винъ сылкувавсь выявты художественнымъ способомъ щось вельке зъ великой Руси! Покры списувавъ те, що въ ій есть, то бувъ страшенной силы майстромъ. Чи болото зійме своимъ искушеннымъ окомъ, то й оживе воно въ его зъ усима своимы гадами; чи погляне орловымъ поглядомъ на зустрічъ далекымъ викамъ грядущымъ—и зъ далекыхъ виковъ озываются до его якысь вельколюды (бо лежыть ще въ сповитку борода-тый русинъ, и бодай, чи не мы его роспеленаемъ). Отъ же, якъ прыйшло до „благородныхъ личностей“, якъ довелось изображать велькы подвыгы духа, до которыхъ не дорисъ борода-тый братъ нашъ, то измучывъ себе Гоголь, роспынаючысь за

грихы миру велькоруського, а благородной личности не создавъ ни одной! Не кажыть мени никто, що не той бувъ талантъ у Гоголя. Давъ ~~виць пробу~~ свого таланту ще замолоду—на Тараси Бульби. Ще бувъ тогди школяремъ Гоголь и не багато умивъ своєї ридной исторыи и этнографыи; тымъ то й наро- бивъ велькихъ помылокъ у Тараси Бульби; отъ же зъ усима помылками, Тарась Бульба (яко лице, а не повесть) прыпадае бильшь до души, а нижъ оттой откупщыкъ, оттой велькый хо- зяинъ, оттой доблестный князь, що зопсовалы собою „Мертвыи Душы.“ Що бильшь Гоголь уходывъ у московську жизнь, то трундійшь ёму було создать велькыи доблестямы характеры, бо есть нерушымый законъ правды въ души у всякого поэта; не здолае поэтъ самохитъ пиднятыся вгору душею: пиднимае его духъ его ридне племя, а не буде его племя оправданіемъ его лицъ художественныхъ, не прыпадуть вони й до души мырови. Була сыла въ Гоголя преобразытыся у москаля, бо не глубоко пустывъ корень у ридну землю, а не було сылы надать моска- леви характеръ, которого не выробывъ народъ московський. Тутъ ище есть одна велька тайна творчества, которой никто ище не доторкався. Есть мижъ московськымы людьмы велькыи чолови- колюбци; есть герои; есть Кодры, а ни въ одного поэта не знайдете доблестного лица, которе-бъ не було идеаломъ, а прав- дою. Нехай бы Гоголь узавъ старого Аксакова и воссоздавъ у художественному образу; нехай бы Пушкинъ себе самого олы- цетворывъ у тому мизерному блавию Евгенію Онѣгину; то й булы бы тыи чары для души чытателя, которыми чаруе насъ, малюючы благодать душевну, Квитка або Шевченко. Отъ же ни! Свагы на се не стало! Бо немае въ народи, у его души все- общій, той красоты божественной, котора идеаламъ поэта надае правду, сердцець владычницю. Тымъ то поэтъ буде свять и благъ душею; якъ бувъ Гоголь, и перо его слыше всеобщыи тыпы; хотъ бы вони булы пакость пакости; *нсть бо лсты въ языку его.* Хотъ бы й покрывывъ душею одъ благодати своего сердца, то его твореніе изоблычыть ёго. Поэзия—голосъ народа, а не „любите- лей словесности;“ все ненародне зныкае зъ часомъ и пійде въ

непамять.—Тилько слово всего народу, проглаголанне викамъ и племенамъ черезъ его вицателей, останется поты, поky любо буде брату спомынаты брата. Тымъ то, мій друже, нехай не слабіе ваша надія на народъ южноруськый: одъ плодовъ его познаемо его: не можетъ бо древо никчемне прыносить доброго плоду.

Оце жъ вы ввели мене въ довгу розмову, да колы бъ за нею и поточныхъ справъ не позабуваты. Колы робить що для Мыколы (Бѣлозерскаго?), то робите хутко, часу марно не гайте, и зъ гришмы не збирайтесь, бо то все прахъ земный, тилько дило и слово наше праведне останется на вики. А до Бодянського я напышу заразъ, а вы мене не зневажте, якъ прійдется до дила. Колы жъ я не гожусь на сю справу, то не ждавшы моеи до васъ одпыски, самы зъ нымъ ставайте въ ради, а я одсунусь геть. Робить дило такъ, якъ я роблю: просто, щиро, негайно. У васъ воля, у васъ и сыла, а въ мене часто воля есть да немае сылы, и вискъ мій у марныхъ сподиванняхъ проходить. „А послы насъ не буде насъ: будутъ люде, да не мы, якъ говорыть добре нашъ непысьменный людъ. За 60 карб. на *Чорну Раду* спасыби. Сновистить мене, чи получили вы первый ащикъ изъ *проповідьмы*? Се два ящыкы послани послы того, якъ прислалы вы мени 160 р. *Чорна Рада* папечатана вже вся, а предысловые цензура ще прыдержуе. И хочетця, и маты не велила—оттакъ и тій цензури!

За поклонъ пану Маркевичу зъ ушанованнемъ кланяюсь, и всимъ вашимъ семянамъ поклоняюсь щырою и прыхыльною душою Вашъ П. Кулишъ.

Пану Ригельману одпышу зъ другою почтою. Теперь не поспію.

Оце жъ, я думаю, вы вже получили *Чорну Раду*, воханый земляче и друже Грыгорые Павловичу! Слідомъ за *Радою* пославъ

я вамъ по князци и другого тому *Записокъ*. Тамъ есть легенда про попа унита. Хоть и цензоръ и пропустивъ, а для продажи я выривавъ изъ экземпляривъ, щобъ не взялись на мене попы, бо на злодію горить шапка. Вамъ же пославъ такъ, якъ пропущено цензоромъ. Боже вамъ поможы на добре дило, которе вы задумалы; тилько моеи рады не ждите. Маєте коло себе иншихъ громадськихъ муживъ, райтесь изъ нымъ. Коли бъ вы знали, якъ мени треба скорійшъ йихаты у чужи земли, то вы бъ не тилько мене не зазывалы на Украину, а самы бъ выйхалы...

Напишеть же мени, якъ вамъ здається другый томъ *Записокъ*, и чы треба выдавать третій и дали? У мене така думка, що намъ бы не вадыло завести свій журналъ, щобъ дать южно-руському слову гражданство. Мы збогатылы московську ричъ словамы, которыхъ, пры ихъ темноти науковій, у москаливъ не було. Теперь треба взять свое назадъ съ лыхвою, не вважаючи на те, що хозяйствовавъ на нашому добри Пушкинъ и инши. Оце я, оддыхаючи, переложывъ по нашому перву писню *Чайльда Гарольда* такъ, мовъ и на свити нема моськовской речи, а есть тилько англійска да наша. Переложу жъ и тры останни, и побачыте, колы не буде добре. Такъ же само треба переложыты *Гамлета*, *Вильгельма Теля*, *Геца-фонъ-Берлихингена* и *Ламермурську Молоду*, щобъ выробыть формы змужычалои нашей речи на послугу мысли всечоловичвій. Шкода, що мени николы коло того гаятысь, бо треба свое блыжше дило робыты. А якъ-бы бувъ журналъ, сыричъ гроши на его, то можно бъ и знайты ручихъ хлопятъ, котори зрозумилы бъ, що намъ треба, и сотворылы бъ свій языкъ не згиршъ одъ чехивъ и сербивъ. Тоди бъ то явылась словесность, котора свій крытерыумъ мала бъ не въ знимечаныхъ паньскихъ головахъ, а въ щирыхъ мужычихъ, навпакы Московській. Одно, два популярныхъ созданий—и словесность пустыла бъ глыбоко коринне у свій ридный грунтъ. Думайте про се и наготовте матерьяльного двыгателя для журнала; а я вернусь не съ порожними руками и надбаю добра словесного. 24 кныжки въ годъ преобразылы бъ нашу публику,

и смихъ бувъ бы згадувать про те, ще теперь городять про нашу ридну словесность. Спасеніе нашего краю—въ нашому слови. Слово земляка укаже землякови, и явятся сыла общественна, ktorой теперь немае, явятся воля й дума едина! Бувайте жъ здорови тиломъ и духомъ! Щырымъ сердцемъ васъ обіймаю.

П. Кулишъ.

Теперь и на мое имя можно пересылать гроши: на почти завелъсь прятатели, котори выдають и черезъ посланця. А що жъ книгопродавци, що торговалъсь черезъ телеграфъ?

1857, берез. 30. С.-Петербургъ.

6.

1857, styczня 12.

Пишу до васъ изъ Москвы, любый добродію Грыгорье Павловичу. Прыйхавъ сюды, провожаючи свою пани, котора, недугуючи, хоче зустріты весну на Вкраини и для того пойхала до своей крестной матери у Новгородъ-Сиверській повить. Медыцина сказала, що їй не годытся оставаться на провесни у Блатенску, сыречь на столыци. Посылаю вамъ билетъ изъ транспортной конторы. Багато въ Москви литературного гомону—ажъ голова кругомъ иде. Що москали краще говорятъ, анижъ пишуть, то се вже всяке знае, бо нимота прыбыла ихъ изъ-за угла лонатою да й накрыла мокрымъ рядомъ, которого вони и доси зъ себе не скынули; тымъ и туманіють, хотивши быть людьмы розумнымы и красноглаоливмы. Де-яки зъ ныхъ—да не багато—пишуть здорово, а все не зможутся на велике творчество. Старый Аксаковъ чытавъ намъ нову свою хронику, почавши одъ самого малечку. Дуже гарна и свижа штука. Поможе вона русській словесности, тилько сама собою словесности ище не становыть. Спысокъ зъ натуры вайдокладнійшый не бильше того значить, що въ живописця этюды для картыны. Есть у чоловика въ души сыла, котора съ тыхъ дрибностокъ творыть

самовладный миръ, такъ, щобъ усяка частына дыхала однимъ великымъ помысломъ—душею того мира. Такои силы нема въ московскихъ розумныхъ людей, и довго ще вони на неи не спроможутся. Не спроможутся вони поты, покы пысатель и народъ стануть нероздылимимъ тиломъ. Годи вже, бо всего не спысаты, що проходыть черезъ голову. Бувайте здорови, да не забувайте свого щиро прыхыльного земляка.

7.

Якъ сказаны вы мени, коханий друже, про тыи литеры, я заразы напысавъ, щобъ ихъ не печаталы, бо початокъ другого тому друковавсь безъ мене (изъ Москвы, взявши одъ цензора, я пославъ его свойму корректору), и якъ бы не Остряницы, то выйшовъ бы зымою. Ажъ пизно вже! Що робыты? Вызволяйте, якъ самы знаете, мене да и себе зъ биды, и дуже на мене не гнивайтесь за се; бо сказано: ему же честь—честь, и ему же урокъ—урокъ! Воно не гарно, дай не зовсимъ. Колись же настане таке время, що громадскій голосъ росходытymesя по всій Украйни... Коли я выберусь изъ Петербурга, Богъ знае. Може, швыдко прочытаете публикацію про Гоголя. То зроблено, щобъ налякаты кныжынкывъ, що вси до мене кнутыся, и щобъ скорій кныжынкы куповалы всю эдицію; якъ же не куплять, то не знаю, на чьи руки й покынуть таке дило, которе треба робыть съ толкомъ и порядкомъ. Хиба надиродавши часть, бо по частямъ дуже кваплятся, якъ небудь помиркуюсь изъ Макаровымъ, авторомъ моихъ давнихъ кныжокъ, да й то не знаю, чы скоро буде, бо ще доволи осталось друкованни. Тоди зновъ публиковатьму, щобъ иногородны пысалы до кныгопродавцивъ, а которому небудь дамъ довиренность на почту.

„Не честь, не подоба мени по рилли спотыкаты...“ да що робыть, коли въ насъ инше грошей не заробышь? а безъ грошей сыдытymesь, якъ Игнать пры земли.

Про журналъ, здається, я такъ и пысавъ, щобъ изготовытись за си два годы, котори я проживу въ чужихъ земляхъ. Багато де-чого треба понапысувать, такъ, щобъ не було *шыты, билыты*—*завтра Великдень*, а готове пидериплять свижими розмовамы про дила поточныи. Отъ бы вы свою росправу напысалы про росплывъ украинської мовы и звичаивъ; добре бъ запомоглы нась симъ диломъ. А що найнужнійше, то отъ про що помиркуваты: якимъ коштомъ пиднять журналъ? Коны и московськы убыточаються на первыхъ порахъ, то про нашъ ничего й казаты. Не окупытсь й пята часть того кошту, що на его положымо. Якъ же тутъ справытись? Намъ треба создать сотрудныкы и чытателывъ. Плата за гарны піесы буде премыєю, и всяке буде сылкуватысь, якъ-бы ту мову зрозумити, за котору гроши платять. Теперь вкы такый, коханыи друже! А дило того стоить, бо языкъ нашъ выведе на-явъ багато де-чого такого, що по московськы зроду не розскажешъ, и сама московська словесность зацвите новымъ цвитомъ. Отъ я теперь морочусь надъ *Чорною Радою* для Руськой Бесиды. Розскажы москалеви по московськы, що се въ нась слово нижне, малевныче, голосне якъ писня! Хочешъ повіять запашною садовыною, а ему несе квашенною капустою,—и самъ бачышь, що воно зовсимъ не те, да не знаешъ, якъ до его заговорыты, щобъ зрозумывъ винъ тебе! Ну, выбачайте, дуже николы! Да всего у лысть и не вберешъ, що хотилось бы сказаты. Душею Вашъ П. Кулишь.

1857, квітня 28.

8.

Страсбургъ. 1868, мая 1, н. ст.

Здравствуйте, любезнѣйшій другъ Григорій Павловичъ! Не удалось мнѣ повидатсья съ вами въ Москвѣ, которая до того мнѣ опротивѣла своими глупостями, что я, не заѣзжая въ гостин-

ниду, прямо съ желѣзной дороги—на почтовую станцію, и по-скакалъ въ Малороссію. Въ Москвѣ есть однакожь и умѣрен-ная партія литераторовъ, съ которыми я остаюсь въ хорошихъ отношеніяхъ, какъ это, можетъ быть, вы видите по Русскому Вѣстнику. Я говорю *можетъ быть* потому, что не знаю, усидѣла ли Крузе на своемъ мѣстѣ, т. е. не повернула ли цензура назадъ. У Крузе лежали три мои статьи, которыя онъ не рѣшался подписать, пока не пройдетъ мимо скопившаяся надъ нимъ туча обвиненій. Вы мнѣ совѣтовали достигать дѣли путемъ мирнымъ. Это невозможное дѣло. Всякое новое убѣжденіе принималось обществомъ не иначе, какъ произведя сперва бурю споровъ, а часто и ожесточенную борьбу. Случалось, что начинатели провозглашенія дѣлались жертвами людскихъ предубѣжденій. Я самъ много страдалъ и страдаю отъ моихъ противниковъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы истину высказывать въ поль-слова? За нашимъ поколѣніемъ идетъ другое. Оно чуждо вбитыхъ въ наши головы понятій, мѣшающихъ намъ прійти къ ясному самосознанію. Оно ведется духомъ иного вѣка; оно оправдаетъ или окончательно опровергнетъ новую мысль о литературѣ и народности. Дѣло еще только начинается, и какъ ни малозначительны наши начинанія, но идея самобытности нашей въ области мысли и чувства можетъ принять размѣры широкіе и воплотиться въ самую жизнь. На основаніи этой идеи могутъ возникнуть новыя гражданскія отношенія, и это произойдетъ мимо вѣдома людей, посѣдѣвшихъ въ постоянномъ чтеніи политическихъ газетъ. Я вѣрю въ будущность нашего края и въ невозможность остановить рождающееся самосознаніе въ свѣжихъ умахъ малороссійскихъ. Что даетъ намъ великорусская жизнь и великорусская словесность, того слишкомъ для насъ недостаточно. Этимъ могутъ довольствоваться только люди, получившіе иноземное воспитаніе и несжившіеся съ нашимъ народомъ. Сами великороссіяне, знающіе жизнь своихъ простолюдиновъ, чего то отъ насъ ожидаютъ, чуя душою, что богата здѣсь человѣческая природа. Одни мы, прибитые долговременными неудачами, притѣсненіями, нахальствомъ сильныхъ и удач-

ливыхъ, сомнѣваемся въ себѣ, не довѣряемъ ни своему слову, ни своему чувству и вѣруемъ въ ученіе людей, которые у насъ не жили и насъ не знаютъ. Я съ глубокой горестью и презрѣніемъ смотрю на современное малороссійское общество и успокаиваюсь душою только въ будущихъ поколѣніяхъ, которыя призваны къ самосознанію и къ самодѣтельности на родной своей почвѣ, какъ это показываетъ уже и теперь слѣдное приращеніе ко всему родному многихъ молодыхъ людей. Все это пишу къ вамъ изъ единственныхъ побужденій говорить съ вами, что мнѣ удавалось рѣдко, такъ какъ вы живете посреди людей, которыхъ я не знаю. Тяжело жить на свѣтѣ молчаливымъ странникомъ, который многое видитъ, чувствуетъ и подразумеваетъ, но ограничивается бесѣдою о прекрасныхъ мѣстоположеніяхъ и тому подобныхъ цустыакахъ. И то сказать, что жизнь, самая удобная для дружеской откровенной бесѣды, рѣдко располагаетъ насъ къ откровенности. Иногда молчишь именно потому, что въ это время душа полна чувствъ, а выраженіе ихъ еще не настало. Вспомните полусутиливый стихъ Пушкина: „Но я любя былъ глухъ и нѣмъ“; и далѣе: „Прошла любовь—явилась муза...“ Это почти всегда такъ бываетъ у людей, одаренныхъ болѣе или менѣе способностью выражать словомъ то, что дѣлается въ душѣ. А такъ какъ я провѣлъ всю жизнь затворникомъ, то и привыкъ думать и чувствовать втихомолку. Вотъ почему въ письмѣ иногда больше скажется, нежели сказалось бы на словахъ. Но какъ бы то ни было, примите это мое посланіе вмѣсто дружескаго пожатія руки и отвѣчайте мнѣ нѣсколькими строками въ Женеву, на мое имя, *poste restante*, только немедленно. Увѣдомьте меня, получили ли вы *Грамматку* и каково она принята? Если и худо, все равно увѣдомьте: ибо *Грамматка* не послѣднее мое дѣло и не послѣдняя жертва. Василій Васильевичъ (Тарновскій), какъ я вижу, совершенно охладѣлъ ко мнѣ и оставилъ меня. Это очень грустно, тѣмъ болѣе, что я ему много обязанъ и до сихъ поръ не успѣлъ возблагодарить его. Мнѣ таки въ жизни много приходится испытывать разочарованій и ошибаться жесточайшимъ образомъ. Иногда мнѣ кажется, что я ужъ со-

вершенно уничтожился и ни на что больше не годенъ. Но невидимая сила подкрѣпляетъ и обновляетъ мою душу во время величайшихъ ея огорченій, такъ что на самыя огорченія я началъ смотрѣть, какъ на необходимый элементъ моей жизни. Но довольно. До свиданья. Александра Михайловна вмѣстѣ со мною кланяется вамъ и вашимъ добрымъ и почтеннымъ дамамъ. Вашъ душою П. Кулишъ.

У могилъ П. А. Кулиша и В. М. Бѣлозерскаго,

Домъ П. А. Кулиша въ х. Мотроновѣ.

Случай доставилъ мнѣ въ началѣ мая и въ юнѣ этого года возможность два раза побывать въ томъ хуторѣ Борзенскаго уѣзда, въ которомъ провели свои послѣдніе дни и затѣмъ одинъ за другимъ умерли два главныхъ дѣятеля „Основы“. Одинъ изъ нихъ—самый дѣятельный сотрудникъ этого журнала, Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ, когда-то въ высшей степени подвижный и предприимчивый, а потомъ замкнувшійся у себя въ этомъ хуторѣ—послѣдніе годы своей жизни провелъ въ немъ безвыѣздно; другой—редакторъ издатель названнаго

журнала—Василій Михайловичъ Бѣлозерскій былъ уроженцемъ этого хутора, жилъ потомъ въ разныхъ мѣстахъ, а затѣмъ, уже послѣ смерти П. А. Кулиша, послѣдовавшей 2 февраля 1897 г., въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ этотъ хуторъ, гдѣ и скончался въ томъ же мѣсяцѣ—20 февраля 1899 г.

Сошлись они когда-то, въ молодости, въ Кіевѣ, откуда П. А. Кулишъ ѣздилъ вмѣстѣ съ В. М. Бѣлозерскимъ гостить въ его родной хуторъ, гдѣ 24 января 1844 г. и женился на сестрѣ его Александрѣ Михайловнѣ (въ литературѣ—Ганна Барвинокъ), о чемъ извѣщалъ своего земляка П. Е. Чуйкевича¹⁾ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Да, я счастливъ своею жинкою: такая украинка, что просто восхищеніе! Шевченка наизусть знаетъ, а въ исторіи заткнетъ за поясъ иного и студента; женщина разумная, твердая въ намѣреніяхъ, чувствительная къ бѣдствіямъ человѣчества, однимъ словомъ достойная самой высокой ступени въ обществѣ“.

Въ то время Кулишъ и Вас. Бѣлозерскій были близкими пріятелями. Такъ, въ одномъ письмѣ къ Аф. Вас. Марковичу 40-хъ годовъ (ненапечатанномъ, также какъ и вышеприведенное письмо къ Чуйкевичу) К—шъ такимъ образомъ отзывался о Б—скомъ: „Вася былъ для меня избраннымъ сосудомъ, въ который я полагалъ самыя дорогія и тайныя свои чувства“. Въ другомъ письмѣ (тоже ненапечатанномъ), къ Гулаку, убѣждая послѣдняго переселиться, вмѣсто Дерпта, въ Петербургъ, К—шъ въ концѣ своихъ доводовъ, которыми надѣялся подѣйствовать на Гулака, употребилъ такой аргументъ: „Нужно вамъ сказать, что Василій Михайловичъ, можетъ быть, также сюда переѣдетъ, а въ Дерптѣ что вы найдете ему подобное? не правда-ли?“— Съ другой стороны, В. М. Б—скій въ одной запискѣ 1897 года сдѣлалъ такой отзывъ о К—шѣ: „Кулѣшъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые своимъ благородствомъ, честностью, великодушіемъ и благоразуміемъ заставляютъ уважать его каждого, кто имѣетъ съ нимъ дѣло. Онъ человѣкъ практической и

¹⁾ Кулишъ, также какъ и Чуйкевичъ, былъ уроженцемъ мѣст. Воронежя, Глуховскаго уѣзда.

дѣятельный и не любитъ бросаться то на то, то на другое и особенно не жалуется того, что не одобрено спокойнымъ разсудкомъ. Дѣятельность его наиболѣе сосредоточилась на литературѣ и на совершенствованіи жизни, которое онъ преимущественно полагаетъ въ дѣлѣ и только дѣло считаетъ существовностію. Всякое увлеченіе, не имѣющее опредѣленной полезной цѣли, на которую тотчасъ же указать можно, для него противно. Жизнь свою онъ проводилъ, занимаясь литературою и живописью; дѣлать добро безъ отлагательства тамъ, гдѣ представляется случай,—онъ считаетъ главной обязанностію“.

Покинувъ Кіевъ, В. Бѣлозерскій служилъ учителемъ кадетскаго корпуса въ Полтавѣ, а Кулишъ, послѣ учительства въ Луцкѣ, Ровно и Кіевѣ, занялъ должность учителя гимназіи въ Петербургѣ (откуда и писалъ вышеупомянутое письмо Гулаку). Получивъ затѣмъ командировку на два съ половиною года за границу для изученія славянскихъ нарѣчій и желая имѣть своимъ спутникомъ В. Б—скаго, К—шъ очень старался сдѣлать возможнымъ для Б—скаго заграничное путешествіе. Ему удалось устроить это, и, выѣхавъ вмѣстѣ изъ Черниговской губерніи въ февралѣ 1847 года, они побывали въ Кіевѣ и затѣмъ направили свой путь на Варшаву. Уже они были недалеко отъ тѣхъ мѣстъ, къ которымъ стремились, но, остановившись въ Варшавѣ, были задержаны по дѣлу о Кирилло-Меодіевскомъ обществѣ и доставлены въ Петербургъ; а по окончаніи этого дѣла, вмѣсто заграничнаго путешествія должны были отправиться въ ссылку (К—шъ въ Тулу, а Б—скій въ Петрозаводскъ).

Получивъ снова возможность жить въ Петербургѣ, они въ 1861—1862 годахъ вмѣстѣ работали въ „Основѣ“, причѣмъ характеръ отношеній ихъ другъ къ другу измѣнился. Прежде Бѣлозерскій подчинялся вліянію Кулиша, какъ человѣка болѣе даровитаго и сильнаго характера. Можетъ быть, привыкши къ этому, К—шъ, когда Б—скій сталъ во главѣ предпріятія, не хотѣлъ признавать его авторитета и сдѣлался строгимъ критикомъ его дѣйствій. Б—скій же, сдѣлавшись редакторомъ, какъ выразался

К—шъ въ письмѣ къ О. М. Бодянскому отъ 24 апрѣля 1861 г., „возмнилъ себя быти мудрѣйше паче всѣхъ земнородныхъ“¹⁾. Между ними стали возникать разныя недоразумѣнія и несогласія.

Послѣ прекращенія изданія „Основы“ Кулишъ и Бѣлозерскій еще разъ дѣйствовали на одномъ поприщѣ, служа въ учредительномъ комитетѣ Царства Польскаго, въ Варшавѣ, послѣ чего дороги ихъ разошлись: Бѣлозерскій перешелъ на службу по судебному вѣдомству, занявъ должность члена варшавской судебной палаты, а по выходѣ въ отставку поселился въ Петербургъ; Кулишъ же, оставивъ службу въ Варшавѣ, совершилъ нѣсколько заграничныхъ поѣздокъ (въ 1869—1873 годахъ), затѣмъ снова пытался служить въ Петербургѣ (съ конца 1873 до половины 1875 года), послѣ чего жилъ нѣкоторое время въ Галиціи, откуда уже навсегда прощался съ своей родиной, говоря въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

„И тебе вже оце не побачу до вику, мій краю коханий,
Не побачу степивъ тыхъ роскишнихъ, гаивъ тыхъ спивучыхъ,
И поляжу безъ славы въ могилы нимій и нікому незнаній...“

Но, вопреки этихъ ожиданій, въ 80-хъ годахъ онъ возвратился на родину и осѣлся въ томъ хуторѣ, въ которомъ и упокоился.

Хуторъ этотъ принадлежалъ прежде Михаилу Васильевичу Бѣлозерскому (отцу Василя Михайловича), который служилъ Борзенскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и, построивъ здѣсь домъ, назвалъ хуторъ, по имени своей жены Матрены Васильевны (урожденной Силевичъ), *Мотроновкою*. Женившись на одной изъ его дочерей, Кулишъ, послѣ разныхъ попытокъ устроиться въ другихъ мѣстахъ, построилъ, въ недалекомъ разстояніи отъ дома Бѣлозерскихъ, для себя домикъ и далъ этому своему хутору названіе „*Пиддубень*“. Впослѣдствіи онъ продалъ этотъ домъ и, приобрѣтя для своей супруги отъ ея братьевъ часть принадлежавшихъ имъ земель, переселился въ старый

¹⁾ Киевская Старина 1897 г. № 12, стр. 470.

домъ Бѣлозерскихъ. Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, этотъ домъ съ другими надворными постройками сгорѣлъ, послѣ чего Кулишъ переименовалъ хуторъ въ „Ганнину Пустынь“¹⁾, а послѣ его смерти Александра Михайловна стала называть хуторъ „Кулишскою“. Однако новыя названія не вошли во всеобщее употребленіе, и въ народѣ по прежнему называютъ хуторъ Мотроновкою. Въ настоящее время часть Мотроновскихъ земель, въ количествѣ 45-ти десятинъ, составляетъ собственность вдовы Кулиша, а другая часть, получившая, вслѣдствіе произведенной на ней въ давнее время вырубки лѣса, названіе „Срубъ“, принадлежитъ вдовѣ Николая Михайловича Бѣлозерскаго, Варварѣ Ивановнѣ.

Послѣ упомянутаго пожара, истребившаго прежнія постройки, Кулишъ съ своею супругою долгое время жилъ въ уцѣлѣвшемъ отъ пожара амбарѣ, кое-какъ приспособивши его для жилья, а затѣмъ построилъ небольшой домикъ, въ которомъ прожилъ всего около четырехъ лѣтъ и который мнѣ пришлось теперь навѣстить.

Хуторъ отстоитъ отъ Борзны въ разстояніи 4-хъ или 5-ти верстъ, и къ нему можно проѣхать изъ этого города двумя дорогами: одна ведетъ старымъ Нѣжинскимъ трактомъ, который прежде былъ почтовымъ и съ котораго, не доѣзжая села Оленовки, нужно своротить недалеко влѣво; рядомъ съ этою, есть другая болѣе прямая дорога. Обѣ дороги пролегаютъ по ровной мѣстности; по сторонамъ ихъ стелются поля, а черезъ нѣкоторое разстояніе виднѣются лѣса, къ которымъ и примыкаетъ хуторъ.

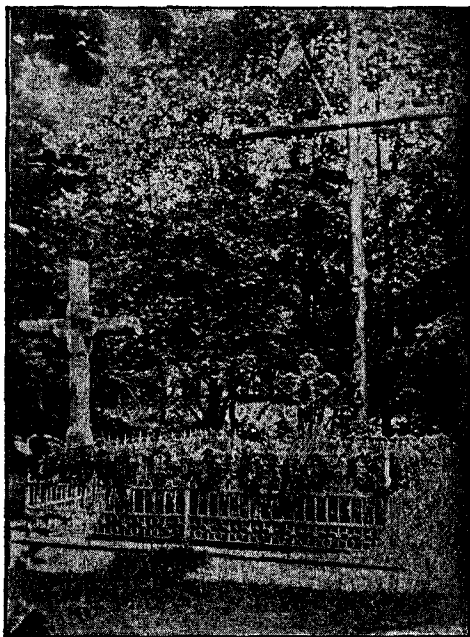
Подѣхавъ къ усадьбѣ вмѣстѣ съ однимъ обитателемъ Борзны, я увидѣлъ прямо передъ воротами скромный деревянный домикъ подъ соломенною крышею, съ двумя крылечками, между которыми на дворъ выходятъ четыре окна. По обѣимъ сторонамъ двора расположены надворныя постройки, и кромѣ

¹⁾ Въ объясненіе этого, въ письмѣ къ С. Д. Носу отъ 1 мая 1888 г., помѣченномъ: „Хуторъ Ганнина Пустынь, що бувъ Мотроновка“, Кулишъ говоритъ: „Ганнина Пустынь—після пожежи стала“ (Кіевская Старина 1899 г. № 4).

того съ правой стороны дома находится колодець съ журавлемъ, а съ лѣвой выйдя изъ сада группа красивыхъ каштановъ; прямо же передъ домомъ, посреди двора, возвышается стройный тополь.

Поднявшись по ступенькамъ лѣваго крылечка и пройдя черезъ маленькую переднюю, мы вошли въ комнату, въ которой стоитъ столярный верстакъ съ разными лежащими на немъ инструментами. Здѣсь Кулишъ занимался столярнымъ мастерствомъ. Въ этой комнатѣ насъ привѣтливо и радушно встрѣтила хозяйка хутора Александра Михайловна, не смотря на преклонный возрастъ—бодрая и подвижная, сохранившая въ себѣ много жизни, энергіи и сердечной теплоты. вмѣстѣ съ нею мы прошли въ слѣдующую комнату, которая служила кабинетомъ и гостиной и имѣетъ выходъ въ садъ черезъ балконъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій, еще не осмотрѣвшись хорошенько въ домѣ, мы вышли въ садъ и направились по обсаженной кустами піоновъ и розъ дорожкѣ, которая прямо прогивъ балконной двери идетъ прямою линіей и приводитъ къ круглой полянѣ, обсаженной высокими кленами. Посреди этой поляны мы увидѣли высокую могилу, покрытую сухими вѣнками и расцвѣтшими барвинками и осѣняемую тремя крестами:

одинъ изъ нихъ, маленькій, въ аршинъ надъ землею, былъ поставленъ временно, до сооруженія большого креста, но остался на могилѣ и до настоящаго времени; около него воз-

вышается устроенный иждивеніемъ В. В. Тарновскаго чугунный крестъ, выкрашенный подъ цвѣтъ дуба, вышиною около сажени; а нѣсколько въ сторонѣ отъ могилы, на востокъ отъ нея, поставленъ воздвигнутый вдовою Кулиша и ея родственниками огромной вышины дубовый крестъ, къ перекладинѣ котораго, по старинному козацкому обычаю, прикрѣплена пика съ развѣвающимся на немъ хусткою. Къ чугунному кресту прибита мѣдная доска съ слѣдующею надписью: „Се спочывае украинський писатель, перекладаръ святого пысьма на украинський языкъ Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ. Родывся року Божого 1819-го, переставывся року Божого 1897-го, другого дня мисяца Лютого, на Стритенья, проживши на свити 77 литъ. Въ руци Господни власть земли и человѣка потребного воздвигнетъ во время на ней (кн. Сираха 10, 4). „У до-свити вставъ я... темно ще на двѣри, де-не-де по хатахъ ясно свитло сле... (зъ Досвитокъ). Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ (2. Тимоф. 4, 7). Послеши Духа Твоего и созиждутся, и обновиши лице земли (Псал. 103, 30). Блаженъ мужъ, иже въ премудрости умретъ и иже въ разумѣ своемъ поучается святыни. Не отидеть память его, и имя его поживетъ въ роды родовъ (кн. Сироха 14, 21—39, 12). Упокой Боже душу раба Твоего Пантелеймона въ раи презирая вся согрѣшенія его!“

Могилу окружаетъ устроенная В. В. Тарновскимъ чугунная рѣшетка, вся обвѣшенная засохшими вѣвками. Рядомъ съ этой могилой, примыкая къ рѣшеткѣ съ сѣверной ея стороны, находится могила Вас. М. Бѣлозерскаго, надъ которою возвышается массивный дубовый крестъ безъ всякихъ надписей. Такъ судьба, которая когда-то свела этихъ двухъ дѣятелей въ Кіевѣ, потомъ готовила для нихъ совмѣстное, но по независѣвшимъ отъ нихъ причинамъ несостоявшееся путешествіе за границу, вмѣсто котораго послала ихъ въ ссылку, затѣмъ дала имъ возможность работать вмѣстѣ въ „Основѣ“, далѣе устроила ихъ положеніе въ Варшавѣ,—и здѣсь соединила ихъ вмѣстѣ; и одни и тѣ же клены, обступивъ эти двѣ могилы правильнымъ и тѣс-

БИБЛИОТЕКА
№ 7-363
С. ПЕТЕРБУРГ
1911

нымъ кругомъ, тихо вѣютъ надъ ними своими густыми вѣтвями.

Долго простоявъ у этихъ могилъ въ разговорахъ съ Александрю Михайловною и ея родственниками о почившихъ и узнавши между прочимъ, что это мѣсто было избрано для погребенія самимъ Кулишемъ,—мы возвратились въ домъ и внимательно осмотрѣлись въ немъ. Онъ состоитъ всего изъ четырехъ небольшихъ комнатъ, бѣдно мебелированныхъ. Вся обстановка сохраняется въ томъ же видѣ, какой имѣла при жизни Кулиша. Въ кабинетѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе приставленный лѣвой стороной къ окну, выходящему въ садъ, письменный столъ, весь уложенный книгами, которыя, какъ объяснила А. М., остались на столѣ съ того времени, когда Кулишъ работалъ надъ нимъ. Заглянувъ въ тѣ книги, которыя лежали развернутыми, я увидѣлъ изданія Библии на разныхъ языкахъ: англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ. Здѣсь же находятся толкованія Священнаго Писанія—Рейса, Каутца и Верне, а также „Толковый словарь живаго великорусскаго языка“ Дала и другія справочныя изданія.—Съ задней стороны письменнаго стола, за рабочимъ кресломъ, стоитъ гардеробный шкафъ, хранящій въ себѣ платье, которое носилъ Кулишъ; а рядомъ съ упомянутымъ окномъ, выходящимъ въ садъ, помѣщаются: съ одной стороны полки съ книгами, а съ другой—небольшой шкафъ, также наполненный книгами, къ которымъ приставлены фотографическіе портреты Вас. М. Бѣлозерскаго, П. А. Плетвева, С. Т. Аксакова, Н. Я. Макарова, В. И. Шенрока, М. Грабовскаго и Пулюя съ его семействомъ. Собраніе книгъ не велико и, за исключеніемъ книгъ, относящихся до Священнаго Писанія, и справочныхъ изданій, имѣетъ довольно случайный, или вѣрнѣе—несистематичный характеръ; по объясненію А. М., значительная часть библіотеки Кулиша погибла при вышеупомянутомъ пожарѣ.—Противоположная означенному окну и балконной двери сторона комнаты занята: въ одномъ углу—печью съ пустымъ каминомъ, къ которой приставлена конторка съ ящиками, а въ другомъ—диваномъ, надъ

которымъ висять фотографическій портретъ Кулиша и два давнихъ портрета А. М., одинъ фотографическій, а другой—рисованный карандашемъ Гороновичемъ; передъ диваномъ стоятъ овальный столъ и два кресла.

Противъ письменнаго стола, у двери, выходящей на балконъ, помѣщается старинное бюро, на которомъ я увидѣлъ больше десятка книгъ „Кіевской Старины“, и потому пожелалъ освѣдомиться, получалъ ли Кулишъ этотъ журналъ. А. М. отвѣтила на этотъ вопросъ утвердительно, а одинъ сосѣдъ ея, котораго я засталъ въ хуторѣ, по этому поводу, сообщивъ мнѣ, что, не получая самъ Кіевской Старины, онъ пользовался ею отъ Кулиша, рассказалъ затѣмъ, что, когда одинъ разъ онъ слишкомъ долго задержалъ двѣ книжки Кіевской Старины, то получилъ отъ Кулиша такое посланіе:

„Дви книжки „Старины“
 Давно у васъ гуляютъ,
 Про мене жъ нависни
 Не думаютъ, не дбають;
 Гоните заволокъ
 До-дому у тры вырвы,
 Щобъ не було въ дивокъ¹⁾
 У запаскахъ ще й прирвы“.

Послѣдніе годы своей жизни Кулишъ былъ занятъ переводомъ Библии на малорусскій языкъ. Когда-то, въ письмѣ А. В. Марковичу 40-хъ годовъ, онъ говорилъ: „Украина и украинскій языкъ сдѣлались теперь моею истинною святынею“. Круто измѣнивъ съ изданіемъ „Исторіи воссоединенія Руси“ свои убѣжденія и отрекаясь отъ прежнихъ взглядовъ и разсужденій, которыя въ стихотвореніи своемъ „Прежній“ онъ назвалъ „порожними“²⁾, Кулишъ всегда оставался неизмѣнно вѣрнымъ любви къ родному малорусскому слову, надъ которымъ много въ теченіе своей жизни поработалъ. Переводъ священнаго писанія на мало-

¹⁾ Т. е. въ упоминаемыхъ книжкахъ Кіевской Старины.

²⁾ „Я *прежній* (курсивъ въ подлинникѣ) вамъ догоджувавъ словами порожними, якъ розумъ вашъ козацькій“ (См. „Дзвиня“).

русскій языкъ занималь его съ давняго времени и уже былъ приведенъ къ концу. Нѣкоторыя части этого перевода были изданы за границею ¹⁾, рукописи же прочихъ переведенныхъ частей Библіи погибли въ Мотроновѣ при пожарѣ, о которомъ говорилось выше. Перенесши эту утрату, Кулишъ нашель въ себѣ достаточно силъ вновь выполнить огромный трудъ перевода всей Библіи и приступилъ къ этому, причемъ всѣ тѣ части Библіи, которыя въ подлинникѣ изложены въ стихотворной формѣ, счелъ нужнымъ перевести стихами, что затрудняло и замедляло работу. Онъ былъ очень озабоченъ тѣмъ, чтобъ довести этотъ трудъ до конца, и потому въ послѣднее время не хотѣлъ отрываться отъ него ни для чего другаго.—„Пока не окончу предпринятый переводъ“, писалъ онъ Н. Шаховскому,—„чувствую себя неспособнымъ къ другимъ занятіямъ и удовольствіямъ“ ²⁾. Въ другомъ письмѣ, къ С. Д. Носу, онъ говорилъ: „Ледве маю снаги й часу на коротисеньку телеграмму. Никого не пускаю до себе, та й самъ ни до кого ни-же! Ще тилько четверту книгу Моисееву дошсавъ до гл. XXIII, то й не знаю, чи побачу колы Апокалипсового амина“ ³⁾. Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ окончить свой трудъ: приблизительно около трехъ четвертей Библіи имъ переведено вновь, перевода же прочихъ частей ея не имѣется. Мы слышали, что переводъ этихъ послѣднихъ частей взялъ на себя одинъ извѣстный украинскій писатель, и есть надежда на то, что современемъ появится въ печати полный переводъ Библіи.

Въ настоящее время собственноручно написанныя Кулишемъ рукописи упомянутаго перевода Библіи, а также другихъ

¹⁾ Пятиязычїе Моисеево было напечатано въ приложеніи къ журналу „Правда“ за 1869 годъ; въ томъ же году, въ Лейпцигѣ, былъ изданъ съ псевдонимомъ Павла Ратая переводъ книги Іова; затѣмъ вышли въ свѣтъ: въ 1871 г. въ Львовѣ, съ тѣмъ же псевдонимомъ „Исалтирь, або кныга хвалы Божой“ и 1872 г. въ Вѣнѣ переводъ чегьрехъ евангелистовъ, которые въ 1880 г. вновь изданы въ Львовѣ съ прибавленіемъ другихъ частей Новаго завѣта, переведенныхъ Пулюемъ, подъ заглавіемъ: „Святе письмо Нового Завиту“.

²⁾ Русское Обозрѣніе 1897 г. № 3.

³⁾ Кіевская Старина 1899 г. № 4.

его сочиненій, какъ изданныхъ, такъ и неизданныхъ, находятся въ музеѣ В. В. Тарновскаго, которому Кулишъ за четыре мѣсяца до своей смерти прислалъ одну часть своихъ рукописей при письмѣ отъ 4 го октября 1896 года, гдѣ, извѣщая о своей болѣзни, вслѣдъ затѣмъ писалъ: „Тымъ часомъ надумавсь я приховаты въ вашому музеи мое рукописне добро про мои наслідныкы (а ихъ буде не одынь та й не два, сподиваюсь). Слово наше невмыруще. Нехай же вони бачять, якъ працювавъ предокъ ихъ, та й сами его робомъ працюють“.—Затѣмъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ прислалъ другую часть рукописей, мотивируя эту присылку въ письмѣ отъ 16 ноября такимъ образомъ: „На ознаку того, якъ я поважаю ваше порання коло здобуткывъ ридной намъ давныны, посылаю вамъ ще вязку шпаргалывъ. Себе вже выпроводжаю въ ыншій, не такый, якъ сей, свѣтъ, маковъ цвѣтъ, що вранци цвите, ввечери опаде, а ваша дбайлыва збиранына попережывае й непарожденныхъ ище.“ Остальныя рукописи были переданы В. В. Тарновскому уже послѣ смерти К—ша вдовою его, согласно волѣ покойнаго.

Видѣвши у В. В. Тарновскаго первую присылку означенныхъ рукописей въ то время, когда онѣ были получены въ Кіевѣ, и читая вышеупомянутое письмо, я подумалъ тогда, что Кулишъ прислалъ для храненія въ музеѣ рукописи своихъ неизданныхъ трудовъ только въ качествѣ автографовъ своихъ, оставивъ у себя списки или копіи ихъ; но оказывается, что въ Мотроновкѣ не осталось списковъ. Такимъ образомъ, представляется очевиднымъ, что, потерявъ въ послѣднее время надежду издать свои труды, К—шъ, при мысли о возможности близкой кончины, нашелъ, что оставшіеся неизданными труды его наилучшимъ образомъ сохранятся въ собраніи рукописей В. В. Тарновскаго, почему и рѣшилъ передать ихъ туда.

Не касаясь автографовъ тѣхъ сочиненій, которыя уже были издаваемы, считаемъ нужнымъ указать тѣ оставшіеся послѣ смерти Кулиша рукописные труды его, которыхъ мы не видѣли въ печати, а именно:

- 1) Вышеупомянутый переводъ *Библии*.

2) „Шекспировы творы, зъ мовы британьскои мовою украиньскою поперекладавъ П. А. Кулишъ.“—Г. Лободовскій въ той статьѣ, о которой сообщалось въ майской книгѣ Кіевской Старины за этотъ годъ,¹⁾ говоритъ, что Кулишемъ былъ переведенъ „весь Шекспиръ“. Сообщение это не вѣрно: К—шъ перевелъ всего тринадцать драмъ Шекспира. Изъ нихъ въ 1882 г. были изданы во Львовѣ три драмы: а) „Отелло“,—б) „Троилъ та Крессидя“ и в) «Комедія пдмылокъ; въ рукописяхъ же имѣются слѣдующіе переводы: а) „Гамлетъ“, б) „Король Лиръ“, в) „Макбетъ“, г) Коріоланъ“, д) „Антоній и Клеопатра“, е) „Юлій Цезарь“, ж) „Ромео та Джульета“, з) „Мира за миру и) „Прыборкяна Гоструха“, и і) „Багацько галасу зъ нечевля“.

3) *Донъ Жуанъ*. Поэма лорда Байрона. Старорусьскій переспивъ Панька Олельковича Кулиша“ Посвященъ Вас. М Бѣлозерскому.

4) „*Чайльдъ-Гарольдова мандривка*. Переспивъ украинорусьскій П. Кулиша.“ Съ посвященіемъ слѣдующаго содержанія: „Ся тыха хуторна праця прывсвячена тыхій голубци сестри Надежди Мыхайловни Билозерскій на спомынъ про Чорну ричеу“.

5) „*Виллемъ Телъ*. Шиллерова драма. Переложивъ староруською мовою Панько Олельковичъ Кулишъ.

6) „*Позычена кобза*. Переспивы чужомовныхъ съпививъ, переспивавъ же ихъ Кулишъ Олельковичъ Панько“. Тетрадь представляетъ собою сборникъ мелкихъ переводныхъ стихотвореній. Въ 1896 году К—шъ приготавлилъ къ изданію первый выпускъ этого сборника, какъ видно изъ слѣдующихъ строкъ письма его къ В. В. Тарновскому²⁾: „Готовлю печататы книжку завбільшкы зъ Дзвона“, пидъ назвою „Позычена кобза, переспивъ чужомовныхъ съпививъ“ (покъ що Кгете, Шиллера, Байрона, Гейне), выступцемъ первымъ (бо хочеться съпиваты ще й по-итальянскій, по-грецькій, по-латынскій)...“, и по словамъ А. М—вны и другимъ указаніямъ, книга эта издана въ Львовѣ; второй же предположенный К—шемъ выпускъ не выходилъ въ свѣтъ.

¹⁾ Южный край, 1899 г. № 6261.

²⁾ Кіевская Старина, 1899 г. № 1 стр. 90.

- 7) „*Царь Нальвай*. Староруська драма (1596)“.
- 8) „*Петро Сагайдачный*. Драма (1621)“.
- 9) „*Хміль Хмельницькій*. Староруська историчня драма (на-кыдки).“ Тетрадь заключаетъ въ себѣ только начало перваго акта.

10) „*Грыцько Сковорода*. Поэма“ Съ посвященіемъ: „Пре-
реважниковѣ въ разумѣнью слова о полку Игоревѣ, профессорѣ
Львовского университета Омеляновѣ Огоновському прсвя-
чуе шановныкъ его высоко заслуженного имени Панько Омелько-
вичѣ Кулешѣ.“

11) „*Маруся Богуславка*. Поэма. Половина перва“.

12) „*Кулишъ у некли*. Староруська поэма Панька Небрехи“.
На первой половинѣ поэмы, заключающей въ себѣ 20 пѣсень,
имѣется посвященіе: „пренепорочному нашему поэтову Леони-
дови Ивановичову Глибову, въ юбилейному его роци, достойно
и праведно заслуженый ралець несе первый Панько Омелько-
вичѣ Кулишѣ вкупи съ пидпомощныцею своею Ганною Барви-
нокѣ. Р. Б. 1891, мисяца Лютого“ ¹⁾ Вторая половина поэмы
не окончена; въ концѣ ея рукою К—ша сдѣлана замѣтка:
„Поэму не окончено. У другій (т. е. половинѣ) мусыть быты
такожь двадцять писенъ“.

13) „*Около полустолѣтїя назадъ*. Литературныя воспоми-
нанїя“. Небольшая тетрадь, раздѣленная на шесть главъ. О поводѣ
къ составленїю этихъ воспоминанїй авторъ въ своемъ вступленїи
къ нимъ даетъ слѣдующїя разъясненїя: „Въ одномъ журналѣ про-
читаль я библиографическое извѣстїе о моей „невышедшей книгѣ“,
напечатанной въ 1847 году въ Москвѣ подъ заглавїемъ „Укра-
инскїя народныя преданїя“. Почтенный библиографъ, означив-
шїй себя буквою W, сообщаетъ, что книгу эту, какъ единствен-

¹⁾ Это юбилейное подношенїе представляетъ особый интересъ въ виду того,
что 50-тилѣтній юбилей литературной дѣятельности самого Кулиша, по времени
появленїя въ „Кїевлянинѣ“ Максимовича 1840 года, его перваго печатнаго про-
изведенїя — „Малороссїйскихъ разсказовъ“, приходился годомъ раньше, въ 1890 г.
и прошелъ у насъ вовсе незамѣченнымъ. Сколько горечи вслѣдствїе этого онъ
долженъ былъ испытывать!

ный уцѣлѣвшій экземпляръ, приобрѣла у антикварской фирмы Шибанова Императорская Публичная Библіотека, и заключаетъ свое сообщеніе словами: „желательно было бы узнать исторію выхода и гибели перваго собранія драгоцѣнныхъ преданій, и всего интереснѣе были-бы въ этомъ случаѣ разъясненія самого собирателя“. Охотно я исполнилъ-бы желаніе господина W, но письма О. М. Бодянскаго, касавшіяся этого предмета, у меня погибли во время пожара, а свидѣлись мы съ нимъ нескоро послѣ событія, и новые интересы нашей жизни отодвинули старыя въ область забвенія. Въмѣсто воспоминаній библіографическихъ, представляю здѣсь обстоятельства, которыя привели меня къ собранію драгоцѣнныхъ вародныхъ преданій и которыя сопровождали это собраніе.“

14. „*Начало русскаго воссоединенія*“. Небольшая неоконченная тетрадь.

15. „*Набросокъ начальнаго романа безъ заглавія*“. Семь листовъ.

16. „*Замѣтки по алфавиту*“. Писаны на отдѣльныхъ листкахъ, очевидно для памяти и справокъ, и представляютъ собою своего рода маленькую энциклопедію разныхъ свѣдѣній, въ большинствѣ случаевъ касающихся Малороссіи.

17. Еще гораздо раньше Кулишемъ была передава В. В. Тарновскому рукописная повѣсть въ 12-ти главахъ „*Искатели счастья*“, съ такою надписью: „Василію Васильевичу Тарновскому въ день его ангела отъ автора. 1856. Января 1. Кіевъ.“ Объ этой передачѣ К—штъ, повидимому, скоро забылъ, такъ какъ въ письмѣ отъ 28 ноября того же 1856 года освѣдомлялся у О. М. Бодянскаго, не у него ли эта рукопись¹⁾.

18. Кромѣ того, по словамъ А. М—вны, у В. В. Тарновскаго еще долженъ находиться рукописный романъ „*Послѣдній изъ рода Борецкихъ*“; но, обозрѣвая у него рукописи, я не видѣлъ между ними этой рукописи: вѣроятно, въ то время она была у кого нибудь на рукахъ.

¹⁾ См. Кіевскую Старину 1898 г. № 2, стр. 308.

19. Затѣмъ, изъ статьи Н. Шаховскаго „Памяти Кулиша“¹⁾ видно, что Кулишемъ была написана повѣсть, названная въ первой редакціи „Искра любви“, а во второй, болѣе пространной, „Владимірія“, главныя дѣйствія которой происходятъ въ Галиціи,—и послана издателю „Гражданина“ Мещерскому. Послѣ того, какъ эта рукопись пропала у Мещерскаго, К—шъ вторично написалъ повѣсть, и эту послѣднюю рукопись передалъ г. Шаховскому, у котораго она и должна находиться.

Еще я видѣлъ собственноручныя рукописи сочиненій Кулиша у П. Я. Дорошенка, которому въ 1890 году К—шъ прислалъ три своихъ рукописи: а) вышеупомянутую драму „Петръ Сагайдачный“, б) сборникъ стихотвореній „Дзвинъ“ и в) Дополненіе къ представленному въ цензурное вѣдомство сборнику „Дзвинъ“. Въ чемъ именно этотъ списокъ драмы разнится отъ списка, имѣющагося у В. В. Тарновскаго—не могу сказать, такъ какъ не сличалъ ихъ; думаю же, что списокъ Т—скаго, какъ оставшійся у Кулиша до послѣднихъ дней, представляетъ позднѣйшую редакцію. Характернымъ для К—ша представляется то, что онъ прислалъ Д—ку означенныя рукописи, будучи вовсе незнакомымъ съ нимъ и никогда его не видѣвши, а только слышавши объ немъ отъ Вас. М. Бѣлозерскаго, который передъ тѣмъ познакомился съ Д—комъ и провелъ у него нѣсколько дней въ Глуховѣ. Подъ впечатлѣніемъ разсказа Б—скаго, К—шъ и послалъ немедленно рукописи, сдѣлавъ на драмѣ „Петръ Сагайдачный“ такую надпись: „Незнакому ще въ вичи, а вже сердечно любому по гарній поголосьци, тезкови Петра Сагайдачного, Дорошенкови, зъ Ганныной Пустыни гостыничкѣ и благословеньне обохъ пустынножытелей“.

Псевдонимы Кулиша были раскрыты въ „Очеркахъ исторіи украинской литературы“ Н. И. Петрова, причѣмъ ему былъ приписанъ (стр. 268 и 270) псевдонимъ В. П. Бѣлокопытенка, который въ дѣйствительности, какъ видно изъ печатающагося въ этомъ году приложенія въ Кіевской Старинѣ, принадлежитъ

¹⁾ Русское Обозрѣніе 1897 г. № 3.

не К—шу, а М. Т. Симонову, что подтвердила и А. М. К—шъ. Напротивъ того, къ псевдонимамъ, указаннымъ Петровымъ, по словаль А. М—вны, надо добавить псевдонимъ Забоцня. Такимъ образомъ, съ прибавленіемъ подписей, которыя К—шъ употреблялъ послѣ изданія книги Петрова, слѣдуетъ признать принадлежащими К—шу слѣдующіе десять псевдонимовъ: 1) Николай М., 2) Иродчукъ (въ „Хатъ“), 3) Ломусъ, 4) Хуторянинъ, 5) Панько Казюка, 6) П. Необачный, 7) Петро Забоцень, Д. П. Хоречко (въ „Основѣ“), 9) Павелъ Ратай и 10) Панько Небреха (въ рукописи поэмы „Кулишъ у пекли“).

Кромѣ перечисленныхъ выше рукописей, въ Мотроновкѣ, сохранился дневникъ Кулиша, веденный имъ (по словамъ А. М—вны довольно подробно) въ теченіе двухъ лѣтъ (1845 и 1846). Отрывки изъ этого дневника войдутъ въ приготовляемую В. И. Шенрокомъ біографію К—ша; но желательно, чтобъ и другія части его, могущія представить общій интересъ, были когда нибудь опубликованы.

Послѣ Вас. М. Бѣлозерскаго не осталось никакихъ рукописей, кромѣ воспоминаній о Кулишѣ, которыя по просьбѣ Шенрока, были написаны въ Мотроновкѣ для вышеупомянутой біографіи; при чемъ, не могли уже въ то время писать собственноручно, Б—скій диктовалъ ихъ А. М—внѣ. Воспоминанія эти переданы Шенроку, какъ матеріаль для біографіи К—ша.

Вмѣстѣ съ рукописями Кулиша у В. В. Тарновскаго хранится аттестатъ о службѣ его, выданный изъ департамента общихъ дѣлъ министерства путей сообщенія 20 августа 1875 года. Въ виду того, что документъ этотъ, устанавливающий самымъ точнымъ образомъ факты служебнаго движенія К—ша, имѣетъ существенное значеніе для біографіи его, считаю нужнымъ, въ приложеніи къ настоящей статьѣ, привести этотъ документъ въ сокращеніи (опуская подробности о производствѣ въ чины, наградахъ и т. п.).

Помня, что въ одномъ изъ читанныхъ мною писемъ Кулиша онъ говорилъ, что имѣетъ обыкновение сохранять всѣ получаемыя имъ письма, я интересовался тѣмъ, какихъ именно

лицъ письма къ нему сохранились. Оказалось, что письма за все время, предшествовавшее пожару въ Мотроновкѣ, которыми былъ наполненъ цѣлый сундукъ и между которыми, по словамъ А. М—вны, было много интересныхъ писемъ (въ числѣ ихъ А. М—вна назвала письма О. М. Бодянского), погибли при пожарѣ; письма же за послѣдующее время переданы Шенроку для извлеченія изъ нихъ свѣдѣній при составленіи біографіи.

Зная, что было время, когда Кулишъ увлекался рисованіемъ, я просилъ А. М—вну показать оставшіея послѣ него рисунки, между которыми есть маленькій портретъ Т. Г. Шевченка (до ссылки), рисованный перомъ, и нѣсколько альбомовъ. Въ одномъ изъ нихъ рисунки (въ томъ числѣ—семь изъ малорусскаго быта) чередуются стихотвореніями и народными пѣснями. Въ другой тетради, названной: „Тульскій альбомъ“, для біографа К—ша могутъ представить интересъ рисунки и чертежи, озаглавленные: „Мечты о домикѣ 1848“, — свидѣтельствующіе, что К—шъ съ давняго времени мечталъ объ устройствѣ себѣ домика. Третья маленькая тетрадь заключаетъ въ себѣ три рисунка къ „Черной Радѣ“. Въ четвертой тетради интересенъ рисунокъ, на которомъ изображены А. И. Марковичъ и Н. Я. Макаровъ. Въ пятой тетрадкѣ очень маленькаго формата К—шъ въ шуточной формѣ описалъ свое путешествіе, иллюстрировавъ это описаніе каррикатурными рисунками.

Кромѣ рисунковъ Кулиша, А. М. показала намъ пачку рисунковъ (числомъ десять) Де-Бальмена къ предполагавшемуся иллюстрированному изданію „Ориси“; нѣкоторые изъ нихъ довольно изящны. По словамъ А. М., въ этой коллекціи былъ еще одинъ рисунокъ, и притомъ наилучшій: онъ остался у М. О. Вольфа, которому рисунки передавались для приготовлявшагося изданія, при чемъ самый лучший рисунокъ не былъ имъ возвращенъ.

Въ томъ вышеупомянутомъ альбомѣ, въ которомъ рисунки Кулиша помѣщены вмѣстѣ съ пѣснями и стихотвореніями, я нашелъ одно стихотвореніе Т. Г. Шевченка, вписанное имъ

собственноручно,—именно то, которое въ изданіи „Кобзаря“ 1894 г. напечатано на стр. 540, подъ заглавіемъ „Антонію Сови“, съ отмѣткою внизу: „19 ноября 1859 р. Петербургъ“. Между тѣмъ въ альбомѣ К—ша подъ стихотвореніемъ рукою Шевченка написано: „29 ноября 1858,“ изъ чего видно, что въ Кулишевскій альбомъ оно было вписано цѣлымъ годомъ раньше, и слѣдовательно относится во всякомъ случаѣ не къ 1859 году. Въ самомъ текстѣ стихотворенія я нашелъ нѣкоторыя, хотя и незначительныя, разницы сравнительно съ печатнымъ текстомъ, вслѣдствіе чего считаю нужнымъ для счисленія вариантовъ, привести текстъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ вписанъ Шевченкомъ въ альбомѣ К—ша:

Посажу коло хатыны
 На вспомынъ дружыны
 И яблуньку, и грушечку,
 На вспомынъ едній.

—
 Богъ дастъ диточокъ ¹⁾; дружына
 Пидъ древами тымы
 Сяде соби въ холодочку
 Зъ дитками малымы.

—
 А я буду груши рваты,
 Диточкамъ даваты,
 Зъ дружыною едыною
 Тыхо розмовляты.

¹⁾ Въ печатномъ текстѣ стихотворенія, вмѣсто слова „диточокъ“, поставлено: „выростуть“ (т. е. „яблуньки и грушечкы.“) Приводимая нами редакція кажется намъ болѣе соответствующею какъ содержанію стихотворенія, такъ и обычной формѣ разговорной рѣчи, въ которой выраженія: „Богъ дастъ“ или „пошлетъ“—чаще употребляются въ примѣненіи къ ожидаемымъ дѣтямъ, чѣмъ къ ожидаемымъ фруктамъ, почему изъ двухъ ожидаемыхъ предметовъ, о которыхъ говорится въ стихотвореніи, естественнѣе было употребить это выраженіе въ отношеніи къ дѣтямъ.

— Отоди ще, якъ бралися,
 Си древа садывъ я...
 Я щасливый....— „И я друже,
 Зъ тобою щаслива ¹⁾.“

Слушая рассказы Александры Михайловны о Кулишѣ, Шевченкѣ и другихъ людяхъ, съ которыми въ разное время сходилса К—шъ, я долго не хотѣлъ уѣзжать изъ хутора. Я убѣждалъ А. М. написать свои воспоминанія, но повидимому—безуспѣшно, о чемъ не могу не пожалѣть, такъ какъ, обладая литературнымъ талантомъ и сохранивъ живую память лицъ и событій, она могла бы рассказать много интереснаго.

Когда-то, незадолго до смерти И. С. Тургенева, мнѣ случилось побывать въ его усадьбѣ въ с. Спасскомъ-Лутовиновѣ. Много времени спустя, послѣ смерти Ф. М. Достоевскаго, я былъ въ его скромномъ домикѣ въ Старой Руссѣ и, осматривая этотъ бѣдный домикъ съ тѣсными и низкими комнатами, съ невеселыми видами изъ оконъ, и крошечный садикъ,—невольно вспомнилъ барскую усадьбу Тургенева. Теперь, когда я сидѣлъ въ хуторѣ Кулиша, мнѣ вспомнились видѣнные мною усадьбы тѣхъ двухъ писателей, и я замѣтилъ за собою, что чувства, которыя возбуждаетъ во мнѣ окружающее, были живѣе и острѣе, чѣмъ тѣ, которыя я испытывалъ тамъ. Хотя Тургеневъ былъ еще живъ въ то время, когда я былъ въ Спасскомъ-Лутовиновѣ, усадьба его производила впечатлѣніе забытой и заброшенной самимъ хозяиномъ ея. Ко времени осмотра мною усадьбы Достоевскаго, обстановка дома была уже вывезена изъ него, за исключеніемъ нѣсколькихъ, случайно оставленныхъ предметовъ; домъ опустѣлъ, а садикъ былъ запущенъ и заглохъ; все казалось покрытымъ прахомъ

¹⁾ Это стихотвореніе имѣется у насъ, тоже въ автографѣ, въ рукописной книжкѣ произведеній Шевченка, изъ которыхъ большая часть писана его рукою. Данное стихотвореніе здѣсь озаглавлено „подражаніе Эдуарду Сови“ и помѣчено, какъ и въ печатныхъ изданіяхъ, „19 ноября СПетербургъ“, и находится въ ряду стихотвореній 1859 года. Текстъ такой-же, какъ въ печатныхъ изданіяхъ. *Ред.*

забвенья. Здѣсь же этотъ устроенный самимъ Кулишемъ домъ, этотъ письменный столъ съ книгами, которыя остались раскрытыми съ того времени, когда онъ занимался надъ ними,—его платье, которое онъ повѣсилъ тутъ же на вѣшалкахъ, многіе слѣды его разнообразныхъ занятій и вообще вся окружающая обстановка—все это такъ живо говорило о томъ, кто работалъ среди этой обстановки, что могло бы показаться, что, оторвавшись отъ своей работы и оставивъ на столѣ раскрытыми книги, онъ только на время вышелъ изъ комнаты; говорю—могло бы показаться, если-бъ виднѣющаяся изъ этой-же комнаты вдали могила не напоминала постоянно и ежеминутно, что онъ уже больше не воротится...

Въ усадьбѣ Тургенева мнѣ было жаль того, зачѣмъ далекія небеса и чужіе люди на столько привлекли къ себѣ его симпатію, что заставили его забросить свое гнѣздо и покинуть родину, лишивъ его возможности живыхъ и постоянныхъ наблюдений надъ той жизнью, которую онъ изображалъ въ своихъ чудныхъ произведеніяхъ. Въ усадьбѣ Достоевскаго, вспоминая прожитую имъ жизнь, я сожалѣлъ о томъ, зачѣмъ судьба послала ему тяжкія испытанія, придавъ мрачный и болѣзненный оттѣнокъ его могучему таланту. Здѣсь приходилось пожалѣть о томъ, зачѣмъ этотъ талантъ съ его изумительной энергіей не остался вѣрнымъ себѣ до конца, зачѣмъ сожигалось то, что служило предметомъ поклоненія и чего вовсе не нужно было сжигать... И однако, не смотря на это отступничество послѣднихъ лѣтъ Кулиша, когда по выраженію М. Номиса ¹⁾, онъ „понесъ скорбы своихъ талантовъ не въ родную скорбню и даже относился иногда къ намъ съ жесткимъ и несправедливымъ словомъ,“—теперь надъ могилою его, перебирая въ памяти все то, что имъ сдѣлано, и вспоминая, какую громадную массу труда положилъ онъ въ разнообразныя литературныя работы для своей родины и затѣмъ, замкнувшись въ этихъ комнаткахъ по образъ тѣхъ запорожцевъ, которые оканчивали жизнь въ отшельни-

1) Кіевская Старина 1897 г. № 3.

чествѣ, продолжалъ, уже безъ надежды увидѣть свои труды въ печати, работать для нея до послѣдняго издыханія своего,—вспомнивъ все это, я долженъ былъ согласиться съ Номисомъ въ томъ, что онъ—„нашъ, и трижды нашъ“. Я не могъ не признать, что и самъ Кулишъ былъ правъ, сказавши въ упомянутомъ выше стихотвореніи своемъ:

„Не забудь мене, погы выку твого, моя нене Вкраино,
Погы мова твоя голосна у писняхъ, якъ срибло чисто
дзвонить;
На що глянешь, усюды згадаешь свого бидолашного сына“...

Н. Ш—ровъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Свидѣнія о П. А. Кулишѣ, извлеченныя изъ аттестата о службѣ его, выданнаго изъ департамента общихъ дѣлъ министерства путей сообщенія 20 августа 1875 г.

„Надворный совѣтникъ Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ, 53 лѣтъ, обучался въ Новгородсѣверской гимназіи съ 1833 по 1837 г., потомъ слушалъ лекціи по отдѣленіямъ философическаго и юридическаго факультетовъ въ университетѣ Св. Владиміра, но выбылъ изъ одного до окончанія курса 1840 г. декабря 31.—Въ службу вступилъ исправляющимъ должность учителя русскаго языка въ Луцкое дворянское училище 1841 г. февраля 10; перемѣщенъ на такую же должность въ Кіево-Печерское дворянское училище въ томъ же году декабря 20; утвержденъ въ должности учителя русскаго языка и словесности 1842 г. сентября 15; командированъ для осмотра въ Кіевской губерніи всѣхъ архивовъ, находящихся при правительственныхъ мѣстахъ и монастыряхъ, 1843 г. іюля 5; назначенъ учителемъ исторіи и географіи при томъ же Кіево-Подольскомъ дворянскомъ училищѣ того же года октября 23; назначенъ членомъ сотруд-

никомъ при временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ 1844 г. января 18; командированъ для собранія свѣдѣній о предметахъ древности въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Кіевской губерніи того же года іюля 13; перемѣщенъ къ исправленію должности старшаго учителя исторіи въ Ровенскую гимназію 1845 г. августа 31; перемѣщенъ старшимъ учителемъ русской словесности въ 5-ую С.-Петербургскую гимназію того же года декабря 15; Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 1 и 15 сентября 1846 г. положено: отправить Кулиша для изученія славянскихъ нарѣчій въ Пруссію, Саксонію и Австрію на два съ половиною года, съ производствомъ на содержаніе и путевыя издержки по 1143 р. 68 к. въ годъ и съ увольненіемъ отъ должности учителя 5 гимназіи 1846 г. октября 22; означенное путешествіе почислено конченнымъ 1847 г. іюня 2; опредѣленъ въ канцелярію начальника Тульской губерніи 1847 года сентября 17; назначенъ исправляющимъ должность корректора Тульской губернской типографіи 1849 г. октября 24; перемѣщенъ въ департаментъ сельскаго хозяйства въ число чиновниковъ, положенныхъ на усиленіе 1851 г. іюня 24; исправлялъ должность редактора статистическаго отдѣленія съ 1 іюня 1851 г. по 22 октября 1852 г.; согласно прошенію уволенъ отъ службы 1854 г. февраля 11.—Министромъ народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе опредѣленія археологической комиссіи, утвержденъ въ званіи корреспондента сей комиссіи 1861 г. февраля 6; избранъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго русскаго географическаго общества 1861 г. декабря 15; опредѣленъ въ учредительный комитетъ въ Царствѣ Польскомъ съ назначеніемъ состоящимъ при комитетѣ 1864 г. декабря 23. По всеподданнѣйшему докладу министра статсъ-секретаря Царства Польскаго объ отличной-усердной службѣ, засвидѣтельствованной министромъ государственныхъ имуществъ и намѣстникомъ въ царствѣ, 10 іюня 1865 г. Высочайше повелѣно: виновность Кулиша по дѣлу объ украинославянскомъ обществѣ, за которую онъ былъ выдержанъ въ крѣпости и потомъ высланъ на службу въ Тулу съ учрежденіемъ надъ нимъ строжайшаго полицейскаго надзора,—

не считать препятствіемъ къ производству его въ слѣдующіе чины, равно къ предоставленію ему всѣхъ прочихъ правъ и преимуществъ по службѣ, кромѣ ордена Св. Владиміра 4 степ. за выслугу лѣтъ и знака отличія за безпорочную службу. Назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса 1865 г. декабря 8; назначенъ исправляющимъ должность директора отдѣленія духовныхъ дѣлъ 1866 г. іюня 28;—17 января 1867 года уволенъ отъ сей должности съ назначеніемъ состоять при учредительномъ комитетѣ, при чемъ разрѣшено производить содержаніе по 4500 р. въ годъ; уволенъ отъ службы по болѣзни того же года октября 30.—Указомъ Правит. Сената отъ 8 декабря 1869 г. утверждень въ должности почетнаго мирового судьи Борзенскаго судебна-мироваго округа; приказомъ по министерству путей сообщенія опредѣленъ на службу въ сіе министерство съ причисленіемъ къ оному съ октября 1873 г.; таковымъ же приказомъ назначенъ въ временный статистическій отдѣлъ редакторомъ по изданію Журнала Министерства съ 1 мая 1874.; отчисленъ отъ должности старшаго редактора съ оставленіемъ по министерству чиновникомъ сверхъ штата 1875 г. января 1; уволенъ отъ службы согласно прошенію того же года іюля 31“.

Замѣтки о малорусской демонологіи.

III.

Черти ¹⁾.

Первоначальное происхожденіе, дальнѣйшее размноженіе, наружность, превращенія. Умственныя способности, изобрѣтенія и договоры, жилища и собственность, охрана кладовъ. Разновидности чертей: домовые, лѣшіе, водяные и огненные змѣи.

Хотя произнесеніе имени *чорта* считается неприличнымъ въ Малороссіи и произносится крестьянами всегда съ предварительнымъ извиненіемъ, тѣмъ не менѣе, какъ въ печатныхъ этнографическихъ матеріалахъ, такъ и въ устахъ народа, у чорта очень много названій. Въ первыхъ его называютъ, между прочимъ, сатана, бисъ, той, рябый (Иващенко. Религіоз. культъ ю. рус. народа въ записк. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ., II, 1874 г., 81). Во-вторыхъ онъ извѣстенъ еще подъ именами: сатанаила, сатанюка, идола, явира, фіона, ирода, змія, демона, дьявола, дябела, чорта, чортяки, черного, проклятого, лукавого, нечистого, нечистой силы, несвидомого духа, кудого. Первоначальное происхожденіе фантастическаго существа, извѣстнаго подъ такими названіями, можно прослѣдить въ наше время, принявъ въ соображеніе слѣдующія данныя. У австралійскихъ дикарей души умершихъ, лишенныхъ погребенія, обращаются въ инговъ, духовъ, похожихъ на людей, но съ длинными острыми ушами и

¹⁾ См. Кіев. Ст. 1899 г. № 8.

хвостами. По новозеландскимъ понятіямъ, души умершихъ илуть въ лѣса, становятся злыми духами и вредятъ даже своимъ близкимъ. Китайцы, индокитайцы и индійцы боятся душъ непогребенныхъ, прокаженныхъ, чумныхъ, умершихъ насильственною смертью и отъ родовъ. Бывали случаи самоубійствъ и убійствъ съ цѣлью мстить врагамъ по смерти въ качествѣ злого духа. (Тэйлоръ. Перв. культура 105, 106, 180—187). У классическихъ народовъ также души, лишенная погребенія, дѣлалась злыми духами—лаврами (Фюстель-де-Куланжъ. Древн. Общ. С.-Петербур. 1867 г., 35). У малороссіянъ утопленники, тѣла которыхъ не преданы землѣ, обращаются въ водяныхъ. (Ивановъ. Нар. разск. о домов., лѣш., вод. и русалкахъ. Харьковъ. 1893 г., 41). Въ чертей же обращаются и дѣти, убитыя матерями при рожденіи. (Чуб. Тр. Этногр. эксп. II, 379, 380). Подобные факты дали основаніе утверждать специалистамъ, что тѣнь умершаго—первичный типъ сверхъестественнаго существа, духи—души, генеалогія которыхъ современемъ утратилась (Спенсеръ. Основ. Соц. 304, 305, 314, 315 и 317), и что понятіе о человѣческой душѣ послужило типомъ, по которому складывались понятія и о прочихъ духовныхъ существахъ (Тейлоръ. 180—187).

Впослѣдствіи размноженіе нечистыхъ происходитъ тройкимъ путемъ: захватомъ дѣтей, бракомъ съ женщинами и между собой. Черти захватываютъ проклятыхъ матерью дѣтей. (Чуб. Труды. I, в, I, 89. Рудченко. Нар. Ю. Рус. сказки. I, 79. Аван. Рус. нар. сказки. изд. 3., т. II, 81—84); могутъ они хватать и не проклятыхъ въ видѣ вихря, какъ видно изъ слѣдующаго народнаго разсказа, записаннаго въ с. Литвякахъ отъ Н. Кедевой. „На поли жалы чоловікъ та жинка, а выхорь схватывсь, подолу котывся, якъ ухопыть дытыну—та въ гору. Бижать ти люды, кричать:“ рятуйте, рятуйте! выхорь дытыну вхопывъ.“ Давай воны пашнею махать навхрестъ. Нечыстый той якъ зъ пивверсты нисъ дытыну, потимъ ныже, ныже. Спустывъ. У тыждень померло“. Черти подмѣниваютъ также дѣтей на своихъ подеидышей (одминкивъ), которыми признаются дѣти, страдающія англійской болѣзнью (Чубин. т. I, 193, 194 и т. II,

№ 97, 360—362). Лютеръ, признавъ мальчика въ Дессау такимъ подвидышемъ, совѣтовалъ его бросить въ рѣву (Буслаевъ. Судьба женщ. въ народныхъ книгахъ въ Библ. для чтен. 1864 г., III, 4). Въ предупрежденіе подобныхъ подмѣновъ почти повсемѣстно возлѣ роженицы ставятъ горящую свѣчу (мой Нар. обр. и пѣсни въ Лубен. у. со ссылкой на Тэйл. Перв. Культ. 258). Что касается до сношеній съ женщинами, то черти являются къ дѣвцамъ въ видѣ парней, между прочимъ и для того, чтобы жениться. Въ народномъ разказѣ, записанномъ мною въ Лубенскомъ уѣздѣ, дѣвка, только споткнувшись и упавши, замѣтила, что женихъ ея чортъ, и отказала ему. Во многихъ народныхъ разказахъ Лубенскаго уѣзда чортъ также является къ неутѣшной вдовѣ подъ видомъ покойнаго мужа. Напримѣръ: „Чоловикъ зъ жинкою жылы хороше, потимъ винъ умеръ. Скучала вона за нимъ, каже: колыбъ же винъ прыйшовъ до мене! Наварыла вечерять и сила, та знову: колыбъ мени, Господы, Васыль прыйшовъ. Колы гука: Марія одчыны!“ Одчыныла вона,—колы Васыль. Посидалы вони вдвохъ вечерять. Буду я, каже, до тебе ходыть, буду й тишыть, и буду тебе любыть. Послалы постиль и полягалы спать. И винъ до неи ходывъ такъ, шо недиль до двоухъ, и вона зробылась гладка,—такъ винъ и втишывъ. Стала вона куми своій хвалыться: кумо! до мене чоловикъ ходыть. Кума пыта: якый?—Мій Васыль.—Э, ни, кумо, то не Васыль.—А шо жъ воно таке?—А ты зъ нимъ удвохъ вечеряешъ?—Вечеряю. Навары вечерять и врижъ ему скибку хлиба и солы, а ложки не вмочай въ страву. Та впусты ложку додолу пидъ стиль и тоди побачышъ яки въ ёго ноги. Зробыла вона такъ, та якъ глянула, а въ ёго ноги у вовни. Вона злякалась, а винъ пыта: „чого ты мене лякаешся? Теперь холодно, я грошей ни де не зароблю; то я полизъ на хату, та узавъ кожухъ, та пошывъ соби кожущани чоботы,—того въ мене и ноги такы страшны тоби, а ты не бійся мене, стелы постиль та лягай спать зо мною. Такъ вони ту ничъ переспалы. Вона наутро пишла до кумы опять, каже: эге, кумасю, правда ваша, бо, каже, ноги въ вовни, щей хвистъ ззаду. А кума каже: теперь ты, кумо, вечерять не вары, а возмы свое благословенье.

та якъ прійде, то ты его перехрестышь та швидко тикатынешь до мене. Прійшовъ винъ до неї, щей сонце не зайшло. Вона й перехрестыла ёго своимъ благословеніемъ тай тикае прямо до кумы. Винъ за нею въ погонь. А кума вже одчынула двери синешни и хатни. Вона мерщій въ сини вскочыла, а кума зачынула двери. (Отъ кр. с. Литвяковъ Е. Пулькиной).

Подобные рассказы встрѣчаются еще въ сборникахъ: Аванасьева (Нар. рус. сказки изд. 3., II, 331), Иванова (Народ. сказки о вѣдм. и упыряхъ., 225). Наши народные рассказы не даютъ никакихъ подробностей о связи дьяволовъ съ женщинами, но согласнымъ же показаніямъ вѣдмъ всѣхъ странъ западной Европы проявленія нѣжности дьявола холодныя, ледяныя (Гейне. О Германіи III, 64). Тѣмъ не менѣе отъ дьявола рождаются дѣти. Такъ, въ 1743 г. въ Кіевѣ была убита бабами несчастная новорожденная дѣвочка, какъ „бѣсище“. (Кіев. Ст. 1896 г., V. Докум. 39). Что въ народѣ существуетъ и представленіе о размноженіи чертей посредствомъ браковъ въ ихъ средѣ, доказывается повѣрьями о томъ, что мятель и вихорь—бѣсовскія свадьбы (Чуб. Тр. т. 1., в. 1., 30, 34, 35), и о рожденіи чертенятъ (ib. 190.), о принятіи послѣднихъ сельскою повитухою, получающею за то полотно, которое не убываетъ, покуда не будетъ развернуть весь кусокъ. (Чуб. Труды, т. 1., в. 1, 193, 194, и II. № 97, 360—362); также многими вариантами сказки о чертовой матери, изображаемой обыкновенной малорусской бабусей, чуждой, какъ вообще вся женская половина нечистой силы, какихъ бы то ни было демоническихъ свойствъ. Вотъ какъ рисуется, напримѣръ, Пятигорская, Лубенскаго у., сказка чортову матери: когда женщина, посланная сыномъ къ нечистой матери, вошла въ хату, „тамъ у горницы сидѣла баба, хозяйка и спытала: „зачимъ ты прійшла?“ Та поздоровкалась, дае їй гостынець, паляныцю, и каже: „пославъ мене сынъ до чортовой матери, такъ я й прійшла“; хозяйка їи прыгостыла добре, якъ слидуе, и выпровадыла їи и дала булку.“ Въ Литвяковской, Лубенскаго у., сказкѣ свиданіе съ нечистою матерью изображается почти такъ-же. Посланный къ ней „пидійшовъ пидъ виено и каже:

Хозяйка! пустить на ничь. Выйшла баба, одчынула двери и каже: куды тебе Богъ несе?—Пославъ мене братъ къ нечистой матери. Увійшовъ въ хату, перехрестывсь. Баба каже: „Хай Богъ помогае“. Другого посланнаго чортова маты ласково называетъ „сынку“ и даетъ ему хорошіе совѣты. У нѣмецкаго чорта есть еще бабушка (Гейне. О Германіи. Ш., 70); о таковой малороссамъ ничего неизвѣстно. Черти не только раждаются и живутъ, но и умираютъ. Ихъ ѣдятъ волки, стрѣляютъ охотники, въ томъ числѣ знаменитый Семенъ Палій застрѣлилъ однажды чорта. Ихъ убиваетъ молнія и сжигаетъ солнце (Рудченко. Ю. Русск. сказки. I, 71—73. Чубинскій. Тр. т. 1., в. 1., 4, 19, 20, 34, 52. Кіевск. Стар. 1888 г., V., Док. 48). Не одной только слабостью своей природы схожъ украинскій чортъ съ древнимъ пастушескимъ и сельскимъ богомъ *паномъ*, а и наружностью: рогами, козлиными ногами въ шерсти, хвостомъ (Ящуржинскій „Превращ. въ малор. сказкахъ въ Кіев. Стар. 1891 г., III и IV, 83 и 450). Пальцы у чорта кривые (Аван. Рус. Нар. Сказки. I, 210). Эта наружность часто измѣняется, смотря по обстоятельствамъ, изъ прихоти и по необходимости. Часто является онъ въ видѣ барашка, бѣлаго барашка, овцы, барана (Гринченко. Этн. мат. II, 55. Ивановъ. Разказы о домов., лѣш. 41. Чуб. т. 1, в. 1, 183, 193). У французскихъ крестьянъ чортъ также появляется бѣлымъ ягненкомъ, который можетъ опрокинуть въ воду подошедшаго неосторожно, или чернымъ, хромымъ. Сжалившись, крестьянинъ беретъ послѣдняго на плечо и несетъ. Ягненокъ дѣлается тяжелѣе и тяжелѣе, вдругъ съ хохотомъ объявляетъ, что онъ дьяволъ, и убѣгаетъ (Journal des voyages 1896. № 972, p. 195¹⁾). Кромѣ того, чортъ превращается еще въ козленка и коня²⁾ (Ящуржинскій, о превр. въ Кіев. Стар. 1891 г., III, 450), въ какомъ видѣ представляли его и малорусскіе писатели: Гогсль и Стороженко, а также въ бѣлую собаку, чернаго пѣтуха. (Ящуржинскій. Ib. V., 85), бѣлаго пѣтуха (Гринченко II., 76), ворона (Чуб. I, в. I, 22).

¹⁾ Сравни также „Бѣжинъ Лугъ“ Тургенева

²⁾ По народному повѣрью, встрѣчающемуся у Чуб. (Труды т. 1., вып. 1. 49), лошадь—разъ навсегда превратившійся чортъ.

Чортъ превращается во всевозможные человѣческіе образы: груднаго ребенка, какъ видно изъ слѣдующаго народнаго разсказа. Сыдила жинка зъ дытною зъ вечора, а чоловікъ спавъ. Колы чуе, щось шумить, гуде, мовъ йиде. Пидйихавъ тай гука: „одчыны, молодыце!“ А вона злякалась, впустила дытну зъ рукъ тай мовчыть, побилела. А воно за викномъ: „одчыны намъ, хочъ дытну переповыть.“ Колы це дытна за викномъ не своимъ гласомъ: кова, кова! Молодыця тоди на чоловіка: Демыде, Демыде! Схватывсь винъ до викна, а воно якъ загуло, а дытна: кова, кова! (отъ кр. м. Снѣтина Харитины Олійныковой). Въ народныхъ же разсказахъ Лубенскаго уѣзда чортъ часто являетея въ видѣ мальчика съ большими сверкающими глазами, также „хлопця такого, якъ орапъ“. Въ такомъ же видѣ встрѣчается онъ въ сборникахъ сказокъ: Рудченка и Аванасьева (т. 1. 201). Часто встрѣчается дьяволь и въ видѣ парня, ухаживающаго за дивчатами, напр., въ слѣдующихъ народныхъ разсказахъ. 1. До одніеи дивкы чотыри годы ходывъ парубокъ. Потимъ винъ пойихавъ на поле, а вона не знала, що винъ пойихавъ. Выйшла вечеромъ гулять и догуляла до пивночи. Нема жениха. Пишла у клуню спать. Лягла, лежыть и дума: чы прыйде, чы ни? Прыходыть, сило на полу, насиння луза изъ запилу. Потимъ якъ поросне лупшыны, ажъ луна по клуни пишла. Вона говорыть: „се ты?“—Мовчыть. Лежыть вона ни жыва, ни мертва. Потимъ схватылося, въ долони заплескало и хто й зна, дей дилось. 2. Ходылы на досвиткы дивкы и въ одніи женихъ бувъ. Полягали спать, не диждали того жениха, и такъ, що вже вси поснули. Прыходыть щось пидъ викно и стукае. Дивка почула, думала, шо то іи женихъ, пишла одчынять. Дойшла до викна, колы стоять щось чорне выще викна. Вона дума: чы винъ, чы не винъ? Пишла двери одчынула и пустыла ёго. И думает: оце жъ винъ увійде у хату. Жде, жде—немае. Що-жъ се, думает, мовъ пидъ викномъ не винъ стоявъ? Острахъ іи взявъ, давай будыть дивчатъ: „ходимъ шукать, шо воно таке? И передывылысь—и нема ничого. (Отъ кр. м. Снѣтина Пелагеи Одокиенковой).

Прикидывается нечистый и сосѣдомъ крѣстьянина, какъ въ слѣдующемъ разсказѣ. Покійный Савка йихавъ зъ ярмолку ниччю. Стрича ёго мужыкъ и каже: здрастуйте! пидвезить мене. Савци показуется мовъ сусида: „сидайте, каже, пидвезу.“ Сивъ той на визъ. Такъ важко стало коняци везты, шо й не пидвезе. Прыйхалы додому; вставъ Савка, товариша нема,—дився, хто й зна де. Шукае Савка, каже: я съ товаришомъ йихавъ.—Да Богъ съ тобою, де той товаришъ? каже жинка.—Повлыкать товариша вечерять! Шукалы, шукалы, не нашлы. Повечерявъ Савка, лигъ спать—на вози шось пыщыть, потимъ стогне. Изыва винъ посемейство—не чуть. Та мабуть такъ изъ тыждень Савци було: все прысоглаша: сидайте коло мене, вечеряйте! А то забугається, бижыть. Покры не освятылы хаты; ажъ тоди нечыстый годи, одсахнувсь. Нечыстый подарывъ Савци накожни (отъ Н. Кедевой, с. Литвяковъ). Въ другомъ народномъ разсказѣ Лубенскаго у., чортъ въ видѣ товарища крѣстьянина, шедшаго жать очереть, завель того далеко въ болото. Чортъ, служащій работникомъ у хозяевъ, любимая тема народныхъ разсказовъ. Здѣсь производит онъ чудеса: въ одно мгновеніе скашиваеъ цѣлыя поля пшеницы, перевозить и вымолачиваеъ заразомъ скирды. Въ сказкахъ Аванасьева онъ служитъ рабочимъ у горшечника (т. II, 331).¹ Онъ отслуживаеъ у бѣдняка за похищенный послѣдній кусокъ хлѣба (Манжура. Сказки во II т. Сб. Хар. И. Ф. Общества, 127). Таже тема переработана Манжурой въ соч. „Якъ чортъ шматочокъ хлиба одслужувавъ.“ Она же введена въ нравоучительную комедію графа Л. Н. Толстого: „Первый винокуръ.“

Иногда чортъ появляется еще въ сказкахъ священникомъ, паничемъ, паномъ, сходно съ западноевропейскими представленіями—кавалеромъ съ огненнымъ перомъ (Чуб. Тр. эксп. I, в. 1, 183—186. Гейне. Герм. III, 64).

Таковы внѣшнія особенности малорусскаго дьявола; качества же его ума представляются народному воображенію въ слѣдующихъ чертахъ. Въ большинствѣ разсказовъ чортъ изображается глупцомъ (Гринченко. Этн. Мат. II. 60); его прово-

дигъ наймитъ (79), бьетъ мирошникъ (61), бьетъ и обманываетъ баба (85. Рудченко I, № 29). Чортъ въ состояніи отгадать, на чемъ ѣдетъ крестьянинъ, въѣзжающій на поле верхомъ на женѣ (Чуб. Труды II, № 100, 365, Рудченко. I, № 30, 54—56). Чортъ вообще подчиняется бабѣ. Она мучить, бьетъ, щипаетъ чертей (Аванасьевъ. Сказки. II, 391—393), стрижетъ, обваривъ голову кипяткомъ, больно брѣетъ (Сумцовъ. Малор. Сказки изъ XXII вѣ. Этн. Обзор., 128). Сказки о недогадливости чорта извѣстны въ славянскомъ, нѣмецкомъ фольклорѣ (Аван. I, 201—204) и у валлоновъ, (E. Monseur. Le Folklore Wallon. 56, 58), гдѣ чортъ получаетъ при исполной работѣ на свою долю листья моркови, соломѣ, какъ и въ сказкахъ Рудченка. На основаніи такихъ данныхъ, и малорусскіе писатели сдѣлали невыгодное заключеніе ооъ умственныхъ способностяхъ чертей: Иващенко говоритъ, что чортъ вообще не очень страшенъ, является простакомъ и попадаетъ въ сѣти (Религ. Культъ ю. р. народа въ Зап. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ. II, 82, 83). В. П. Горленко также объясняетъ, что черти въ малорусскихъ сказкахъ изображаются въ видѣ куцыхъ въ комическомъ видѣ (За-вѣты деревни. 217). Чубинскій замѣчаетъ, что чортъ скорѣе комическое, чѣмъ грозное существо (в. II). Богдановичъ въ „Замѣткахъ о Полтавской губ.“ называетъ его шуткомъ. Почти тако-го же мнѣнія былъ и покойный Костомаровъ. Чортъ сомнительный изобрѣтатель и техникъ. Его изобрѣтенія какъ то незакончены. Онъ сдѣлалъ возъ, но не могъ догадаться, какъ его вывезть изъ мастерской. Онъ же изобрѣлъ мельницу, но не могъ ее достроить. (Чуб. Труды. I, в. I, 104, 106). Въ другомъ видѣ, впрочемъ, представляетъ послѣднее изобрѣтеніе народный разговоръ, записанный въ с. Хитцахъ, Лубенскаго у. Зробивъ хозяинъ млынъ зовсимъ и молотъ ставъ, такъ тилькы сыдыть, изъ миркы жменею насыпа пидъ камень. Прыходьтъ до ёго чортъ: „Здоровь!“—Здоровь.—Шо ты робышь?—Мелю, насыпаю зерно.—Шо ты мени дасы, якъ я такъ зроблю, шо само зерно бигтыме?—Шо ты схочешъ?—Я схочу, шо якъ насыпать у мирку, та шо розсыплеться, то мое.—Ни, я такъ не общаю,

а то ты нарощне пидчепышь; а то, шо хазяинъ украде, або мирошныкъ. И такъ винъ зробывъ ёму кишъ и корычче, и стало падать зерно пидъ каминь (отъ И. Нагорянскаго).

Этотъ разсказъ вводитъ насъ въ малоразработанную народнымъ воображеніемъ сферу договоровъ съ дьяволомъ. Извѣстно только, что условіе заключается на перекресткѣ кровью изъ мизинца контрагента (Чуб. I, в. I., 184, 187, 189). Такой приёмъ употреблялся обвиняемыми: Ильей Човпилой, „записавшимся кровью своею князю бѣсовскому и всѣмъ бѣсомъ на службу съ душою и тѣломъ на тридесять лѣтъ“, и Иваномъ Роботой, отступившимъ отъ Бога и предавшимъ себя демону. (Кіев. Стар. 1882: II, 430 и VII, 183—186). При всей краткости малорусскихъ свѣдѣній о договорѣхъ съ чертями, замѣтно однако, что здѣсь дьяволъ представляется далеко не тѣмъ блестящимъ юристомъ, знатокомъ теоріи договоровъ, увлекшимъ нѣкогда папу Сильвестра въ адъ съ хвастливымъ восклицаніемъ: „tu non pensavi gu'io loico fossi!“ (Гейне. Герм. III, 67), какимъ онъ является на западѣ. Напротивъ, у насъ юридическія способности дьявола признаются посредственными, что видно, между прочимъ, изъ граціознаго разсказа, записаннаго отъ Н. Кедевой, сел. Литвяковъ. Жыве чоловікъ бидненко, надумавъ: „пиду десь грошей чы не розжывусь“. Иде лисомъ, а проты ёго дидъ: „здоровъ, чоловіче!—Здоровъ.—Куды ты идешъ“? Пиду, чы не дасть хто грошей.—Еге! Иды й я дамъ. Въ тебе жинка хороша?—Хороша.—И диты йе?—Йе.—Я тоби дамъ грошей, а ты жъ мени ддасы матирь изъ дитьмы?—Оддамъ. У вивторокъ прыйдешъ за гришмы. Пишовъ той чоловікъ у вивторокъ за гришмы. Выходыть до ёго иродъ: „ну, иды, каже, мишокъ наставляй. Узявъ насыпавъ: „ну, каже, несы; а я прыйду до тебе у середу ввечери за матирью и за дитьмы“. Чоловікъ прынесъ грошы до дому и не хвалытся жинци, шо буде. Просятся до ёго у середу два старци на ничъ. Винъ и каже: „я бъ пустывъ васъ, люды добри, такъ не пушу.—Чому не пустышь“?—Я такъ бидно жывъ и ходывъ грошей шукать, та давъ мени иродъ, а я пообещавъ матирь зъ дитьмы оддать, такъ сѣгодня прыйде у ве-

чери. Старци кажуть: ничего, хоть и прыйде, мы не боимось. Коли се такъ якъ часивъ у дванадцять иде и пидъ викино каже: „здоровъ бувъ одынъ“! А старецъ и каже: „у двоухъ добре говорить, а въ трѣхъ молотыть, а четверо колись—то буде визъ, а пятаго колеса не треба до воза“,—а тоди чоловікови: „йе въ тебе квочка зъ курчатами? Возьми вловы та выкнишь ёму“. Чоловикъ той узавъ, уловивъ и выкинувъ ему квочку—матирь зъ дитьми. А иродъ и зговоривъ: „ну, щастя твое, шо такъ избробивъ: и деньгы пожывъ, и жинка дома осталась“.

Болѣ изобрѣтательности обнаруживаетъ дьяволъ въ распространѣнїи зла, какъ видно изъ слѣдующихъ устныхъ и печатныхъ источниковъ: чортъ, научивъ человѣка музыкѣ, при этомъ калѣчитъ его (Чуб. Труды. II. № 99, 364—365); крадетъ деньги у скупца, который вѣшается. (Чуб. II, № 107, 381); сжигаетъ пасѣчника въ куренѣ; отуманиваетъ человѣка такъ, что тотъ рѣжетъ жену вмѣсто овцы. Черти, являсь на досвѣтки подъ видомъ парней, отрѣзываютъ головы дѣвушкамъ и вѣшаютъ за косы на колья. (Такой же рассказъ у Иванова, Домов., лѣш., 30).

Особенно замысловата сказка, записанная въ с. Хитцахъ отъ И. Нагорянскаго. Бувъ бидный парень и зачавъ свататься. Не посватавсь; иде дорогою, встрича ёго нечыстый духъ: „де ты бувъ“?—пытае.—Свататься ходывъ и давно сватаюсь и нїякъ не посватаюсь черезъ то, шо я бидный, нема у мене ничего. Нечыстый каже: „я тобі совить дамъ, тилькы послухай мене. Пиды ты въ городъ и наймы соби хату и до тебе щобъ ниhto не ходывъ, опрочи я ходытиму; и симъ годъ не стрыжысь, симъ годъ не вмывайся, симъ годъ ниhti не зривуй, а я буду до тебе ходить, деньгы износить. И заживешъ соби грошей много. Будешъ ты людей рятувать тими грипшымы—позычать. Прыйде до тебе генераль позычать гроши по несчастю, шо винъ вызычывъ зъ казны денегъ и казна ёго хоче цинувать, и ты ёму зговорышь: вызычыть вызычу, а ты мени дочку оддашь замижъ. А въ генерала тры дочки и винъ скаже не могу такъ, треба роспытаться дочки. Такъ и було, якъ казавъ нечыстый.

Пишовъ генераль, спытавъ старшой дочки: желаешъ замижъ за такого то выйтъ?—Не хочу!—Сейчасъ голову долой! Середульша сказала: „я пиду, хочъ винъ некрасывый, я васъ пожалію“. Пишовъ генераль, говорить: „оддамъ дочку, тилько не старшу; середульша охотытса.—Для мене все ривно, хочъ и найменьшу“, каже парень. И вызычивъ грошей. „Ну, голубчыкъ, каже генераль, прыбувай, когда ты схочешъ, оддамъ дочку.“ Явылся до того парня чортъ: „ну, теперь я тоби дамъ друге наставленіе: иды до цюрюльныка, хай тоби бороду побрые, хай тоби волоса подстрыже, хай нхти позризует. Пиды у лавкы и куны соби саму найдорогшу одежу и надинъ на себе усе убрання. Прыбрався винъ, тоди пишовъ до генерала дочки сватать и на середульшій батько благословывъ винчаться. И тоди уже старша изъ своен досады пишла та повисылася. Прыходятъ вони зъ винчаня и нхто не бачывъ, а молодому ввыдився той самый, шо наставленіе дававъ.—Наставывъ, каже, тебе хазяиномъ и хорошу жену тоби давъ, а соби другую узавъ, старшую дочку генеральску. И съ тимъ розійдимося!

Чертямъ приписывається изобрѣтеніе водки и табака (Чуб. I, в. I. 109. Манжура въ Сб. Харьк. И. Ф. Общества II, 145).

Мѣстная легенда передаетъ слѣдующее о происхожденіи табака. Нечыстый хотъ кого искушае, и въ церкви, якъ служеніе йде, такъ и винъ йе. Винъ тилькы тоди выходытъ, якъ херувымъ поють. Батюшкы сказаны понавишувать на всихъ викинахъ во имя Господне, шобъ винъ не могъ никуды выскочытъ изъ Божого храма. Такъ винъ, якъ стали херувымъ спивать хотывъ выскочытъ, такъ не могъ. До дверей прыбигъ—не можна, у викино плыгнувъ—упавъ, заревивъ и убывсь. „Хай лежытъ, кажуть батюшкы, покы служеніе отойде“. Тоди ёго взяли, вынеслы и думаютъ: шо ёму робытъ: закопать? Спалытъ ёго, шобъ не було ёго й памяти. Насходымысь туды паны дывытса. Спалылы ёго, и нема зъ ёго попелу, а тилькы, де винъ перегоривъ, симена стали. Паны радятса: шо жъ воно за симена? Одынъ помищыкъ забравъ и посіавъ дома, шобъ подывытсь, шо буде изъ тихъ сименовъ. Выоралы велыку грядву таку, засеменылы,

посіяны. Поросла трава, изйихалысь паны уси до миста, дывляться—поросла якась травка, а хто ёго зна, къ чому вона прыходьтся? Ось йиде чужый панъ до йихъ: „здрастуйте господа, шо вы тутъ ходьте?—Удвляемось, шо вона за травка.—Вона очень хороша, людямъ пользуе. Ги курьты каждому чоловіку хороше, робьтыся полегвьты. Розказавъ той чужый панъ, що коло табаку робьты, якъ и пасынкувать. И тоди попрощавсь и каже своему кучерови:“ не журьсь, брате, наша фамылія не пропала, не пишла нивощо, скрызъ будуть потреблять. То бувъ нечьстый (отъ воз. с. Литвяковъ Д. Бугаевой). По другому мѣстному разказу, черти отвлекають шедшаго въ церковь крестьянина въ лѣсъ и здѣсь дарьты ему трубку и научають курить. Чортъ поднесъ также табакъ пустыннику (Кіев. Стар. 1888 г., IV, 22); захватилъ и унесъ дитя, понюхавшее табакъ (ib., V; 55). Чортъ развелъ и сорныя травы: осотъ, папоротникъ, кукиль ¹⁾ и др. (Чуб. Тр. I, в. I, 81. Номись. Укр. прыказкы. 198).

Излюбленными жилищами чертей, кромѣ ада, признаются: болото, камышь, бузинный кустъ, сухая верба (Чуб. т. I, в. I, 76, 77, 70. Иващенко. Зап. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ. II, 82), вода, входя въ которую приговаривають: чортокъ, чортокъ, не ламай вистокъ, ты въ воды, а я въ воду (ibid. 83). Здѣсь овъ, однако, не можетъ находиться постоянно. Якъ на голодный святъ-вечиръ на іордани святять воду, чорты выходятъ изъ воды. Маты казали, шобъ ни валу, ни ганчирокъ, ничего не було тоди на двори. Кажуть, нибь то винъ ховається у валъ, або въ ганчирку (отъ вр. с. Литвяковъ Е. Павликовой). Лубенская веснянка также признаеть болото жилищемъ дьявола... А сей буде у болоти межъ чортамы старшый (мои Обр. и пѣсни Луб. у. 81). Чортъ пребываетъ еще въ глубокихъ оврагахъ, корчмахъ, сараихъ, пустыхъ полуразрушенныхъ зданіяхъ, мельницахъ (Чуб. Тр. I, в. I, 104, 109, 185, 187 и 189). По Лубенскому повѣрью: на всякому млыни йе чортъ. Витерь маленький и вси млыны стоять, а одынъ расходьтся такъ, шо ничего не можна зробьты. И

¹⁾ *Cirsium arvense*, L. *Aspidium Filix mas* L., *Agrostemma Githago*. L.

крыло одибѣ и пальци повывбае, помы чортъ не награется“ (отъ И. Нагорянскаго, с. Хитцовъ). Кромѣ такихъ излюбленныхъ жилищъ, черти удерживаютъ еще иногда право собственности надъ извѣстными мѣстами, какъ видно изъ слѣдующихъ разсказовъ, записанныхъ отъ коз. с. Литвяковъ Даріи и Лукеріи Бугаевыхъ. Старый оравъ по весни писля велькодня, а я зъ дыткою дома була, да зовыця. Богу помолылысь, викна похрестылы и полягалы. Лежымо, я поволыхую дыткуну въ колысочци ногою, колы якъ загурчыть на хати двичи, такъ просто такъ, якъ що возомъ пройихало, а на полу и глына одъ стели поодпадала... и не чутъ. Колы слушаемъ—у хижи стука, мовъ майструе сокырою. Та дивчына лежыть та каже: „що намъ теперь робыть: чы тикать, чы крычать? Бильшь часа мы лежалы, а воно майструе. Трошки одійшы, повставалы, посидалы, ну тикать у двери—що Богъ дастъ! Колы воно якъ трисне у двери, я думала, що смерть; а мы за дыткуну, та на пиль у виєно. Вискочыла попереду дивчына у виєно, подала я їй дыткуну, колы якъ упаде горщыкъ изъ полыци до долу, и мы упять полякалысь, тамъ и попадалы бия виєна. Господы, се злодій, намъ хотъ бы зъ душама утекты! Побиглы у сарайчыкѣ, тамъ у гори покъладени дошки, изсадыла я туды дивчычу и дыткуну подала, а сама не злизу—высоко. Выйшла зъ сарайчыка, подывлюся пиду, що вони забралы. Не можна до хаты дйты—страшно. „Сыды-жъ ты, Марье, а я буду тикать“. Утекла до дядыны, черезъ тыны плыгала, гукаю: „дядынко, одчынить! Вона одчыныла, помытыла, пыта: „чого ты, Богъ зъ тобою? иды въ хату“. Увійшла я въ хату, засунула дядына двери, засытыла. Стала я розказувать. „Боюсь, каже дядына, и я“. Сыдыла я часивъ два.—„Ходимъ, обдывымосъ“. Финарь засытылы. Обійшы кругомъ хату, нема ниде ничого. Одсунулы двери, війшы въ сины, драбына въ синяхъ стояла. Колы воно взяло драбыну ту поставыло пидъ двери пидъ шпугу и пидперло такъ, шо нема средства вырвать драбыны: такъ поставыло мицно. Очепылысь у трѣхъ, не вырвемъ. Сказалы батьву, а винъ и каже: то васъ лякавъ домовыкъ“. А дядына и каже: „навады

ладономъ у хати".—„Половина нашей старой хаты была не на хорошему мисти. Було якъ не скинь колыски до долу, то вона по всій хати гайдаса, а то на хати щось гуркоче, двери пидпира драбыною. Маты стали казати, щобъ нову строили хату, бо не можна жыть: боятсья. Батько выстроили другу хату и перешлы жыть, а ту стару нанявъ чоловікъ. Отъ лигъ винъ на печи спати, коли вони на полу танцюють и грають. Дывятся—люды, тилько чорни и хвосты ззаду. Одни танцюють, а други грають. На другу ничь чоловікъ той лигъ на полу. Пишовъ винъ на двирь; иде зъ-на-двору, не найде дверей,—усе вовна. Пиднявъ руемь у гору, не найшовъ стины, а лапнувъ за пыку за страшну, бородату. Такъ воно кынуло того чоловіка объ землю, выбыло руку и ногу“. Для избѣжанія подобныхъ столкновеній вездѣ въ Малороссіи при выборѣ мѣста подъ избу насыпають рожь въ четырехъ углахъ предположенной постройки, и если рожь тронута, лучше не строиться:“ будутъ чорты товктысь“ (Чуб. Тр. I, в, I, 101, Nowos. Lud. Ukr., 163). Изрѣдка, впрочемъ, удастся крестьянину и уживаться съ чортомъ въ одной хатѣ (Чуб. I, в, I, 4).

Черти, по народнымъ повѣріямъ, владѣють не только обозначенными частями земной поверхности, но и ея нѣдрами, гдѣ оберегаютъ зачатые клады (Ивановъ. Нар. разск. о клад. въ Харьк. Сбор. 1890 г., в. IV, 31, Чуб. Тр. I, в, I, 96).

Близкая связь чертей съ кладами видна между прочимъ изъ того факта, что какъ тѣ, такъ и другіе превращаются въ одинаковыхъ животныхъ. Такъ, въ народныхъ разсказахъ Лубенскаго у. кладъ отерлся запряженнымъ экипажемъ, „кони ротамы зивалы, гралы“, а въ ночь подъ Рождество вороной конь переходилъ дорогу дѣтямъ, шедшимъ въ церковь. Тоже и въ двухъ слѣдующихъ Снѣгинскихъ преданіяхъ: 1, У Снитына на вельедень ишовъ чоловікъ и бачывъ лѣхъ у гори одыненый, и свитло горыть, и у лѣху билый кинь стоить коло дверей. Пиднявсь витерь, щось хряпъ, хряпъ—и все засунулось зъ горы, не знати и дверей. И теперъ за горою есть мовъ ривецъ (отъ Н. Ивахненка). 2, У Снитыни одкрывався лѣхъ. У тому лѣху

бувъ дидь, сывыи кинь и собака. Туды ходылы съ процесією, такъ не вѣдутъ: свичи тухлы“. Кладъ въ видѣ коня встрѣчается и въ печатныхъ источникахъ: у Иванова (Харьк. Сб. IV, 12, 25, 26, 32), Гринченка (Этн. мат. II, 142), Арендаренка (Зап. о Полт. Губ. II, 219). Затѣмъ кладъ появляется въ видѣ: быка (Ив. 27), бѣлаго барана (ib. 28), козла (ib. 14), козы ¹⁾ (Чуб. I, в. I, 98), свиньи (у Иван. 29), собаки (ib. 12, 27. Аренд. 219), кошки (Чуб. I, в. I, 99), пѣтуха и курицы (у нихъ же). Кладъ часто появляется и въ видѣ старика (Иван. 22, 23, Аренд. 219)— у бѣлоруссовъ бѣлуна, живущаго во ржи. Кто утретъ ему носъ, получаетъ золото изъ торбы (Зап. Имп. Рус. Геогр. Общества. V, 54).

Въ народную демонологию входятъ также: домовые, лѣшіе, водяные и огненные змѣи. О первыхъ въ срединѣ Малороссіи не сохранилось никакихъ повѣрій, за исключеніемъ только того, что домовый показывается въ страстной четвергъ на чердакѣ. Въ Харьковской же губерніи домоваго бываетъ видимымъ еще подь Рождество, Новый годъ, Свѣтлый праздникъ, иногда и въ другое время. Появляется онъ то человѣкомъ въ шерсти или старикомъ, то бараномъ, собакой, козломъ (Ивановъ. Нар. раз. о домов., лѣшихъ и т. д. 9—11, 21, 22, 24, 25). Характеръ домового двойственъ: въ глуши онъ хранитъ еще черты предка,— принимаетъ участіе въ дѣлахъ и работѣ хозяина, даетъ ему совѣты, хранитъ обычаи и благопристойность, не позволяетъ, напр., женщинамъ спать нагими (Ивановъ. 2—4, 13—18), обрываетъ волосы женщинамъ, ходящимъ съ непокрытой головой (Скубакаъ. Харьк. Сб. 1890 г. IV, 55), но не входитъ въ связь съ ними (Иван. 5). Въ другихъ случаяхъ домовый ничѣмъ не отличается отъ дьявола. Въ сборникѣ Манжуры (Сб. Хар. Ист.-Фил. Общ. II, 129) домовый любезничаетъ на чердакѣ съ бабой и лазитъ въ окно въ дивчинѣ подь видомъ парня. Затѣмъ и повѣрья о лѣшемъ въ Малороссіи не могли достигъ того развитія, что на сѣверѣ, уже по недостатку лѣса. Здѣсь онъ сохраняетъ еще иногда наружные признаки силвана и сатира

¹⁾ Въ этомъ же видѣ у валлоновъ (Monsieur Le Folk. Wallon., 5).

(Ивановъ. Разск. о домов., лѣшихъ и т. д. 32, 38), но большею частью ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго дьявола, превращаясь въ тѣхъ же животныхъ (ib. 33., 37) и занимаясь тѣмъ-же: кражей новорожденныхъ и проклятыхъ дѣтей, поупкой душъ, похищеніемъ женщинъ и связью съ ними (33, 35). Въ Малороссіи сбившійся съ дороги путникъ вѣритъ, что надъ нимъ шутить лѣшій (ib. 37, и въ моемъ очеркѣ: Этногр. элем. въ повѣсти Гоголя „Заколд. Мѣсто“, въ Киев. Стар. 1897 г., IX, стр. 57—59). Водяной также признается въ настоящее время обыкновеннымъ демономъ, живущимъ въ водѣ. (Ивановъ. Нар. разск. о домов., лѣш., вод., 38). Чаще всего онъ превращается въ рыбу и человѣка, хотя можетъ появляться по временамъ и тѣми же животными, что и другіе черти. Въ народныхъ разсказахъ Иванова водяного вытягиваютъ изъ воды на крючкахъ. Въ народномъ же разсказѣ Лубенскаго у., водяной, пойманный сѣтью, ударилъ по лицу рыбака хвостомъ и убѣжалъ потомъ изъ хаты съ большимъ шумомъ. Водяной, превратившись въ человѣка, сначала мирно бесѣдуетъ съ рыбакомъ, куритъ трубку, потомъ вдругъ опрокидываетъ и выбрасываетъ на берегъ челнокъ, пытаясь утопить собесѣдника. Въ разсказахъ Иванова (38, 43) водяной также опрокидываетъ лодки, портитъ мельницы и рветъ плотины.

Повсемѣстно въ Малороссіи сохранились еще воспоминанія о жертвахъ водянымъ. Въ Харьковской губ. для умиловленія водяныхъ имъ подносятъ соль, хлѣбъ, вареную рыбу, павшихъ лошадей и мертворожденныхъ дѣтей (ib. 39, 44). Пчеловоды, для успѣха пасѣки, топили первый рой въ жертву водяному или домовому (Потебня“ Объясненіе малор. и сродн. пѣсенъ. II., 237). По Снѣтинскому повѣрью, „якъ водяни чорты гребли рвутъ, то вони сердуются, шо нема имъ приходу ніякого, такъ треба имъ коня вкнунути въ воду въ зброю, або хочъ и изъ возомъ“ (отъ К. Приходькиной).

О жертвахъ же говорятъ и слѣдующіе разсказы Лубенскаго уѣзда. Бувъ соби чоловікъ и въ ёго була дивка. Йиздывъ рыбы ловыть, и хто не пойде, нема, а въ ёго повенъ човенъ.

Ну, до того дійшлося, шо явились нечисти ёму на лицо и кажутъ: „ты не самъ ловышь, а мы тоби наганяемъ. Шо ты намъ за те дасы?“ А винъ каже: „шо жъ я вамъ дамъ, якъ у мене ничего нема?“ И винъ саме насередъ ямы. Вони кажутъ: „якъ ты намъ ничего не общаешъ, мы тебе утопимъ.“ Такъ винъ сказавъ: „есть у мене дочка Марына, берить ии. Ось прыйихавъ додому и хвалытся.“ Баба каже; „хай тебе самого возьмутъ, якъ Марыну отдавать!“ Черезъ время поийихавъ винъ зъ Марыною по дрова. Ось йидуть зъ дровамы, винъ сивъ на саны наверхъ дровъ. И де взялося тры бвака и кажутъ: „ты намъ пообщавъ Марыну, а баба твоя не повелила.“ Ось покы привезла додому та дивка, а ёго й духу нема (отъ Г. Нагорянского, Хитцовъ).—Найшла маты соби дытыну, и стало воно плакать, а маты каже: „шобъ тебе чорты взяли!“ Стала та дивчына росты. Росте, росте, якъ зъ воды иде. И стала вже дивка така, шо стали люды сватать. Посваталы ии люды и то вже таке до винця иты. Пишлы вони; идуть одъ винця и стали черезъ греблю иты и молода въ жовтихъ чоботихъ. И вмазала молода чобитъ, каже: „теперь же вы идить помаленьку, а я чобитъ обмыю.“ Вона тилькы стала чобитъ обмывать, взяла въ воду упала. Тутъ зробылы крыкъ, шо втопылась молода. Стали люды ии шукать, вытягать. Потимъ ии не нашлы. А той молодой оставсь вдовцемъ. Такъ ии почалы помынять, шо вона умерша. И такъ може й годъ, може й два не було звисткы ниякои. Потимъ у сусиды найшлася дытына у жинкы. Прыйшовъ винъ просыть тии молодой маты: „ходимъ, бабусю, до насъ.“ Вона пишла, побула, свое дило зробыла, вернулась до дому и лягла спать. Колы шось пидъ викно стука и гука: „бабусю одчынить! Ходимте до насъ.“—Я у васъ вже була.—Ходимъ пожалуста ще. Вона вбралась, пишла. Винъ ии вивъ, вивъ, узавъ та вкынувъ у воду. Колы тамъ у води такый домъ хороший и дочка ии ридна, та, шо втопылась, тамъ сыдыть, каже: „спасыби вамъ, мамусю, шо прыйшлы до мене, мене одвидалы. „Бабувала стара у свой дочкы, потимъ пыта:“ колыжъ вы мене, диты, одведете до дому?“ А винъ каже: „колы прививъ, тоди й одведу“. Диждалы вечера,

винъ и взявъ и понисъ до дому. „Ну, важе, стара, приходьте прошу покорно и до мене въ гости.—Спасыби, шо клычете, прийдемъ. Диждалы велыкоднихъ святъ, посходылыся до матери уси тры дочки и уси тры зяты. Гостювалы вони въ день якъ слидуе быть, а то вже вечеръ, и допылыся вони до того, шо той нечыстый пишовъ поверхъ столу танцювать. А ти старши сестры зробылы зъ соломыны хрестыкъ та ёму ззаду встромылы за комиръ. Такъ винъ тамъ такъ и лопнувъ. Его молода плаче: „нащо вы мене осыротылы? Теперъ же мени ни до васъ, ни до ихъ. Лучче бъ мене не кыкалы ¹⁾ (Отъ кр. с. Литвяковъ Е. Пулькиной).

Въ Малороссіи сохранилось гораздо болѣе повѣрій и разсказовъ объ огненныхъ змѣяхъ, чѣмъ о другихъ фантастическихъ существахъ, кромѣ, конечно, чертей, что объясняется постоянной поддержкой этихъ повѣрій свѣтовыми явленіями, о которыхъ очевидцы перелаютъ слѣдующее. „Я ще дивкою бачыла змія. Идемъ зъ подругами зъ улыци додому, то винъ летыть зъ-за Сулы, такый мовъ жменя конопель. (Литвяки). Летивъ винъ, якъ вязка соломы, я упала ныць. (Пѣски). Я на вику чотыри раза бачывъ змія: первый разъ стояло насъ на юлыци шить парубкывъ. Колы, де й винъ узавсь, летивъ клубкомъ и обсыпавъ насъ искрамы. Полетивъ на провалля. Другый разъ ишовъ я самъ на юлыци, спиваю. Винъ мовъ зъ Чумакова двора на Марынь садъ полетивъ. Летивъ нызько, такый якъ михъ ковальскій. Третій разъ насъ двое и дви дивчатъ гулялы. Летивъ винъ высоко зъ Якымовой левады. Родъ дныща, распарусывсь и искры мали. Четвертый разъ я волы пасъ. Летивъ винъ тоди найвыще зъ Снитына на Стинку. Мовъ угору та вынзъ якъ горобецъ (Снѣтинъ). Бачывъ змія; якъ сорока, и стать якъ сорока. Носъ довгый. Искрыть дуже напередъ и назадъ. Зайшовъ за хмару (Лазирки). Двичи бачыла змія: голова—клубокъ, а дали мотыло. Згынается, якъ гадына. Нызько летивъ, искрывъ. (Пяти-

¹⁾ Настоящая утопленница, ставъ женой водяного, не пріобрѣтаетъ никакихъ демоническихъ свойствъ русалки и русалкою народомъ не признается и не называється.

горцы). Летило таке якъ заступъ. Упало мовъ дижа (Войниха). Сидила я на поли и повъ мене заглуло, неначе човень, такъ якъ сонце зійшло. Винъ не вглядивъ (Пѣски). Дивкою двичи бачыла змїя. Голова велика якъ дижа. Довге, страпне, сидало на выгони (Литвяки). Змїй летивъ такый, якъ коромысло, и вгору и выизъ огонь розсыпа, сажня чотыри вышины, и полетивъ вдовшъ села. Пидъ животомъ мовъ червоне, крыламы маше, огонь сыпле (Хитцы). Летыть коромысло довге, родъ чоловика, пыкы не видно, такъ и осяе (Хитцы). Летыть, такъ и осяе оселю. Довгый, такъ якъ чоловикъ, распарусытся, такъ зъ ёго огонь и креше (Литвянки). Посидали мы на юлыци, колы змїй летыть та ажъ призирается. Бильшь аршына удовшъ. Парусы таки мовъ у коня хвистъ (Снѣтинъ). Йихавъ я у Снитынъ на Мызиновку. Змїй сивъ на ярмо. Голова и все у ёго ажъ осїяло, булы миста по ёму и чорни. Быкы жахнулысь биты, я вдержавъ ихъ, перехрестывсь, а винъ знявсь и полетивъ (Литвянки).⁴ Такия и подобныя указанія давно уже дали основаніе наукѣ предположить, что въ огненномъ змѣѣ олицетворяются народомъ блудящіе огни, воздушные метеоры, падающія звѣзды и молнія (Аеанасьевъ. Зооморфич. божества. III., 1, 98, 110). Огненный змѣй представляется идущей дѣвушкѣ, изрѣдка молодицѣ, какимъ нибудь яркимъ, заманчивымъ или цѣннымъ предметомъ, лежащимъ на дорогѣ: иглой, моткомъ красной заполочи, лентой, кораллами, шолковымъ платкомъ, краснымъ женскимъ поясомъ, червонной запаской, серебряными или золотыми перстнями, червонцами, весьма рѣдко рыбкой, какъ въ слѣдующемъ поэтическомъ рассказѣ, записанномъ отъ коз. с. Литвяковъ, Д. Бугаевой. „Заспивавъ вечиришній пивень, а дивци здалось, шо вже досвичаный. Схопылась вона, убралась: „пиду вже я, мамо“. Маты спыня: „не иды, бо ще рано.“—Проведить мене хотъ трипечкы; я пиду у строкъ. Маты іи вывела зъ улечкы: „иды, дочко, не бійся, тилькы хрестысь.“ Вона соби иде, иде; увійшла такъ якъ версть дви, колы це передъ нею якъ посыплются зори, такъ іи стане ажъ у вичи жовто, не выдео куды йты. Вона злякалась; пидійшла такъ изъ гони, колы лежыть плитка се-

ребрына, велика, побільше ложки. Стане дивка переходыць волю, той плитка перескочыць и впаде. То дивка та перейде впятъ у ту колю, и плитка впятъ перескоче и лягне. А дивка вже такъ излякалась, сама собі каже: „Господы мылостывый! мени маты казала хрестысь, а я й забулась.“ Стала хрестыться. Такъ винъ тоди огнемъ якъ засыпавъ передъ нею, якъ заискрывсь. Якъ заступъ зробывсь изъ тїи плитки, рванувъ бурею, каже: „догадыва!“ А вона впаала и лежала до свита; прїйшла утромъ, уже робочи спидалы. Лежала тыждень, схвачувалась. Выливалы переполохъ: выливалась така рыба изъ парусамы, якъ винъ пидкыдавсь та искрывъ передъ нею“.

Дѣвушка, взявшая предметъ, въ который превращался змѣй, должна ожидать ночью посѣщенія послѣдняго. Афанасьевъ такимъ образомъ рисуетъ это посѣщеніе: змѣй, пролетѣвъ по небу пламенной полосой, рассыпается искрами надъ знакомой избой и черезъ трубу является къ дѣвицѣ или одинокой молодицѣ неотразимымъ красавцемъ. Послѣ него дѣвица сохнетъ (Зооморф. божества 109, 110). Новосельскій даже называетъ змѣя „*plugawu zwodziciel kobiet*“ (Lud Ukr. I, 251). Но, занимаясь почти исключительно преслѣдованіемъ женщинъ, змѣй не вступаетъ съ ними въ связь, а только кохается и сосетъ у нихъ грудь. (Ивановъ. Разск. о Вѣдм. 216). Отдѣлаться отъ него трудно. Въ одной изъ сказокъ, собранныхъ Манжурой, мужъ взялъ крылья змѣя, летавшаго къ женѣ (Сборн. Хар. И. Ф. Общ. 1890 г., II, 9), но средство это опасное; по устному разсказу въ подобномъ случаѣ змѣй, принужденный бѣжать, зажегъ избу. Даже испытанный способъ возбудить отвращеніе въ змѣѣ не всегда спасителенъ, какъ видно изъ слѣдующихъ народныхъ разсказовъ.—Ишла дивка зъ ярмарку, платокъ лежить червоний шовковый поперегъ дороги. Дивка зрадила, вхопыла въ пазуху, не перехрестыла зъ радости. Принесла до дому та въ скрыню положила, а ввечери прїйшла маты, дивка та й здумала: покажу я матери ту найду, шо найшла. Одчынула скрыню, колы лежить панычъ на всю скрыню. А вона тоди дума: „чы мени сказать, чы мовчать? Покину я скрыню, то винъ пиде“. И мов-

чыгь до вечора. Ввечери посыдили, полягали спать. Такъ якъ опивночи иде той панычъ до неи и ляга коло неи. Дивка пыта: „Що ты таке?“—Панычъ.—Чого жъ ты ночью ходышь?—Я тебе люблю, и буду я до тебе ходыть и багато грошей дамъ. Бере ливу грудь и ссе. И такъ винъ долежыть, помы ёму треба, и пиде. Нихто ёго не чуе. Подывылась вона въ день у скрыню—нема.—„Ну, може винъ вже й не буде ходыть. Мовчыть, никому не каже. На другой вечиръ упять винъ иде. Вона ёму каже: „Чого такы ты до мене ходышь? Хыба панычеви просту любыть?“—„Я тоби цилый мишокъ грошей прынесу.“ Мовчыть вона—ничого. Ляга винъ, бере ливу грудь и ссе. Два мисяця ходывъ и прынись ий мишокъ грошей и поставывъ у скрыню. Ии маты пыта: „Чого ты така жовта стала?“ . Вона й дума: чы мени матери прызнаться, чы ни?—Кажы, прызнавайсь, чого ты жовта, ты чымсь больна?—Ни, мамуся, я ничымъ не больна, а до мене панычъ ходыть.—Шо винъ тоби робыть?—Груды ссе, мамо. Узяла маты прыдавила ий груды, колы кровь.—А, дочко, винъ кровь твою ссе. Я вже догадалась, шо се за панычъ до тебе ходыть. Чомъ ты давно не кажешъ?—А що-жъ ёму теперь, мамо, зробыть?—Якосъ прыдумаемъ, щось робыть. Возьмы, дочко, наробы куколь велькыхъ багато, повбирай у плахты, платкамы позавязуй и поставляй ихъ по лавахъ и на викнахъ посажай, и на столы наставъ пляшокъ, чарокъ и хлеба наклады, въ печи пидпалы; сядь на порози, двери одчыны и чешысь, а въ пелену насыпъ симья—и косу чешы, и симья йижъ. Якъ прылеть винъ и буде тебе пытать, то ты скажешъ, шо въ хати весилля, шо ты замижъ идешъ; а якъ спыта: шо йисы? скажешъ: нужу. Такъ та дивка зробыла. Осъ винъ би-жыть: „здраслуй! шо въ тебе въ хати?—Весилля.—Оце й ты чешешся.—Эге.—А йисы шо?—Нужу.—Хыба жъ такы можно нужу йисты?—А хыба можно сатани до хрыстіянына ходыть?—Такъ винъ бурею пишовъ и крышу зирвавъ и бильшь ёго не було (отъ Д. Бугаевой).—Ишлы дивкы на велькоднихъ праздныкахъ, и одна наглядила срибный перстень на дорози и сховала ёго у пазуху. Прышла додому, стала шувать у пазуси—нема. Вечоромъ прылита до неи змій, вона й говорыть: „Чого ты до мене?

Я воесімъ не знаю, шо ты таке". А винъ одвича: „а якъ ты мене знайшла, зрадила и прыголубыла".—Я найшла не тебе, а перстень.—„Ни, то бувъ я". Ніякъ вона одъ ёго не одкараскалась, ставъ винъ до неї литать; начавъ їи грудь ссать, и вона після того похудла и така зробылась, шо неспособна по свиту ходыть. Їи парубокъ ставъ горорыть: „чога ты така худа стала?"—Найшла лыхо, перстень, а то не перстень, то я найшла собі змія.—Сядь ты коло викна, якъ мисяццо буде, и чешы собі волось, а у пелену сямя насыпь и йижъ. Ось змії прылита до неї; якъ побачывъ, шо вона нужу йисть, якъ здвынувся, осмалывъ їй волось и сказавъ: „ты не моя, а я не твій (Отъ кр. с. Хятцовъ И. Нагорянскаго).—Жылы чоловикъ та жинка и въ ихъ була дивка красыва. Тай иде вона до воды изъ видрамы, колы лежыть намысто спражне, вона взяла ёго й не перехрестыла. Ночуе вона на двори въ клуни, колы летыть таке якъ коромысло тай спустылося. Вона дывытся у дирочку, колы воно спустылося, мовъ зиркы скакаюгъ. Перекынувся, ставъ такый красывый панъ; якъ струснувъ за двери, такъ вони й одчынылись. Винъ до неї, тай давай груди ссать. Та все до неї лита та доссавъ, шо вона вже якъ соломына стала жовта. Сталы батько й маты казатъ: „шо їй таке?" Вона не прызнается. А то стала въ хати спать, а винъ прылеть та въ верхъ, та все кровь ссе. И прысовитувалы люди: наберы сямья у черепочки и на тимъ плечи поставъ черепочокъ и на тимъ. И роспусты свои волоса и чешысь и йижъ сямья. Ну, вона такъ и зробыла. Прылеть змії, перекынувся паномъ, каже: шо ты робышь?—Чешуся.—А йисы шо?—Нужу.—Хыба жъ такы хрыстіянська вира нужу йисть?—Хыба жъ такы нечыста сыла хрыстіянську кровь пье? Такъ винъ перекынувся та крыламы якъ ударывъ їи, такъ вона злякалась тай умерла (Отъ Хартыны Олійныковой, м. Снѣтина).

Приведенныя данныя о чертяхъ и ихъ разновидностяхъ приводятъ къ убѣжденію, что въ основаніи всѣхъ демоническихъ существъ, созданныхъ народной фантазіей, заключается челоувѣкъ съ его инстинктами, страстями и дѣятельностью. Главная особенность этихъ существъ—способность къ превращеніямъ—до-ступна также и людямъ: вѣдьмамъ и вовкулакамъ.

В. Милорадовичъ.

Заключительный докладъ граф. П. С. Уваровой на XI археологическомъ съѣздѣ.

Благодаря любезному согласію предсѣдателя XI археологическаго съѣзда, графини П. С. Уваровой, мы имѣемъ возможность въ настоящей книгѣ помѣстить заключительный докладъ ея, читанный 19-го августа въ послѣднемъ общемъ засѣданіи съѣзда. Докладъ этотъ представляетъ для насъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что онъ даетъ краткіе итоги всей работы, совершенной въ теченіе этого съѣзда. Поэтому считаемъ себя обязанными принести самую глубокую благодарность графинѣ П. С. Уваровой за предоставленіе намъ права напечатать этотъ ея отчетъ объ XI археологическомъ съѣздѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ предложенъ вниманію публики.

Ред.

Всякій ученый съѣздъ слагается изъ двухъ частей, раздѣльныхъ и самостоятельныхъ—съ одной стороны, и тѣсно связанныхъ—съ другой. *Первая и главная* изъ этихъ сторонъ съѣзда—его внутренняя или учевая часть, *вторая*—внѣшняя сторона, или та обстановка, которой сдумѣли, или захотѣли, обставить этотъ съѣздъ.

Внутренняя жизнь съѣзда съ своей стороны распадается также на отдѣлы:

а) доклады и работы, представленные съѣзду на основаніи тѣхъ поѣздокъ и командировокъ, которыя были предприняты по порученію Предварительнаго Комитета, подготовлявшаго съѣздъ;

б) отвѣты, данные на запросы, предъявленные съѣзду;

в) отвѣты на вопросы, подвергнутые особой разработкѣ во время съѣзда;

г) ученые рефераты и изслѣдованія, доложенные на засѣданіяхъ съѣзда;

д) пожеланія, высказанныя референтами на основаніи этихъ рефератовъ;

е) собраніе древностей и иныхъ предметовъ, собранныхъ на время съѣзда для научнаго обзорѣнія и изученія.

ж) и наконецъ, изданія, приуроченныя или посвященныя съѣзду.

Позволяю себѣ, или скорѣй *считаю своею обязанностью*, хотя бы вкратцѣ, указать съѣзду на достигнутые результаты по всѣмъ этимъ пунктамъ.

а) Доклады по первому пункту, т. е. доклады, вызванные подготовительными работами къ съѣзду, представлены:

Вл. Бон. Антоновичемъ: Раскопки въ западной Волини, и О каменномъ вѣкѣ на Волини.

Ек. Н. Мельникъ. Раскопки кургановъ въ Ровенскомъ, Луцкомъ и Дубенскомъ уѣз. Волинской губ.

Н. Ѡ. Бляшевскимъ. Результаты археологической экскурсіи въ бассейнѣ Западнаго Буга.

Вас. Гр. Дякоронскимъ. О городищахъ, змѣевыхъ валахъ и курганахъ въ бассейнѣ р. Сулы.

Алекс. Мих. Покровскимъ. Антропологическія данныя о типѣ череповъ изъ волинскихъ кургановъ.

Мих. Павл. Истоминимъ. Фрески XVII и XVIII в. храмовъ и костеловъ юго-западной Россіи. Главнѣйшія черты въ иконографіи на Волини отъ XVI до XVIII в.

Священникомъ Стѣцинскимъ. О древнѣйшихъ церквахъ Подоліи.

Проф. Лапикаревимъ. Объясненіе церковныхъ древностей гор. Чернигова.

Ив. Мих. Каманинымъ. Главные моменты въ исторіи развитія южно-русскаго письма въ XV—XVIII в.. О волинскихъ архивахъ.

Кромѣ того, представлены и готовы къ печати: *Археологическая карта Волинской губ.*, составленная Вл. Бон. Антоновичемъ, *Археологическая карта Подоліи*—свящ. Сѣдинскимъ, *Историческая карта черниговской губ. до XVI ст.*—П. В. Голубовскимъ и Е. А. Кивлицкимъ, и готовится историческая карта остальной Лѣвобережной Украины, которая не была готова къ съѣзду, но составители (Ал. Мат. Лазаревскій, О. Ив. Левицкій и А. В. Стороженко) общаются ея для трудовъ Съѣзда. Къ этому отдѣлу слѣдуетъ также прибавить докладъ Митр. Викт. Довнаръ-Запольскаго о дѣятельности Архивныхъ Коммиссій за послѣдніе 3 года, докладъ, составленный на основаніи пожеланій, высказанныхъ Рижскимъ Съѣздомъ.

б) На запросы, поставленные съѣзду, отвѣтили:

Н. И. Троицкій въ рефератѣ „Древній городъ Лопасня Черниг. губ.“

Бунинъ—въ рефератахъ: Гдѣ находились города Липецкъ и Ворогль, упоминаемые въ лѣтописяхъ подъ 1283 и 84 годами? и „Гдѣ находились Ворота, упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1286 г.“

Свящ. Титовъ—„Что было въ древности на мѣстѣ Андреевской церкви“ и „О заграничныхъ монастыряхъ Кіевской митрополіи“.

в) Особой разработкѣ во время съѣзда подвергся вопросъ объ *организации архивнаго дѣла въ Россіи*, вопросъ, назрѣвшій уже давно, не разъ обсуждавшійся въ спеціально посвященныхъ ему засѣданіяхъ Моск. Археол. Общества и предшествующихъ съѣздовъ, и который нынѣ рѣшено повергнуть на милостивое разсмотрѣніе Его Императорскаго Величества Государя Императора. Объяснительными работами къ этому вопросу могутъ считаться: *Д. И. Цытаева* (О Варшавскихъ архивахъ), *Львова* (Русское законодательство по устройству архивовъ), *Воронова*

(Департаментскіе архивы Франціи), *Каманина* (Экспертиза древнихъ подложныхъ документовъ), *Савелова* (Объ архивахъ дворянскихъ депутатскихъ собраній), *Шмелева* (Теорія и практика архивныхъ описей), *Левинцаго* (О судьбѣ актовыхъ книгъ, относящихся къ исторіи Юго-Западнаго края и Малороссіи) и наконецъ, *Дм. Як. Самоквасова*, представившаго въ своемъ докладѣ „*Централизація Государственныхъ архивовъ въ Западной Европѣ въ связи съ архивной реформой въ Россіи*“ полную картину того, что сдѣлано по архивному дѣлу въ Европѣ, равно какъ и проектъ архивнаго переустройства въ Россіи. Проектъ этотъ, затрагивающій своею новизною и предположеніями не мало интересовъ въ области, къ которой привыкли относиться съ особенною косою, вызвалъ въ Кіевѣ не мало членовъ съ самой отдаленной окраины, подвергся всестороннему обсужденію и принять *въ принципъ*, съ цѣлью доведенія его до высшихъ правительственныхъ сферъ съ выраженіемъ надежды, что проектъ будетъ осуществленъ и разработанъ высшею властью при помощи всѣхъ тѣхъ, которымъ дѣло архивовъ знакомо и дорого. Какой бы будущности ни ожидало осуществленіе проекта, во всякомъ случаѣ Дм. Як. Самоквасовъ заслуживаетъ, мнѣ думается, глубокой благодарности за то, что, не смотря на ожесточенную борьбу, которую вызвало *съ самаго начала* намѣреніе его продолжать реформу или скорѣй проектъ реформы архивнаго дѣла, онъ, при условіяхъ, совершенно не выгодныхъ для здоровья, съѣздилъ за границу, изучилъ архивное дѣло въ Германіи, Бельгіи, Франціи и Италіи, собралъ и издалъ документы по этому вопросу и предложилъ проектъ Русскаго Архивнаго Законодательства, многими ослариваемаго—это правда (какъ впрочемъ всякое новое дѣло въ нашей Славянской средѣ), нѣсколько разъ измѣненнаго самимъ авторомъ, но съ пользою и съ необходимостью введенія котораго все таки невозможно не согласиться, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ высказывались только одни благія пожеланія, которыя безъ проекта Дм. Як. такъ бы и продолжали витать въ области прекрасныхъ пожеланій и несбыточныхъ надеждъ.

2. Всѣхъ рефератовъ, въ число которыхъ входятъ и вышеупомянутые, представлено съѣзду 135. Дѣлятся они слѣдующимъ образомъ: по общимъ вопросамъ 5 рефератовъ, доложенныхъ на 2-хъ засѣданіяхъ; по отдѣленіямъ:

1-ое—Древности порвобытныя—9 засѣданій съ 26 рефератами.

2-ое—Древн. историко-геогр. и этнографическія—6 засѣд. съ 25 реферат.

3-ье—Памятники искусствъ и художествъ — 3 засѣданія съ 8-ью рефер.

4-ое—Бытъ домашній, юридическій, обществен. и военный—4 засѣд. съ 10-ью реф.

5-ое—Древности церковныя—6 засѣданій съ 19 рефер.

6-ое—Памятники языка и письма—4 засѣданія съ 12-ью рефератами.

7-ое—Древности классическія—2 засѣданія съ 6-ью рефер.

8-ое—Древности южныхъ славянъ—2 засѣданія съ 5-ью рефер.

9-ое—Древности восточныя—1 засѣданіе съ 4 реферат.

11-ое.—Памятники археографическія—7 засѣданій съ 13 рефератами.

Отдѣленіе 10-е—Нумизматика и Сфрагистика было соединено Ученымъ Совѣтомъ съ отд. III—искусствъ и художествъ.

Нѣкоторые изъ предложенныхъ рефератовъ затрогиваютъ болѣе общіе вопросы, или знакомя насъ съ результатами изслѣдованій и теченіями иноземной культуры, какъ рефератъ *проф. Бузескула*—Объ успѣхахъ и главныхъ направленіяхъ въ области греческой исторіи, или резюмируя положенія, признаніе необходимости которыхъ желательно для русской науки, какъ сообщенія *Дм. Ив. Багалъя*—О значеніи историческихъ матеріаловъ для археологіи, и *Штерна*—Значеніе керамическихъ находокъ для культурной исторіи Черноморской колонизаціи. Имѣются доклады, носящіе характеръ простаго сообщенія о произведенныхъ работахъ, такъ напр.: сообщеніе *Д. И. Эварнишцаго*—Раскопки въ Александрійскомъ и Херсонскомъ уѣздахъ, *проф. Лилеева*—

Раскопки кургановъ близъ Нѣжина, *Пуласкаго*—Археологическія развѣдки въ Подольской губ., *профъ Кнауера*—Раскопки въ Аккерман. у. Бессараб. губ., *Черепнина*—О раскопкахъ Рязанскихъ кургановъ, *Четыркина*—О нѣкоторыхъ предметахъ старины, попавшихъ съ юга въ Калужскую губ., и О крестахъ Калужскихъ старообрядцевъ.

Многіе же другіе, носящіе наименованіе отчетовъ произведенныхъ раскопокъ, являются въ видѣ научныхъ изслѣдованій, представляющихъ попытку систематизаціи собраннаго матеріала и научныхъ изъ него выводовъ. Въ числѣ подобныхъ сообщеній назовемъ: *Раскопки кургановъ у мѣстечка Мирополья на Случь*, въ которомъ г. Гамченко пытается опредѣлить западныя границы древлянскаго типа погребеній; *Длинные курганы въ Смоленской губ.*—Вл. Ильича Сизова, изслѣдованіе, стоящее въ связи съ прежними работами почтеннаго референта по обслѣдованію могилъ славянскихъ племенъ въ Смоленской губ.; *О черепахъ изъ могилъ кочевниковъ*—Ал. Мих. Покровскаго; *О слѣдахъ расовыхъ примѣсей въ населеніи*—проф. Сиворскаго; *Необходимость выработки системы и номенклатуры для доисторической керамики*—Вас. Алекс. Городцева—почтенная попытка молодого ученаго разобратъ въ матеріалѣ, надъ которымъ онъ работаетъ не первый годъ и на которую, должно надѣяться, отзовутся всѣ тѣ, кто работаетъ въ томъ-же направленіи; *Къ вопросу о крашеныхъ косякахъ* и *Къ исторіи Босфора*—Юл. Андр. Кулаковскаго, старающагося освѣтить строго научными данными страницы нашей глубокой древности.

Къ подобному же роду докладовъ принадлежатъ: доклады *Вл. Вас. Сулова*—„О возстановленіи наружныхъ первобытныхъ формъ новгор. Софійск. собора“ и „Періодъ упадка русскаго водчества“, а также въ высшей степени серьезный и научный трудъ *Вяч. Ник. Щепкина*—„Рисунокъ въ Новгородской иконописной школѣ“.

Большое количество рефератовъ посвящено юго-западному краю, козачеству, Украинѣ, ея быту и исторіи; многіе изъ нихъ упомянуты въ первыхъ отдѣлахъ нашего отчета, но нельзя не вспомнить еще разъ съ удовольствіемъ объ из-

слѣдованіяхъ: *Демченка* — Притомные люди; *Голубовскаго* — Съ какого времени можно прослѣдить на югѣ Россіи способъ защиты таборомъ; *Щербины* — Украинскіе староства по люстраціямъ XVIII в., и — Последніе слѣды козачества въ право-бережной Украинѣ; *Николайчика* — Начало и ростъ Полтавской Вишневетчины по даннымъ Литовской Метрики; *проф. Дашкевича* — О происхожденіи южно-русскаго козачества, и — Къ вопросу о личности Ильи Муромца; *Вл. Бон. Алтоновича* — О мѣстонахожденіи лѣтописныхъ гор. Пересопницы и Шумска; *Родаковой* — Данныя ревизій и компутовъ объ экономическомъ бытѣ малороссійскаго общества въ XVIII в.; *Левинскаго* — Обычныя формы заключенія браковъ въ юго-западной Руси въ XVI—XVII в., и др. Къ этому же циклу изученія мѣстныхъ древностей слѣдуетъ причислить рефераты: *Н. Е. Бранденбурга* — Объ аборигенахъ Кіевскаго края, *Черепнина* — О кіевскихъ денежныхъ гривнахъ, *Житинскаго* — Находка каменнаго вѣка въ бассейнѣ р. Стыри, *Армашевскаго* — Геологическое обозрѣніе стоянки каменнаго вѣка на Кирилловской улицѣ, и въ высшей степени интересное сообщеніе *Хвойка* и *Ал. Мих. Покровскаго* о единственныхъ пока въ своемъ родѣ находкахъ г. Хвойка въ Кіевской губ. и уѣздѣ стоянокъ каменнаго вѣка.

Поработали съ нами и гости наши; такъ, директ. Вѣнскаго музея *докторъ Хегеръ* представилъ свои соображенія объ *инородномъ вліяніи на формы доисторической культуры на Кавказѣ* — вопросъ въ высшей степени интересный для нашихъ кавказскихъ изслѣдователей; дирек. Сараевскаго музея *докторъ Хорманъ* и кустось того-же музея *Трухельмо* — ознакомили насъ съ *средневѣковыми памятниками Босніи и Герцеговины*, съ *первобытными поселеніями этихъ странъ*, равно какъ и съ последними раскопками, произведенными въ Римскомъ *Castrum'ѣ*, и иллюстрировали свои сообщенія великолѣпными таблицами, которымъ можно позавидовать; *предст. Краковской академіи наукъ Копера* ознакомилъ насъ съ богатѣйшимъ матеріаломъ, собраннымъ имъ для исторіи Польскаго искусства въ сокровищницахъ Петербурга и Москвы; *Златарскій* указалъ „Гдѣ надо

искать первую болгарскую столицу²; а докторъ Нидерле изложилъ свою теорію о времени распространенія славянъ на югъ черезъ Карпаты.

Наши русскіе ученые не захотѣли отстать отъ своихъ славянскихъ собратій и представили по части славяновѣдѣнія слѣдующія изслѣдованія: *А. А. Соболевскій*—Церковно-славянскіе тексты моравскаго происхожденія; *Вяч. Ник. Щепкинъ*—Диалектическое дѣленіе языковъ старо-славянскаго и болгарскаго; *Мих. Наз. Сперанскій*—Славяно-русскій переводъ Пчелы; *Тим. Дм. Флоринскій*—О моравскихъ Влахахъ, и *А. Н. Ясинскій*—Средневѣковой аграрный строй въ Чехіи.

Работы Русскаго археологическаго Института въ Константинополь, этого дѣтища нашихъ Археологическихъ съѣздовъ, съ которыми институтъ продолжаетъ столь желательное научное общеніе, представлены тремя рефератами, изъ которыхъ первый—ученаго секретаря института *Фармаковскаго*—представляетъ подробный и въ высшей степени интересный отчетъ о *послѣднихъ научныхъ предпріятіяхъ института*, второй—*Павл. Ник. Милюкова* переноситъ наше воображеніе ко временамъ Гальштадтской эпохи, возстановляя съ присущимъ ему талантомъ и логикой культуру эпохи по находкамъ въ могильникѣ Патели въ Македоніи, и наконецъ третій, также *Фармаковскаго*—обстоятельное изслѣдованіе Византійской рукописи съ миниатюрами XII в., вновь пріобрѣтенной Археол. институтомъ.

Два реферата—*арх. В. Н. Николаева*—О сохраненіи стѣны внутренней Великой церкви Кіево-Печерской лавры—и *А. И. Маркевича*—О сохраненіи древнихъ памятниковъ—переносятъ насъ къ вопросу, давно наболѣвшему и самому постыдному въ исторіи нашего просвѣщенія, науки и искусства. Насколько первый изъ этихъ рефератовъ указываетъ намъ на то положеніе, въ которомъ находится нынѣ вопросъ о возстановленіи древнихъ храмовъ, положеніе, позволяющее узаконивать и оправдывать подобные факты, какъ уродованіе Великой Лаврской церкви и Софійи Новгородской,—настолько второй рефератъ—многоуважаемаго Алек. Ив.—старается найти выходъ изъ того лабиринта невѣжества, который насъ окружаетъ.

Остались недоложенными 9 рефератовъ: *Вл. Ник. Полыванова*—Археологическая карта Симбирской губ.; *Ушакова*—Раскопки въ Псковской губ.; *Лебедева* (преподавателя Вологодской дух. Семинаріи)—Иконописные труды преп. Діонисія Глушицкаго; *А. А. Матвѣева*—Топографія Берестечской битвы, и вѣсколько другихъ.

Кромѣ того, остались недоложенными всѣ рефераты галицкихъ ученыхъ, которые, по извѣстнымъ съѣзду причинамъ, были лишены возможности принимать участіе въ работахъ съѣзда. Рефераты эти, числомъ 23, весьма разнообразнаго содержанія; такъ напр.: трактуется о *находкахъ въ с. Чехахъ*, гдѣ вскрыто до 400 могилъ, одного типа съ находками по Среднему Дунаю, и представляющихъ интересный и послѣдовательный переходъ отъ каменнаго до начала желѣзнаго вѣка; представляется сборникъ письменныхъ свѣдѣній объ *Антахъ*, какъ доказательство древнѣйшей славянской колонизаціи южно-русскаго края; разбираются *свѣдѣнія о Хорватахъ* у Константина Порфиророднаго; опредѣляется мѣстоположеніе галицкаго *лѣтописнаго Звенигорода*, и указывается на послѣдовательность слоевъ, свидѣтельствующихъ, что мѣстность эта была заселена со времени каменнаго вѣка и до великокняжеской эпохи; то же сродство съ великокняжеской эпохой имѣется и въ *Молотовскомъ* кладѣ; представляется разработка археологическихъ вопросовъ, одинаково интересныхъ нашимъ сосѣдямъ, какъ и намъ лично; представляются соображенія о времени составленія Слова о полку Игоревѣ; поднимаются, наконецъ, бытовые и историческіе вопросы, какъ напр.: *Русское духовенство въ Галиціи*, *Галицкое боярство XII—XIII в.*, *Первая времена козачества*, *Украинскіе козаки 1625—1630 и.*, *Наказъ вел. кн. Казимира Яайловича князю кievскому Омельку Владиміровичу*, и много другихъ, характеризующихъ общую для всѣхъ насъ эпоху.

д. Пожеланія высказаны докладами: *проф. Шмурло*—объ учрежденіи русскаго Археологическаго комитета при Ватиканскомъ архивѣ; *докт. Кадлеца*—объ изданіи Россіей извѣстій

о славянахъ у византійскихъ писателей; *проф. Штерна*—объ отпускѣ денежныхъ средствъ на раскопки въ Ольвіи, необходимыя по случаю совершеннаго разграбленія, которому подвергается нынѣ эта колонія со стороны крестьянъ и владонскателей; *В. М. Виттына*—объ организаціи археол. общества въ Варшавѣ; *Дм. Ис. Багалъя*—объ учрежденіи центрального историческаго Архива въ Харьковѣ; *проф. Лаврова* и *Сперанскаго*—объ изданіи Вуканова Евангелія; *моимъ*—о введеніи кафедры по археологіи въ нашихъ университетахъ; *Дм. Як. Самохвасова*—объ организаціи архивнаго дѣла въ Россіи; *А. И. Маркевича*—объ упорядоченіи вопроса о сохраненіи древнихъ памятниковъ; *XI отд. Съезда*—объ организаціи экспертизы подложныхъ документовъ; о распоряженіи касательно уничтоженія архивныхъ документовъ; объ усиленіи денежныхъ средствъ архивныхъ комиссій; объ устраненіи существующаго нынѣ порядка высылки въ отдаленныя архивныя комиссіи списковъ старыхъ дѣлъ для опредѣленія ихъ важности и неважности; о представленіи и на будущихъ археол. съездахъ своднаго доклада о дѣятельности архивныхъ комиссій за время истекшее между тѣмъ и другимъ съездами.

Были высказаны и другія пожеланія, напр. многоуважаемымъ *Дм. Ис. Багалъемъ*—О составленіи библіографическаго указателя всѣмъ историческимъ даннымъ, относящимся до археологіи, которыя имѣются въ архивахъ Ученыхъ обществъ, Оружейной Палаты, Межевомъ Архивѣ, Публичной Библиотеки, Румянцевскаго Музея и пр. и пр.; или *Дм. Ис. Цытасовымъ*—О составленіи и изданіи сборника отрывковъ изъ существующихъ архивныхъ описей и правилъ ихъ веденія. Но такъ какъ работы эти предполагается, *въроятнo на основаніи* поговорки: „*большому кораблю, большое и плаваніе*“, взвалить на Моск. Археол. Общество—то я думаю, что прежде чѣмъ о нихъ говорить, слѣдуетъ узнать мнѣніе того-же Общества.

Имѣется также и предложеніе *проф. Филевича* касательно ученой экспедиціи для изученія Покарпатъ, но у насъ такъ много дѣла дома, что мечтанія о подобной экспедиціи при-

дета, вѣроятно, отложить до того времени, когда профессора Варшавскаго университета сочтутъ возможнымъ и полезнымъ серьезно и безъ политиканства заняться подготовленіемъ Археол. съѣзда въ Варшавѣ.

Заканчивая обзоръ рефератовъ, доложенныхъ или представленныхъ съѣзду, не могу не посѣтовать на то, что нѣкоторые изъ нихъ не были достойны вниманія съѣзда — *но дѣло сдѣлано*, и потому о нихъ рѣчь впереди, на засѣданіяхъ будущаго Предварительнаго Комитета. Впрочемъ, имѣемъ и здѣсь утѣшеніе: если г-да предсѣдатели отдѣленій не всегда критически относились къ допускаемымъ ими къ докладу рефератамъ, то въ отмщеніе за это еще никогда на съѣздахъ не раздавались такъ часто замѣчанія о необходимости методологіи въ примѣненіи къ историческимъ изслѣдованіямъ, къ фольклору, къ изученію иконописныхъ школъ и пр. и пр.

е. Выставки, собранныя на время съѣзда, не говоря о частныхъ коллекціяхъ, любезно предоставленныхъ владѣльцами нашему изученію, состоятъ, какъ извѣстно господамъ членамъ, изъ *отдѣленія археологическаго*, размѣщеннаго какъ въ университетѣ, такъ и въ ново-устроенномъ музеѣ, *отдѣленія картографическаго*, расположеннаго въ библиотечныхъ залахъ университета, *отдѣленія рукописей и старопечатныхъ книгъ*, помѣщеннаго въ архивѣ, и *отдѣла иконографическаго*, занимающаго XIII аудиторію университета. Отдѣлъ иконографіи послужилъ иллюстраціей къ докладамъ Мих. Павл. Истомина; отдѣлъ картографій — составилъ 17-го числа предметъ доклада Вен. Ал. Кордта; по остальнымъ же отдѣламъ доклады представлены вамъ нынѣ Вл. Бон. Антоновичемъ и Ив. Мих. Каманинымъ, что и позволяетъ мнѣ не распространяться больше о выставкахъ.

ж. Что-же касается до изданій, приуроченныхъ и посвященныхъ съѣзду, то большее число изъ нихъ, помимо серьезнаго научнаго достоинства, являются въ такомъ роскошномъ видѣ, что не заставляютъ желать ничего лучшаго, даже со стороны бумаги и типографскаго дѣла, что, какъ намъ всѣмъ из-

вѣстно, не всегда досягаемо въ Россіи. Такъ, *Карта Европейской Сарматіи по Птоломею*, изданная и поясненная Юл. Андр. Кулаковскимъ, подтверждая отдаленную древность Приднѣпровья и его столицы, составляетъ настоящій привѣтъ Кіевскому съѣзду; *Первый выпускъ палеографическаго Изборника*, изданный кіевской комиссіей для разбора древнихъ актовъ трудами неутомимаго труженика и глубокаго знатока русской палеографіи, Ив. Мих. Каманина, будетъ по всему вѣроятію съ благодарностью принятъ въ руководство нашими архивистами. *Первый выпускъ матеріаловъ по исторіи русской картографіи*, изданный также кіевской комиссіей для разбора древнихъ актовъ трудами неутомимаго составителя картографической выставки при съѣздѣ, Веніам. Александр. Кордта, составитъ неоцѣненный вкладъ въ столь юную у насъ еще географическую науку; *Каталогъ собранія Вас. Вас. Тарновскаго*, которому къ несчастію не пришлось представить его съѣзду, и наконецъ два выпуска *Каталога собранія Богдана Ив. и Варв. Николовны Ханенко*—каменный вѣкъ и эпоха, предшествовавшая великому переселенію народовъ, съ великолѣпными таблицами и пояснительнымъ текстомъ—драгоценный вкладъ въ исторію Приднѣпровья и достойное изданіе просвѣщенныхъ людей, которымъ члены Кіевскаго съѣзда не мало обязаны, какъ сердечнымъ отношеніемъ ихъ къ съѣзду, доставленіемъ научнаго удовольствія при осмотрѣ собранныхъ ими коллекцій, такъ и трудами по постройкѣ и устройству городского музея со всѣми его драгоценными коллекціями.

Но, не забудемъ и болѣе скромныхъ трудовъ, преслѣдовавшихъ тѣ же цѣли привѣта съѣзду и поясненія намъ историческихъ и археологическихъ данныхъ занимавшаго насъ на съѣздѣ края. Къ этимъ трудамъ принадлежатъ: *Церковно-археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты*, изданные въ разное время, но собранные въ одинъ томъ и розданные членамъ съѣзда много потрудившимся надъ изученіемъ церковныхъ древностей, проф. Лашкаревымъ; *Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Староконстантиновскаго у., Волинской*

епархii—инспект. нар. училищъ Калишской губ. Н. Ив. Теодоровича, трудъ, которому онъ посвятилъ свою жизнь и который составляетъ 4-й томъ описанія всей Волынской епархii; *Воспоминанiя о третьемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кiевѣ*, помѣщенные проф. Антоновичемъ и г. Науменко въ журналѣ „Кiевская Старина“ за августъ мѣсяць, иллюстрированныя группою дѣятелей перваго Кiевского съѣзда, и *Археологическая мѣтопись южной Россii*, выходящая подъ редакціей Ник. Фед. Бѣляшевскаго, въ видѣ приложенiя къ той-же „Кiев. Старинѣ“.

Вторая или *внѣшняя* сторона съѣзда—извѣстна болѣе или менѣе всѣмъ намъ, и потому не буду о ней распространяться.

Членовъ съѣзда со всѣми прїѣзжими состояло въ Кiевѣ 500 человекъ. Между ними, съ сердечною глубокою тоскою, насчитываемъ только небольшое число представителей *перваго* Кiевского съѣзда: многоуважаемаго В. Б. Антоновича—секретаря съѣзда въ 1874 г.—нынѣ предсѣдателя Предварит. Кiев. Комитета, организатора съѣзда и выставокъ и предсѣд. Ученаго Комитета; Влад. Степ. Иконникова, Ник. Пав. Дашкевича, П. А. Лашкарева, Влад. Влад. Вельяминова-Зернова, Ник. Ив. Петрова, Дм. И. Иловайскаго, Ник. Еф. Бранденбурга, П. И. Житецкаго, А. И. Маркевича, Ф. Г. Мищенко, и Дм. Як. Самоквасова; къ числу этихъ немногихъ позволю себѣ причислить себя лично и Вл. Ив. Ламанскаго, не присутствовавшаго случайно на Кiевскомъ съѣздѣ 1874 г., но дѣятельнаго работника всѣхъ первыхъ съѣздовъ.

Но если стариковъ мало, за то прибыло *молодежи*, и приростъ значительный, такъ какъ, не считая двухъ новыхъ именъ въ должности предсѣдателей отдѣленiй (Юл. Андр. Кулаковскаго и проф. П. В. Голубовскаго), мы находимъ рядъ новыхъ лицъ въ числѣ секретарей съѣзда и отдѣленiй (Бороздина, Богоявленскаго, Вязигина, Глокке, Довнаръ-Запольскаго, Златарскаго, Левицкаго, Ляскоронскаго, Николаева, Парландъ, Халкина, Фармаковскаго, Фотинскаго и Ясинскаго, изъ которыхъ многіе имѣютъ ученую степень. Выражаю надежду, что эти новыя

силы, новые работники останутся вѣрны археологіи, какъ остались ей вѣрны секретари прежнихъ съѣздовъ.

На съѣздъ пріѣхали и иностранцы въ числѣ 24 чело-вѣкъ. Пріѣхало бы и больше, если бы неожиданно поднятый во-просъ объ опасности, представляемой галицкимъ языкомъ, не помѣшалъ ближайшимъ нашимъ сосѣдямъ-славянамъ принять участіе въ нашихъ работахъ.

Засѣданія съѣзда и его выставки нашли себѣ помѣщеніе въ залахъ университета св. Владиміра.

Во время съѣзда, трудами Богд. Ив. Ханенко, Викентія Вячесл. Хвойко и ихъ сотрудниками былъ открытъ новый музей, который представилъ высокій интересъ всѣмъ занимающимся разработкой археологическихъ вопросовъ.

Осмотру членовъ съѣзда были предоставлены кромѣ того музей, принадлежащій Кіевской Духовной Академіи, и частные музеи: Богдана Ив. и Варвары Николовны Ханенко, Іосифа Адам. Хойновскаго и ризницы мѣстныхъ храмовъ и монастырей.

Были устроены обходы и осмотры города, при обязательномъ руководствѣ Вл. Бон. Антоновича и Ник. Ив. Петрова; была совершена поѣздка въ Лавру и Выдубицкій монастырь, подъ руководствомъ Вл. Зен. Завитневича и при любезномъ содѣйствіи г-на Марголина, архимандрита Лавры Антонія и архимандрита Выдубицкаго монастыря Евлогія; городскимъ управленіемъ былъ устроенъ завтракъ и поѣздка въ Китаевскую пустынь, при чемъ г-ами Хвойко, Бѣляшевскимъ и Городцевымъ были предложены осмотры нѣсколькихъ кургановъ, вскрытыхъ ими близъ Китаева. Была устроена Богд. Ив. Ханенко для 40 членовъ съѣзда экскурсія по Днѣпру до Гребени, откуда на лошадяхъ пріѣхали для осмотра кургановъ и селищъ, вскрытыхъ для съѣзда Вик. Вячеслав. Хвойко, съ цѣлью болѣе нагляднаго ознакомленія съ его интересными раскопками. Поѣздка эта удалась вполне и оставила во всѣхъ наилучшія воспоминанія, благодаря чудной погодѣ и особому радушію какъ хозяйина экспедиціи, такъ и мѣстнаго помѣщика Байковскаго, любезно принявшаго экскурсантовъ въ своей усадьбѣ и доставившаго, совмѣстно съ г. Розенбергомъ

и сосѣдными помѣщиками, экипажи и лошадей для перевозки членовъ съѣзда отъ Днѣпра до раскопокъ и обратно.

Для большаго удобства членовъ съѣзда, Кіевскій Предварительный Комитетъ вошелъ въ соглашеніе съ нѣсколькими гостинницами города, предоставившими членамъ уступку въ 25%.

Кромѣ того, г-мъ попечителемъ учебнаго округа, нашимъ многоуважаемымъ сочленомъ Вл. Вл. Вельяминовымъ-Зерновымъ, сдѣлано распоряженіе о предоставленіи дароваго помѣщенія 25-ти членамъ въ Коллегіи Галагана и 10—въ 1-ой мужской гимназіи, за что приносимъ г-ну попечителю съ директорами заведеній нашу сердечную признательность.

Совѣтъ съѣзда, состоявшійся сегодня утромъ, обсудивъ всѣ ходатайства и заявленія, представленныя съѣзду, принялъ слѣдующія рѣшенія.

1. Съѣздъ, въ виду хищеній, которымъ подвергается за послѣднее время Ольвія, ходатайствуетъ предъ правительствомъ о выдачѣ необходимыхъ денежныхъ средствъ для производства въ Ольвіи правильныхъ и систематическихъ раскопокъ и проситъ гр. Уварову войти въ соглашеніе по этому поводу съ мѣстной землевладѣлицею гр. Мусиной-Пушкиной.

2. Съѣздъ, принимая въ принципѣ проектъ Дм. Як. Самоквасова объ организаціи архивнаго дѣла въ Россіи, повергаетъ къ Державнымъ стопамъ Его Императорскаго Величества Государя Императора всеподданнѣйшее ходатайство объ осуществленіи организаціи архивнаго дѣла въ ближайшемъ будущемъ и о дозволеніи, чтобы проектъ этой организаціи былъ разработанъ при содѣйствіи лицъ, которымъ дѣло устройства архивовъ знакомо и дорого.

3. Въ виду того, что реорганизація архивовъ потребуеть не мало времени, съѣздъ ходатайствуетъ, чтобы, не ожидая разрѣшенія общаго объ архивахъ вопроса, было немедленно приступлено къ преобразованію Харьковскаго Историч. Архива въ Центральный Историческій Архивъ.

4. Съѣздъ ходатайствуетъ объ изданіи немедленно циркулярнаго распоряженія по всѣмъ вѣдомствамъ о прекращеніи уничтоженія какихъ бы то ни было бумагъ, относящихся къ дѣлопроизводствамъ государственныхъ и общественныхъ учреждений, пока не будетъ учреждено центральное архивное управленіе въ Россіи и не будутъ выработаны и изданы общія правила уничтоженія ненужныхъ актовъ дѣлопроизводства государственныхъ и общественныхъ учреждений.

5. Съѣздъ ходатайствуетъ предъ правительствомъ объ оказаніи существующимъ архивнымъ комиссіямъ пособія въ размѣрѣ до 1500 р. въ годъ.

6. Въ виду желательности и необходимости болѣе научной разработки древностей Привислянскаго края, съѣздъ проситъ Имп. Моск. археол. общество возбудить ходатайство объ учрежденіи въ Варшавѣ отдѣленія этого общества.

7. Съѣздъ ходатайствуетъ объ учрежденіи въ университетахъ кафедры доисторической археологіи и о расширеніи преподаванія теоріи и исторіи искусствъ на область внѣклассическаго міра.

8. Съѣздъ постановилъ довести до свѣдѣнія Импер. академіи наукъ, что на съѣздѣ былъ возбужденъ вопросъ о желательности а) изданія серій классическихъ и византійскихъ писателей (съ русскимъ переводомъ), имѣющихъ отношеніе къ исторіи славянъ и территоріи Россіи и б) изданій въ оригиналѣ и переводахъ отрывковъ арабскихъ писателей, имѣющихъ отношеніе къ исторіи славянъ и территоріи Россіи.

9. По поводу предложенія проф. Шмурло объ учрежденіи Русской археологической комиссіи при Ватиканскомъ архивѣ, проситъ Импер. Моск. археол. Общество снестись съ русскимъ посломъ при итальян. дворѣ, Алекс. Иван. Нелидовымъ.

10. По поводу предложенія проф. Ал. Ив. Маркевича о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ старины, проситъ Имп. Моск. археол. общество принять на себя трудъ осуществленія про-

ектируемыхъ имъ мѣръ и доложить о сдѣланномъ Предвар. Комит. будущ. XII съѣзда.

11. Будущій съѣздъ созвать въ Харьковѣ въ 1902 г. и просить Имп. Моск. арх. общество обратиться къ г-ну министру народнаго просвѣщенія съ просьбою о разрѣшеніи созыва предварительнаго комитета въ Москвѣ въ 1900 г. съ 4 по 8 января.

12. Просить Импер. Моск. арх. общество принять на себя изданіе трудовъ настоящаго XI съѣзда.

Заканчивая отчетъ о трудахъ и занятіяхъ XI съѣзда, позволю себѣ высказать пожеланія, чтобы городъ и общество озаботились о дальнѣйшемъ развитіи ново-открытаго музея и закрѣпленіи за нимъ симпатіи и поддержки мѣстныхъ властей и всѣхъ просвѣщенныхъ людей края, съ цѣлью выработки устава музея, признанія за нимъ права гражданства и закрѣпленія за нимъ собраній древностей, добытыхъ Вик. Вячес. Хвойко въ Кіевѣ и его окрестностяхъ.

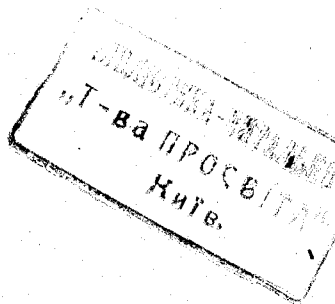
Выражаю также пожеланія, чтобы Комиссія по изданію Древнихъ Актовъ продолжала свои роскошныя и въ высшей степени полезныя изданія, начатыя для съѣзда; я подразумѣваю Палеографическій Сборникъ и Матеріалы по исторіи картографіи въ Россіи.

Желаю также отъ души, чтобы Моск. Археол. Обществу, которому поручается изданіе трудовъ нынѣ заканчиваемаго съѣзда, была дана возможность изданія отдѣльнымъ томомъ тѣхъ древностей и памятниковъ Украйны, церквей, замковъ, частныхъ домовъ, надгробныхъ памятниковъ, портретовъ, иконъ, церковныхъ выладовъ (какъ напр.—царскихъ вратъ съ гербомъ Мазепы), архивныхъ матеріаловъ, касающихся Малороссіи и пр.— то есть того археологическаго и историческаго матеріала, о которомъ такъ много говорилось на съѣздѣ и который, какъ мы видѣли изъ докладовъ и заявленій, такъ успѣшно и дѣятельно уничтожается, частью по невѣжеству и небрежности, частью по

неспособности насъ всѣхъ къ послѣдовательному, устойчивому труду, частью по нежеланію нести тотъ трудъ и отвѣтственность, которые возлагаются на насъ *разъ* принятыми обязательствами.

Но для успѣшнаго исполненія этой задачи Моск. Археол. Обществу нужна помощь, и *помощь дружная*, всѣхъ мѣстныхъ людей, знающихъ и любящихъ свой край, свою исторію, и потому заканчиваю тѣмъ же окликомъ древняго богатыря, которымъ отрывали съѣздъ: „Кто въ полѣ живѣ, человекѣ, отзовися!“.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ Шевченковской колленціи. (*Письмо въ редакцію*). Милостивый государь, г. редакторъ! Въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины», въ замѣткѣ—«Часы Т. Г. Шевченка» Вы, между прочимъ, обращаетесь ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ у себя какіе либо предметы, связанные съ именемъ Т. Г. Шевченка, съ просьбой—или дать о нихъ извѣстіе путемъ печатнаго слова, или сдѣлать ихъ общественной собственностью. Совершенно соглашаясь съ Вашимъ предложениемъ, я сообщаю, что у меня имѣется изъ вещей, принадлежавшихъ Т. Гр., или имѣющихъ къ нему отношеніе.

Двадцать три года тому назадъ мною приобрѣтена въ Петербургѣ, на такъ называемыхъ «Вербяхъ», книга, несомнѣнно, принадлежавшая Тарасу Григорьевичу Шевченку, это — «Народні Оповідання Марка Вовчка», изданія Куліша 1858 г. Книга переплетена вмѣстѣ съ переводомъ ея на русскій языкъ И. С. Тургеневымъ и съ его предисловіемъ къ переводу. Переплетъ книги хорошій, съ выбитыми на корешкѣ словами «Марко Вовчокъ» и внизу буквами Т. Ш. Передній форзиць вырѣзанъ ножницами; вѣроятно тамъ была какая либо надпись самого Шевченка, иначе кому и для чего потребовалось вырѣзывать этотъ форзиць? На первой страницѣ, вверху, написано № 15; на пятой, передъ предисловіемъ, довольно бойкимъ тонокимъ почеркомъ написано—«Пану Шевченкові отъ автора». Познакомившись впоследствии съ покойнымъ индѣ Д. С. Каменецкимъ и Г. Н. Честаховскимъ, я показывалъ имъ купленную книгу Шевченка, и оба они, близко знавшіе его домашнюю обстановку, сейчасъ

же признали, что книга, дѣйствительно изъ собранія Шевченка, который, по словамъ Честаховскаго, «кохався въ книжкахъ» и тщательно ихъ переплеталъ. Кромѣ книги, принадлежавшей Шевченку, есть у меня небольшая собственноручная его записка къ Г. С. Каменецкому, который и подарилъ мнѣ ее, какъ почитателю памяти поэта. Записокъ и пѣсенъ Шевченка было у него много, были и кое-какія вещи, между которыми, особенно помнится мнѣ большой, старинной формы, диванъ, на которомъ всегда и спалъ поэтъ. Диванъ этотъ, съ котораго я снялъ акварельный рисунокъ, послѣ смерти Д. С. Каменецкаго, былъ купленъ, на память о Шевченкѣ, однимъ моимъ товарищемъ Н. Я. Б—ымъ, но удержался у него не болѣе года. При исключительныхъ обстоятельствахъ, даже не владѣльцемъ, онъ былъ проданъ неизвѣстно кому. Изъ вещей, не принадлежавшихъ лично поэту, но имѣющихъ къ нему прямое отношеніе, в которыхъ мѣсто въ музеѣ его имени, есть у меня еще любопытный и единственный въ этомъ видѣ фотографическій портретъ Шевченка, снявагося вмѣстѣ съ Г. Н. Честаховскимъ, отъ котораго я и получилъ эту группу; другая группа, гдѣ Шевченко снялся въ числѣ пяти своихъ знакомыхъ, между которыми находится и Честаховскій, была у меня нѣкоторое время, а потомъ была отправлена въ Лейпцигъ, къ Брокгаузу для изготовленія на стали портрета Тараса Григорьевича; но Брокгаузъ, съ прекрасной фотографіи, награвировалъ Богъ знаетъ что, и въ такомъ видѣ теперь этотъ портретъ прилагается ко всѣмъ кобзарямъ. Оригиналъ группы находится, кажется, въ шевченковской коллекціи В. В. Тарновскаго, а фотографическую копію я тогда снялъ для себя и для двухъ-трехъ знакомыхъ. Все имѣющееся у меня я современемъ вышлю вамъ и, разумѣется, на такихъ же условіяхъ, на какихъ передала вамъ часы Шевченка А. И. Кистяковская. Кромѣ вышеизложеннаго, считаю необходимымъ сообщить, что здѣсь въ Петербургѣ, у художника Н. Т. Малышева, сына знаменитаго въ свое время натурщика Тараса, хранится большой, старательно законченный классный этюдъ работы Шевченка, писанный имъ съ Тараса и подаренный, какъ это часто бываетъ, ему же. Видѣлъ я еще, да вѣроятно и многіе изъ Петербургскихъ земляковъ, у покойнаго А. Г. Тишинскаго солдатскую, съ казеннымъ клеймомъ, сорочку Шевченка, но куда пошла она послѣ смерти Тишинскаго, мнѣ не удалось узнать.

Въ заключеніе сообщу Вамъ новость, имѣющую прямое отношеніе къ памяти Шевченка. Мой старыи товарищъ по Академіи Художествъ, нынѣ профессоръ скульптуры, В. А. Беклемишевъ окончилъ, наконецъ, начатую имъ еще два года назадъ фигуру, вѣрнѣе поль-фигуры, въ натуральную величину, изображающую Т. Г. Шевченка. Незабутній Кобзарь стоитъ, слегка наклонивъ голову и устремивъ свой грустный взоръ куда-то вдаль. Въ одной рукѣ онъ держитъ книгу (Кобзарь), а другой придерживаетъ живописно накинутую на плечи кирею.—Это тема на слова поэта: «Думы мои, думы мои, дыхо мени зъ вами»; по крайней мѣрѣ, В. А. хотѣлъ вначалѣ даже подписать внизу фигуры эти слова. Не даромъ трудился и дважды, вирождение двухъ лѣтъ, совершенно передѣлывалъ свою работу талантливый профессоръ. Теперь есть у насъ истинно-художественное и прекрасное изображеніе всѣмъ намъ дорогого батька-Тараса. Профессоръ В. А. Беклемишевъ уполномочилъ меня сообщить землякамъ, что свою работу онъ началъ и окончилъ съ цѣлью передать ее или въ будущій Шевченковскій музей, или въ хату на могилѣ Шевченка, или, наконецъ, въ Товарищество его имени; короче—сдѣлать его общественнымъ достояніемъ. Разумѣется, нельзя не пожелать, чтобы прекрасный трудъ В. А. былъ отлитъ въ бронзы и такимъ образомъ сохранился бы навсегда. Когда работа почти оканчивалась, о ней случайно узналъ одинъ изъ видныхъ харьковскихъ дѣятелей, г. А—скій, и, увидѣвъ ее, просилъ В. А. Беклемишева повторить для себя фигуру поэта изъ мрамора. На дняхъ фигура перевозится въ Италію, гдѣ спеціальными мастерами будетъ подготовлена для окончательной отдѣлки ее профессоромъ Беклемишевымъ. На будущей же Академической выставкѣ она предстанетъ уже во всей своей красѣ и сверкающей бѣлизнѣ мрамора на судъ публики. Кромѣ этой работы, есть еще у В. А. Беклемишева небольшая фигура Шевченка съ кобзой въ рукахъ—это эскизъ предполагавшейся большой фигуры, но со смертью заказчика, В. В. Тарновскаго, исполненіе фигуры въ предполагавшемся размѣрѣ, вѣроятно, не состоится.

Вы, конечно, уже видѣли превосходно выполненные небольшіе бюстики Т. Г. Шевченка, работы молодого и талантливаго художника Балавенскаго; въ настоящее время онъ оканчиваетъ второй подобный бюстъ, но нѣсколько большихъ размѣровъ; въ этомъ послѣднемъ размѣрѣ онъ приступаетъ къ большому художественному труду—изготовленію цѣлой коллекціи бюстовъ украинскихъ писате-

лей, начиная со Сквороды. Искренно приветствуя симпатичную задачу художника, пожелаемъ ему полного успѣха въ его почтенномъ трудѣ и поможемъ ему указаніями и присылкой рѣдкихъ портретовъ, масокъ, снятыхъ съ умершихъ писателей, фотографій и гравюръ, въ которыхъ теперь г. Балавенскій такъ серьезно нуждается.

Другой землякъ нашъ, не менѣе талантливый скульпторъ, Андриолети, оканчивающій въ этомъ году Академію, началъ небольшой, но интересный по задачѣ, барельефъ Шевченка. Зная изящную технику г. Андриолети, можно напередъ быть увѣреннымъ, что его барельефъ будетъ образцово выполненъ.

О. Ю. Сластіонъ.

Легенды о проф. Боткинѣ. Прилагаемыя при этомъ двѣ легенды о проф. Боткинѣ, принадлежащія къ типу бродячихъ произведеній, записаны мною въ 1890 году въ с. Шебекинѣ, Курск. губ., Бѣлогород. уѣзда верстахъ въ пяти отъ имѣнія Боткиныхъ—Новая Таволжанка. Запись сдѣлана отъ крестьянки Соточихи—довольно древней старухи, многія сообщенія которой были помѣщены мною своевременно на страницахъ «Этнографическаго обозрѣнія.»

I.

Боткинъ старыхъ на молодыхъ перевертавъ. Якъ зробивъ девушку зъ двитивъ—девушка ходе по хоромахъ; жинка у сердце прынала—дума, що «така» ходе, схватила за плаття, а вона такъ и розсыпалась.

Якъ зачавъ... благый ставъ, тай каже своему помошныкови: «возьми мене порубай на милкы часты, у простыню билу склады, выкопай яму»; сказавъ чымъ полить; очеретомъ заславъ; «покрый гречаною соломою, а зверху гноемъ завалы; буду я лежать дванадцать день и никому не кажы, де я.»

День, два, тры проходе—«Де твій докторъ?» «Пойнхавъ!...»—одмагается.—Може ты его стревывъ, не признаешся?... Винъ уже и не спыть, и сказать боится: «пидождитъ, братія, якъ выйде дванадцать день, а трынадцатый наступе, я вамъ скажу».

Стоить надъ тиею ямоу, чуе: «братъ мій розлюбезный, роскрый мои уста; я вже, слава Богу...» Винъ солому пиднявъ, очереть... а

винъ (Боткинъ) уже молодой, неначе и не винъ—то порубаный, а то цилый...

Це я чула въ Таволжанци, якъ ще панщину робыла.

II.

Далѣ Сотоцыха привела еще разсказъ ея односельчанина относительно того, какъ Боткинъ помолодилъ его старуху-мать.

— Що мени, паноченьку, робыты съ своею матирью—чы мени вже иѣ добыты?

«О, хохоль, на що иѣ добывать—вона ще тоби робыть буде.»

— О куды, паноченьку, иѣ робыть; иѣ гробъ зробыть тай за-копать.

«Нѣ, мостой не закопуй—я иѣ стару перероблю на молоду.»

— О, де иѣ, паночку, переробыть, що у неи уже кисты три-щать, якъ вона стане вставать. «Поганай же ты, каже, на дви недилы до дому, а матирь брось мени, а я иѣ выличу—вона буде тоби робыть.»

— Якъ бы то ты, паночку, выличывъ—це у мене одна кобыла, ябъ тобѣ и цю отдавъ.

«Та не йидь до мене дви недилы—дны два тры слусты, тодѣ прыйизды.»

...—На що я бросывъ?... якъ бы вона дома умерла, то я бѣ иѣ заховавъ добре, а то винъ иѣ захова хто-его-зна и якъ, ни обиду не буде справлять...

Пройшло двѣ недилы—дай, думаетъ, навѣдаюсь. Прыйихавъ. А вилнъ—дохторъ—на матирь дывытся, а вона порается, дижу мисе.

— Сынъ иде на довиды, заховайся—я скажу, що ты вмерла, и я тебе заховавъ.

Вона ту руку обмыла и сврылася.

Я увийшовъ у хату, поздоровався: «якъ моя маты?»

— Уже недила якъ я иѣ поховавъ.

«Чомъ же вы мени, паночку, не дали звисты, якъ вы иѣ тутъ ховалы?» та давай плакаты.

А винъ одчынивъ двери у комнату:

— А йды сюды—каже до старои.

Вона выйшла—поздоровалась: «зрастуйте!»

«Зрастуйте!»—тай дывытся (сынъ).

А вийъ (дохторъ) дывытсья у кныгу, тай каже:— «Взнавай, Илько, чы твоя матирь, чы нн?»

Це, паночку, не моя маты; моя маты стара була, це вы обма-нюете мене.

Вона якъ заплаче: «худо тобі безъ матери, а менн ще хуже було, якъ ты мене прывязъ та бросывъ на двн недилн.»

— «Беры жъ, Илько, матирь та везы до дому.»

— Я жъ вамъ, паночку, постунавсья виддаты кобылу, абы матирь выличылы.

— Не треба менн твosen кобылы, беры матирь та йндь!»

Вы думаете, що я брешу; ей-Богу я свою матирь возывъ перероблять на молоду.

А теперь таки дохтора... що...

М. К. Васильевъ.

Майноскіе козани и ихъ земля. Въ газетѣ «Буковина» (№№ 14 и 15) М. Ганькомъ сообщены очень интересныя свѣдѣнія о небольшой группѣ козаковъ, называемыхъ *майносскими*. *Майносъ*—село, стоящее надъ озеромъ того-же названія, неподалеку отъ Цандермы (городъ на южномъ берегу Мраморнаго моря). Исторія этихъ козаковъ слѣдующая. Въ 1708 г., приверженный Булавину атаманъ Игнатъ Некрасовъ, избѣгая казни за свою измѣну, съ 500—600 Донскихъ семействъ раскольниковъ, бѣжалъ съ Дону и передался крымскому хану, получивъ отъ него землю на Кубани, между Таманью и Копылемъ. Но въ 1784 г. некрасовцы должны были уйти оттуда и поселились въ Болгаріи, въ Мачинскомъ и Бабадагскомъ округахъ, надъ озеромъ Разинъ, гдѣ имѣли 6 селеній. Рядомъ съ ними, отдѣленные только р. Дунавцемъ, поселились послѣ разоренія Сѣчи запорожцы, въ количествѣ 5000, подъ предводительствомъ атамана Ляха.—Питая въ сосѣдямъ вражду, запорожцы, какъ сильнѣйшіе (некрасовцевъ было всего лишь 1400 душъ об. пола), вытѣснили некрасовцевъ и вооруженною рукою завладѣли ихъ жилищами и тамъ укрѣпились. ¹⁾ Тогда-то некрасовцы выбрались на побережье Мраморнаго моря; часть ихъ поселилась на р. Марицѣ, поблизу ея устья, надъ оз. Сыральджа, а часть переправилась въ Азію и посе-

¹⁾ Скальковскій, Истор. Новой Сѣчи, ч. III, 235—236.

лилась надъ озеромъ Маниос. 1) Некрасовцы, оставшіеся въ Европейской Турціи, въ 1827 году принимали участіе въ русско-турецкой войнѣ, и по окончаніи послѣдней—тоже перебравшись въ Азію, къ землякамъ, что надъ оз. Майнось. Любопытно то, что судьба чуть было снова не свела некрасовцевъ съ запорожцами. Послѣ измѣны Гладкаго, 2000 запорожцевъ, оставшихся въ Турціи, были заключены въ темницу и когда ихъ выпустили на волю, то предлагали, между прочимъ, поселиться въ М. Азіи, рядомъ съ некрасовцами. 2) Въ настоящее время этихъ майвоськихъ козаковъ не много; всего лишь 157 дворовъ, но всѣ они сохранили свой козацкій тиць и своенародный костюмъ, а также въ значительной степени удерживаютъ въ языкѣ особенности малорусской рѣчи: лексика по большей части малорусская, хотя есть слова и русскія, а фонетика довольно своеобразная; такъ, напр.: *ъ* выговариваютъ какъ *і*, *о* безъ ударенія—какъ *а*, а *з* какъ *г*. Вотъ образецъ ихъ пѣсни:

Якъ по степену по широкому,
 А по морю по глыбокому
 Залегала тамъ дороженька прости синька,
 Та ни хто тою дороженькою
 Та не хажуваль, та не пиджуваль.
 Якъ прохожаль, якъ пройжджаль да Игнатъ козакъ—
 Онъ не самъ пройжджаль, козаковъ привожаль.
 Та не мало, не багато, опричъ старого, опричъ малого
 У Игната козаковъ сорокъ тысячивъ на коня то систь...

Или вотъ другая:

Ты зойды, зойды, ясне сонечко,
 Надъ горой, зойды, надъ високою,
 Надъ дибровою, надъ зеленою,
 Обогрій ты насъ, людей бидненькихъ,
 Добрыхъ молодцівъ, людей бигленькихъ.
 Оны ставылы церкву—знамюшку,
 Церкву знамюшку—семиглавую,
 На восьмой главѣ хрестъ посрибленийъ,
 На хрести сыдыть чорна галочка,

1) Козаскузна в Турциі, Х. К. О. (Paris, 1857), стр. 82.

2) Тамъ-же, стр. 22.

Чорна галочка, мала штасечка.
 Высоко сидыть, далеко глядыть,
 А глядыть вона, та все дывытся
 Да на сынее море и т. д.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ разговорѣ лексика больше малорусская, чѣмъ въ пѣсняхъ. Хата (а не изба), нема (нѣтъ), кутокъ, шмать, и т. п. Живутъ козаки очень хорошо; хаты просторныя, большей частью двухъ-половинныя, крытыя череницею, стѣны пообвѣшаны «кылымамы» и позаставлены въ огромномъ количествѣ иконами—и это не только въ хатахъ, но и въ сѣняхъ: понятно, что въ этомъ благодатномъ краѣ, въ сѣняхъ приходится чаще сидѣть, чѣмъ въ хатѣ. Козаки въ праздничный день облачаются въ одежду, къ которой на груди нацѣплены въ два ряда 16 огромныхъ турецкихъ «срибнякывъ», а дивчата еще вилетають въ косы по-нѣскольку турецкихъ «золотыхъ», или англійскихъ лиръ (около 8 руб.). Козаки носятъ «гешметы» (наши подтавскія «чумаркы», только немного длиннѣе) изъ полосатой красной или желтой матеріи. Сверхъ того, иногда надѣвають «чекмени» (визячно сшитая «сирачына», обшитая позументомъ), а къ этому, на случай какого-нибудь парада, имѣютъ еще козухи, крытыя краснымъ сукномъ.

Ежегодно козаки выбираютъ «атамана и осаула». Конечно, съ тѣхъ поръ, какъ казаки перестали служить въ турецкомъ войскѣ, а платять выкупную отъ военщины подать (какъ и всѣ другіе христіане подъ турецкимъ владычествомъ), эти должностныя лица не имѣютъ того значенія, что прежде, но все же всѣ стародавніе «звычайы» сохранились и до сихъ поръ. Когда надо собрать «раду», то осаулъ ходитъ по селу съ «палыцею», обитой серебромъ, и протяжно выкрикиваетъ: «Гей, госнода козаки, велыкое вѣйсько кубанськое, ходитъ у кругъ *вѣстья* слухать; кто не пѣдетъ,—на тымъ вѣйськовый прыговоръ 20 левывъ (около 1 р. 60 к.)». Когда же разбирается какое нибудь болѣе важное дѣло, штрафъ поднимается до ширы (около 8-ми рублей).

Какъ только соберутся козаки, то отаманъ и осаулъ сводятъ палки концами вмѣстѣ, и тогда осаулъ сирашиваетъ отамана: «Чы почынаты раду?»; тотъ отвѣчаетъ: «пытайся козакывъ»... Получивъ отъ козаковъ разрѣшеніе, осаулъ и отаманъ разъединяютъ концы своихъ «палыць», и рада начинается. А когда происходитъ рада, то

если кто-нибудь начнет говорить,—остальные молчать,—а если кто-нибудь станет перебивать, то заплатить штрафъ. Кричать же «гуртомъ» только тогда, когда требуется постановленіе рѣшенія,—«якъ иде голосованне»...

Въ прежнее время власть рады была гораздо больше, чѣмъ теперь, такъ какъ турки теперь вмѣшиваются въ козацкія несогласія между собою, и много уже среди козаковъ есть такихъ, которые не довольствуются козацкимъ судомъ.

Надо сказать, что въ Майнось есть двѣ партіи: рыболовы и хлѣбопашцы. Во времена оны султанъ имъ подарилъ огромное пространство плодородной земли, которую они тотчасъ же раздѣлили на 200 частей, по числу козаковъ. Но болѣе лѣнивый элементъ, избѣгающій тяжелой работы, занимаясь однимъ рыболовствомъ, переуступилъ свои надѣлы земленашцамъ, которые, прикупивъ земли еще у сосѣднихъ турецкихъ крестьянъ, оказываются весьма зажиточными хозяевами.

Полевое хозяйство у майносцевъ представляетъ очень много интересныхъ особенностей. Пашутъ одни (скорѣе ралютъ) плугами—сабанами, которые кладутъ разрыхленную почву по обѣ стороны, при чемъ начинаютъ пахать еще въ постъ. Такой паръ лежитъ нетронутый все лѣто, осенью засѣвается и перенашивается уже послѣ постъва тѣмъ же самымъ сабаномъ, но не заволакивается. Весь хлѣбъ здѣсь, кромѣ одной кукурузы, озимый: озимый овесъ, ячмень, конскій бобъ и кунжутъ (турецкое просо, сорго), а болѣе всего сѣется пшеница. Когда путешественникъ спросилъ о ржи, то получилъ отвѣтъ: «хаба й то ще хлибъ?» Что касается домашнихъ животныхъ, то майносы имѣютъ лошадей, воловъ, коровъ; много свиней. Вообще существованіе ихъ здѣсь является вполне обеспеченнымъ.

Канадскіе русины. Когда русины впервые явились въ Канаду, они произвели весьма дурное впечатлѣніе на англичанъ. Они явились въ своихъ «полотнянкахъ, кожихахъ, чоботахъ, высокихъ шапкахъ, сердакахъ, оуанчахъ, постолахъ, опивкахъ, кацавейкахъ, хусткахъ, дымкахъ, душкахъ, запаскахъ, перемиткахъ, кораляхъ, застяжкахъ». Когда всю эту красоту увидѣли чужіе люди,—они испугались, и стали писать въ газетахъ, что—«Ру-

сины—это народъ дикій». Но не только малорусскихъ уборовъ испугались чужіе люди, испугались они также запуганныхъ фізіономій, медленной походки, громкихъ разговоровъ на улицѣ, торга въ магазинахъ, и чужіе люди стали между собой совѣщаться, что русиновъ нельзя вмѣстѣ селить, а лучше всего размѣстить по широкимъ степямъ. Это мнѣніе англичанъ подтвердилъ въ мартѣ прошлаго 1898 года канадскій парламентъ, говоря что русиновъ надо разбросать по всей Канадѣ. Правда, канадское правительство придерживалось этой политики по отношенію къ русинамъ и въ прежніе года, но постановленіе парламента утвердило эту политику и на будущее время.

Въ силу этого въ этомъ году пріѣзжихъ Русиновъ будутъ размѣщать въ провинціяхъ Саскачеванъ и Асинобои. А въ прежніе года, т. е. 1894, 1895, 1896, 1897 и 1898, правительство селило русиновъ въ Манитобѣ, Альбертѣ, а отчасти и въ Асинобои и Саскачеванѣ. Въ данное время имѣются слѣдующія колоніи:

а) въ Манитобѣ: 1) Stuartburn, 2) Dauphin, 3) Pleasant Home, 4) Broken, Head, 5) st. Norbert, 6) Gonor

б) въ Асинобои: Iorkton,

в) въ Саскачеванѣ: Saskatoon,

г) въ Альбертѣ: 1) Edna, 2) Rabbit Hills.

Болѣе всего нашихъ единоплеменниковъ находится въ Манитобѣ. Здѣсь наиболѣе многочисленныхъ двѣ колоніи: Stuartburn и Dauphin, въ которыхъ можно считать до 800 семействъ. Въ Pleasant Home—180, въ Brokenhead—30, въ St. Norbert—30,—въ Gonor тоже—30.

Въ Iorkton'ѣ, въ Асинобои, насчитываютъ до 300 семействъ, Saskatoon въ Саскачеванѣ также имѣетъ достаточно людей, Edna въ Альбертѣ—400, Rabbit Hills—60 семействъ. Всего до 2000 семействъ около 10000 душъ.

Всѣ эти колоніи находятся на значительномъ одна отъ другой разстояніи,—наименѣе 2 дня быстрой ѣзды. При томъ въ самыхъ колоніяхъ способы передвиженія бываютъ самыя неожиданныя. Иногда приходится ѣхать и волами, черезъ прерію, по которой едва начинается пролагаться дорога, или по кочкамъ («скорчамъ»), буграмъ и т. д. Помимо правительства, наши земляки разсѣваются еще въ силу и другихъ условій; необъятный просторъ притягиваетъ нашего человѣка, который стремится занять какъ можно лучшую землю.

Хотя родственное чувство или знакомство и удерживаютъ часто нашихъ эмигрантовъ по сосѣдству, однако погоня за хорошей землей пересиливаетъ первыя.

Вотъ среди такихъ обстоятельствъ должна соотвѣтственно имъ слагаться также жизнь.

Первое, что утеривается—это тѣ сложные обряды, которые такъ сильно вкоренились въ наше сельское населеніе. Здѣсь немыслимы тѣ длинныя свадебныя обряды, тѣ крестьбины, тѣ обжинки, тѣ праздники, вообще вся та сѣть обрядовъ, что обвиваетъ всю жизнь нашего бѣднаго крестьянина.

Немалозначительной причиной упадка обрядовъ служить также и то обстоятельство, что нашъ человѣкъ въ Канадѣ не достанетъ такъ легко «горилки». Иногда онъ принужденъ бываетъ потерять нѣсколько дней, пока вернется съ нею изъ города. Также и то имѣетъ вліяніе на утрату давнихъ товарищескихъ обычаевъ, что наши земляки не имѣютъ давнихъ своихъ знакомыхъ поблизу, а живутъ недалеко какіе-то люди, которые хотя и говорятъ «по-русски», но все какъ-то иначе (всегда смѣшише), которые хотя и не одѣваются по-пански, но все какъ-то иначе, чѣмъ люди его села,—думаетъ каждый.

Иногда случится, что нѣсколько человѣкъ изъ одного села, или изъ одного уѣзда, или съ одинаковой одеждой или языкомъ поселятся по-сосѣдству. Тогда только они чувствуютъ себя отрадише. Они не смотрятъ уже на себя, какъ «на чужинцевъ», но какъ на близкихъ другъ другу.

Иногда случается, что немного людей съ одинаковымъ чувствомъ, какое бываетъ обыкновенно у нашего селянина, съ чувствомъ русской вѣры, соберется вмѣстѣ, чтобы воздвигнуть сватыню. Но тогда уже происходятъ споры, потому что не каждый одинаково понимаетъ русскую вѣру.

Другого рода связи между нашими людьми рѣдко случаются; напр., связей хозяйственныхъ и просвѣтительныхъ, какъ будто и не видно. Движеніе въ этихъ двухъ направленіяхъ едва лишь начинается. Движеніе это будетъ имѣть различныя препятствія со стороны своихъ же людей, но этому будетъ виною само воспитанье народное (Svoboda, № 47, 1898 г.).

«Vaterland», по словамъ «Wiel» (№ 296), помѣстилъ письмо Канадскаго архіепископа Adelard'a (въ st. Boniface), заключающее въ себѣ довольно интересныя подробности о галицкихъ эмигрантахъ.

«Въ моемъ округѣ (діацезіи) есть около 600 семействъ; изъ нихъ 500 католическихъ (надо полагать, греко-католическ.). Говорятъ или по-польски, или по-русски (русински). Другія 600 семействъ находятся къ сѣверу отъ Канады въ діацезіи Edmonton. Народъ этотъ убогій, но работащій и бережливый; несомнѣнно, многіе изъ нихъ приобрѣтутъ значительное состояніе. Прежде всего они занялись тѣмъ, что на небольшія деньги приобрѣли въ собственность огромныя пространства. Къ главѣ государства относятся съ великимъ почтеніемъ, любовью и уваженіемъ. Имѣю одного священника, который говорятъ по-польски, и другого, который учится этому языку, но этихъ не хватаетъ для исполненія духовныхъ потребъ паствы...» Затѣмъ архіепископъ рассказываетъ, что онъ уже строитъ «капицу» и школу надъ озеромъ Dauphin, потому что тамъ опять «пресвитеріане» агитируютъ среди эмигрантовъ.

О школьномъ вопросѣ у канадійскихъ русиновъ интересныя свѣдѣнія даетъ нѣкто г. Правдолюбовъ (Свобода, ч. 2). Русины колоніи Фокъ Риверъ (85 миль отъ Dauphin) рѣшили построить школу. Какъ только объ этомъ узнали французскіе патеры, сейчасъ же дали знать лат. архіепископу (Adelard'у, о которомъ мы выше упоминали) въ Виннипегъ, а этотъ уже прислалъ миссіонера въ русинскую колонію. Переходя отъ хаты до хаты, онъ каждого спрашивалъ: католикъ ли онъ? Разумѣется, каждый отвѣчалъ, что католикъ, разумѣя при этомъ:— греко-католическое исповѣданье. Но хитрый миссіонеръ заявилъ послѣ этого высшимъ духовнымъ властямъ, что русины католики *римскаго* обряда и испытываютъ нужду въ католической школѣ. Только черезъ нѣсколько дней поняли колонисты, съ какою цѣлью пріѣзжалъ ихъ опрашивать миссіонеръ. Собравшись 3 января на совѣтъ, рѣшили послать протестъ въ Министерство Просвѣщенія въ Оттавѣ. Народъ сильно возмущенъ, и если въ скоромъ времени не пріѣдетъ уніатскій священникъ (русинъ), то намѣрены обратиться къ православному епископу съ просьбой прислать имъ священника. Такимъ образомъ, даже въ новомъ свѣтѣ несчастные русины не избавились отъ тѣхъ насилій надъ совѣстью, отъ которыхъ, между прочимъ, бѣжали изъ Галиціи.

Поправка. Въ ст. К. Михальчука «Что такое малорусская рѣчь?», помѣщенной въ августовской кн. «Кіев. Стар.» сего 1899 г., замѣнены слѣдующія *важнѣйшія* опечатки:

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
	св.:	сн.:	
140	1	— разговорныхъ	разнородныхъ
—	—	1 <i>рабыи, пейте</i>	<i>рабы, пѣете</i>
141	14	— органическихъ	органически
—	—	6 интереснаго	интенсивнаго
—	—	2 своей	свои
142	—	13 особенностями	особенностями
—	—	12 теории	теоріи
—	—	11 языковагоі	языковаго
145	—	2 вытѣсняются	вытѣсняють
154	19	— распадающихся	распадающимися.
157	2—3	— функцией	физціей.
160	—	11 «не общерусскимъ»	не «общерусскимъ»
162	—	10 нѣчто другое; но что именно?	нѣчто другое? Но что именно?
163	13	— <i>ч т</i>	<i>и т</i>
164	8	— меѣа, преѣа	меѣа, преѣа.
—	19	— ježdze	ježdze
—	24	— л	ж
165	—	17 ř	ř (rj)
170	17	— рода	ряда
176	2—3	— нарѣчій ко всей	нарѣчій отчасти ко всей
—	24	— жалки	шатки
178	2	— лужицкимъ	лужицкими
—	9—10	— конечно, различіе	конечно, развитіе
179	9	— Въ составѣ	Въ составѣ
184	22	— сюжетъ	сюжеты
185	—	13 по всему	ко всему
—	—	10 гибелью	гибельно
187	14	— гегемоніи	гегемоніи
189	14	— преставители	представители
—	21	— впереди	впередъ
190	—	18 поскольکو	поскольку

191	9	—	не только	не столько
192	—	22	изъ такихъ	изъ нашихъ
—	—	18	польско-шляхетнаго	польско-шляхетскаго
—	—	17	отщепенцемъ	отщепенцевъ
—	—	8	привило	привело
194	7	—	творчествомъ другихъ	творчествомъ нѣкоторыхъ другихъ

Текущія извѣстія.

Украинско-русскій университетъ во Львовѣ. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія императ. Іосифъ II ввелъ въ львовскомъ университетѣ чтеніе лекцій на русскомъ языкѣ. Въ 1808 г. чтеніе на этомъ языкѣ было уничтожено и замѣнено языкомъ сначала латинскимъ, затѣмъ нѣмецкимъ, и наконецъ—польскимъ. Правда, львовскій университетъ теперь именуется утраквистическимъ, т. е. русско-польскимъ, въ которомъ должны существовать каѳедры съ чтеніемъ на «русскомъ» (галицкомъ) и польскомъ языкахъ—параллельно. Но, къ сожалѣнію, этотъ утраквизмъ существуетъ лишь на бумагѣ, а въ дѣйствительности Русины имѣютъ лишь нѣсколько каѳедръ съ чтеніемъ на «русскомъ» языкѣ. Сколько Русины ни прилагали усилій къ увеличенію числа каѳедръ,—труды ихъ не увѣнчивались успѣхомъ: поляки не только были противъ основанія новыхъ «русскихъ» каѳедръ, но и существующія не замѣщали годами. Профессоровъ-русиновъ игнорировали, не выбирали ихъ никогда ректорами—развѣ такихъ, что именуются *gente Rutheni, natione Poloni*, и ставили всевозможныя препятствія къ докторской степени.

Въ виду такого ненормальнаго и противозаконнаго въ сущности порядка вещей, украинско-русская университетская молодежь рѣшила поднять свой голосъ, чтобы подвинуть нѣсколько вопросъ объ основаніи русско-украинскаго университета во Львовѣ; съ этой цѣлью состоялось во Львовѣ 1-го іюля сего года собраніе студентовъ Львовскаго университета и делегатовъ другихъ городовъ и корпорацій около 500 душъ, кромѣ слушателей богословскаго факультета, которымъ было запрещено являться въ собраніе.

Резолюція собранія выражена была въ слѣдующихъ 3-хъ *desiderata*:

1. Украинско-русскіе студенты всѣхъ австрійскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, сообразно съ налогами, вносимыми «русскимъ» народомъ въ пользу австрійскаго правительства, и согласно тому, что конституція обезпечиваетъ свободное развитіе всѣхъ народностей, а также, что утравизмъ въ пренебреженіи, а число украинско-русскихъ студентовъ велико, обращаются къ правительству съ петиціей объ основаніи украинско-русскаго университета во Львовѣ.

2. Въ силу потребности въ украинско-русскомъ университетѣ, который обезпечить развитіе культуры, постановили послать меморіаль по этому поводу въ министерство вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія.

3. Обращаются съ призывомъ къ украинско-русскому обществу — поддерживать ихъ дѣло на каждомъ шагѣ.

Въ концѣ былъ прочитанъ и подписанъ меморіаль и прочитано 120 привѣтственныхъ телеграммъ, полученныхъ къ этому времени отъ свѣтскихъ русиновъ, духовенства, женскихъ клубовъ, крестьянъ, мѣщанъ и читаленъ.

Польская заграничная пресса, какъ и слѣдовало ожидать, отнеслась къ справедливымъ требованіямъ русинскаго студенчества крайне недоброжелательно. «Dziennik polski» назвалъ эти требованія «śmiezną i dziką pretensją», а «Czas» съ насмѣшками заявилъ, что въ скоромъ времени и студенты «жиды» стануть добиваться отдѣльнаго университета и признанія особой «жидовской» національности.

Будемъ надѣяться, что австрійское правительство отнесется къ требованіямъ русинской молодежи съ достойной справедливостью. (Литерат.-Науков. Вістник, т. XII, кн. VIII).

Памяти Афанасія Марковича. 16 мая, въ Черниговѣ отправлена была панихида по Афанасіѣ Марковичѣ по причинѣ постановки на его могилѣ надгробнаго памятника. До сихъ поръ могила Марковича находилась въ запустѣннѣи, не было даже деревяннаго креста на ней. Въ этомъ году кое-кому изъ черниговцевъ пришла благая мысль поставить на могилѣ небольшой памятникъ съ надписью: «Опанас Маркович — український письменник, родився р. 1822, почивъ 1867». 16 мая этотъ памятникъ и былъ поставленъ.

Потребность въ популярных малорусских брошюрахъ. Извѣстный публицистъ и философъ Владиміръ Лесевичъ, въ письмѣ въ редакцію «Сына Отечества» (№ 153), обращаетъ вниманіе на то, какое огромное значеніе имѣетъ для крестьянина-малорусса популяризація на народномъ языкѣ земледѣльческихъ интенсивныхъ системъ, и для примѣра указываетъ на извѣстную брошюру Е. Чикаленка «Розмова про сельске хазйство». Въ своемъ письмѣ г. Лесевичъ высказываетъ между прочимъ ту мысль, что только тогда народное благосостояніе достигнетъ болѣе высокой степени, когда на пути развитія и культурнаго движенія его перестанутъ стоять всевозможныя помѣхи, когда быть народа, какъ и дѣятельность талантовъ, работающихъ для народа, обставлены будутъ соответственными и нормальными условіями.

Шевченковская улица въ Черниговѣ. 12 мая черниговская городская дума обсуждала вопросъ о чествованіи юбилея Пушкина. Вспомнили, что Пушкинъ былъ однажды въ Черниговѣ и, какъ говорятъ, останавливался въ гостинницѣ «Царьградъ», существующей и нынѣ. При случаѣ вспомнили, что въ той же гостинницѣ въ 1847 году, во время великаго поста, проживалъ и Т. Г. Шевченко. Гостинница стоитъ на лучшей въ городѣ улицѣ—«Шоссейной». На собраніи предложили: назвать улицу «Шевченка» ту часть Шоссейной улицы, которая идетъ мимо упомянутой гостинницы и далѣе, вдоль бульваровъ, каедральнаго собора, въ направленіи къ р. Деснѣ; другую же половину, отъ поворота ея въ центрѣ города и губернской богадѣльни, назвать Пушкинской. Дума приняла предложеніе; постановка за утвержденіемъ...

Новонайденныя произведенія Шевченка. А. Я. Конисскому доставлены изъ бібліотеки одного изъ живыхъ еще пріятелей Шевченка три большія тетради поэтическихъ произведеній послѣдняго, написанныхъ собственною его, Шевченка, рукою. Большая часть произведеній въ этихъ рукописяхъ—варіанты уже напечатанныхъ, но есть среди нихъ и нѣсколько никому неизвѣстныхъ доселѣ, какъ напр. поэма «Юродывій» и др. Кромѣ того, эта рукопись имѣетъ большое значеніе еще потому, что, кромѣ новыхъ произведеній, даетъ возможность установить съ точностью хронологичныя даты не-

извѣстныхъ или находящихся подъ сомнѣніемъ, даетъ много вариантовъ, гораздо лучшихъ, нежели извѣстные до сихъ поръ въ разныхъ изданіяхъ Кобзаря. (Літерат.-Науков. Вістн., № 8).

Будемъ надѣяться, что объ этой находкѣ мы получимъ въ скоромъ времени и болѣе обстоятельныя свѣдѣнія.

Домъ Ивана Мазепы. Г. Мукаловъ въ кievской газетѣ «Жизнь и Искусство» (№ 115) обращаетъ вниманіе на домъ гетмана Мазепы въ Кіевѣ. Домъ этотъ стоитъ на Печерскѣ, на углу улицъ Эсепланадной и Никольской и своей давней архитектурой сильно выдѣляется между сосѣдними домами. Построенъ онъ въ два этажа: нижній — кирпичный, верхній — деревянный; фронтоны украшены колоннами; подъ домомъ большой погребъ. Матеріалъ и архитектура наводятъ на мысль, что ему не меньше 200 лѣтъ. Давнихъ домовъ въ Кіевѣ съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше, — по-этому желательно было бы, чтобы этотъ памятникъ старины былъ сохраненъ на далѣе.

Искъ по поводу Бакотскихъ пещеръ. Еще въ началѣ текущаго года владѣльцемъ части с. Бакоты былъ предъявленъ къ Подольской духовной консисторіи интересный искъ о признаніи за нимъ права собственности на состоящія нынѣ въ вѣдѣніи духовенства извѣстныя Бакотскія пещеры.¹⁾ Въ двухъ происходившихъ уже 30 мая и 26 августа судебныхъ засѣданіяхъ по этому дѣлу повѣренный истца доказывалъ захватъ косогора, гдѣ находятся пещеры, и требовалъ осмотра на мѣстѣ при участіи эксперта-землемѣра, а повѣренный отвѣтника, исходя изъ того положенія, что Бакотскія пещеры представляютъ собою древнее монастырище съ православнымъ храмомъ и не могутъ составлять частной собственности, въ данномъ случаѣ, повѣрца, тоже просилъ осмотра на мѣстѣ при участіи специалистовъ по исторической археологіи, причемъ указалъ на профессора университета св. Владиміра В. Б. Антоновича и свящ. Е. І. Свциискаго. Судъ отложилъ объявленіе резолюціи на 2-е сентября. Можно думать, что это дѣло, выдѣляющееся изъ ряда шаблонныхъ исковъ, потребуетъ еще не одного засѣданія, да и не преминетъ пройти всѣ инстанціи. (Подол. Губ. Вѣд. № 184).

¹⁾ См. о нихъ въ Кіев. Стар. 1891 г. № 10.

Портреты дѣятелей временъ Коліевщины. Въ «Приднѣпровск. Краѣ» помѣщена статья г. Шульгина, въ которой онъ описываетъ свое путешествіе по мѣстамъ Малороссіи, связаннымъ съ кровавой драмой коліевщины. Между прочимъ посѣтилъ онъ Матренинскій монастырь и нашелъ тамъ нѣкоторые портреты дѣятелей той эпохи. Здѣсь — говоритъ г. Шульгинъ — среди спокойно-строгихъ ликовъ православныхъ іерарховъ позднѣйшаго времени (митрополитовъ Платона, Иннокентія и друг.), глядятъ на васъ со стѣнъ усатыя лица гайдамацкихъ и запорожскихъ «батьківъ», съ лхими чупринами, исполненныя какой то сосредоточенной страстности. Особенно привлекаютъ ваше вниманіе два портрета масляными красками, на которыхъ изображены «лыцари» коліевщины (1768 г.) — Максимъ Желѣзнякъ и Иванъ Гонта.

Желѣзнякъ изображенъ въ темной одеждѣ послушника, съ которой плохо гармонируетъ лихо закрученная чуприна, серга въ правомъ ухѣ и рукоятъ козацкой сабли, на которой покоится лѣвая рука «лыцаря». Какъ извѣстно, онъ на время покинулъ веселое Запорожье и скрылся въ тиши Матренинскаго монастыря, пока не пробилъ часъ призвать народъ къ борьбѣ за вѣру и народность.

Гонта изображенъ на портетѣ въ обычномъ козацкомъ костюмѣ, съ характерными усами запорожца и чуприною.. А вотъ еще благообразное лицо, подъ митрополичьимъ клобукомъ, не безъ суровости во взглядѣ черныхъ глазъ. То добрый страдалецъ за вѣру православную, матренинскій архимандритъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій, освятившій возы съ ножами и бывший вдохновителемъ народа на борьбу съ вгомъ польскихъ и малорусскихъ пановъ.

Къ постановкѣ памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Авторъ бюста, предназначеннаго для памятника Котляревскому, скульпторъ Л. В. Позенъ, третьяго дня осматривалъ зданіе для просвѣтительныхъ цѣлей и конутно высказался передъ присутствовавшими при этомъ представителями городского управленія по поводу постановки памятника вблизи упомянутаго зданія. Г. Позенъ противъ постановки памятника въ этомъ мѣстѣ; онъ находитъ, что впереди просвѣтительнаго зданія умѣстиже было-бы поставить небольшой бюстъ Гоголя. Г. Позенъ, какъ мы слышали, предполагаетъ представить къ октябрьскому засѣданію думы свое заключеніе по поводу выбора мѣста для

постановки памятника и присутствовать лично при обсужденіи этого вопроса. (Полт. губ. Вѣд. № 173).

Состояніе могилы И. П. Котляревскаго. На могилѣ малорусскаго поэта И. П. Котляревскаго, на старомъ городскомъ кладбищѣ, вотъ уже два года установленъ мраморный надгробный памятникъ. До настоящаго времени памятникъ этотъ стоитъ безъ креста и ограды, которые, однако, уже почти цѣлый годъ какъ изготовлены въ мастерской ремесленнаго училища. Почему ограда и крестъ не переносятся на могилу, гдѣ имъ быть надлежитъ, а хранятся въ ремесленномъ училищѣ, неизвѣстно. Врядъ-ли только такое отношеніе къ памяти Котляревскаго вѣжется съ тѣмъ воодушевленіемъ, которое мѣстное общество проявило въ дѣлѣ составленія фонда для открытія памятника первому малорусскому поэту. (Полт. Губ. Вѣд. № 180).

Сѣздъ славянскихъ филологовъ. Въ чешской Прагѣ предложень въ 1901 или 1902 году первый сѣздъ славянскихъ филологовъ. Между прочимъ предполагается обсудить на сѣздѣ вопросъ о составленіи общаго руководства для изученія славянской филологіи, о введеніи однороднаго алфавита для всѣхъ славянскихъ языковъ, о составленіи полнаго древне-славянскаго словаря и словарей всѣхъ славянскихъ языковъ и др. Сѣздъ будетъ раздѣленъ на 4 секціи: языкованіе, литература, народовѣдѣніе и древности. Рефераты могутъ читаться на всѣхъ славянскихъ языкахъ, а также на французскомъ и нѣмецкомъ. Официальнымъ языкомъ будетъ чешскій.

Вопросъ объ этомъ сѣздѣ обсуждался въ частномъ собраніи славистовъ, сѣхавшихся въ Кіевѣ на XI археологическій сѣздъ.

Археологическая карта. На выставкѣ во время бывшаго археологическаго сѣзда въ Кіевѣ находилась, между прочимъ, замѣчательная карта Волини, составленная профессоромъ В. Б. Антоновичемъ. Карта эта стоила почтенному профессору слишкомъ 1½ годичнаго усидчиваго кропотливаго труда. Въ этой картѣ довольно рельефно выступаютъ условія заселенія Волинскаго края въ доисторическія эпохи. Въ картѣ В. Б. Антоновича обозначены археологическіе памятники въ 1,105 мѣст.; городищъ помѣщено 363, кургановъ—15,125 и раскопокъ—714.

Церковно-археологическіе комитеты. По отдѣльнымъ епархіямъ проектированы къ учрежденію особыя церковно-археологическіе комитеты. Этимъ комитетамъ предполагается поручить предварительное изученіе и разсмотрѣніе всѣхъ ходатайствъ и дѣлъ, возникающихъ въ епархіи по постройкамъ и реставраціямъ древнихъ храмовъ, иконописи, стѣнописи и проч. Заключенія комитетовъ по этимъ вопросамъ, съ тою или иною мотивировкою, основанною на непосредственномъ ихъ знакомствѣ со всѣми однородными памятниками епархіи, должны явиться матеріаломъ для правильнаго сужденія подлежащихъ административныхъ учреждений, которыя въ настоящее время поставлены въ необходимость разрѣшать эти вопросы большею частью на основаніи заключеній случайныхъ представителей археологін, иногда совсѣмъ незнакомыхъ съ мѣстными памятниками и мѣстными условіями и потребностями церковно-религіозной жизни. (Новороссійск. Телегр. № 7891).

П. А. Лашкаревъ. (Некроль). Въ ночь съ 27 на 28-е августа скоропостижно скончался на 66-мъ году жизни заслуженный профессоръ Кіевской духовной академіи *Петръ Александровичъ Лашкаревъ*, 40 лѣтъ порабатавшій въ академіи въ качествѣ преподавателя по кафедрѣ церковной археологін и каноническаго права, по которому онъ также читалъ лекціи въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ и въ Университетѣ св. Владиміра. Извѣстный въ наукѣ своими печатными трудами по своей спеціальности, покойный не мало поработалъ и надъ вопросами, связанными съ церковной археологіей нашего юга, и въ особенности Кіева; укажемъ, наирим., его статьи въ «Трудахъ Кіевск. Духовн. Акад.» — О кіевскихъ древнихъ церквахъ Спаса на Берестовѣ (1867 г., № 7) и св. Симеона (1879 г., № 5). Принималъ покойный участіе и въ Кіевскихъ Университ. Извѣстіяхъ», и въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», и въ «Трудахъ археологическихъ сѣздовъ» — Московскаго и Кіевскаго; даже въ только-что закончившемся XI археологическомъ сѣздѣ имъ былъ читанъ докладъ «Объясненіе церковныхъ древностей г. Чернигова».

БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Верзиловъ. Очеркъ торговли южной Руси съ 1480—1569. *Издание редакціи «Земскаго Сборника Черниловской губ.» Черниовъ 1898*
81 стр.

Работа г. Верзилова печачалась въ Земскомъ Сборникѣ Черни-товской губ.—оттого она и остается даже среди ученой публики ма-ловзвѣстной; между тѣмъ работа эта заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ по новизнѣ темы, такъ и по собраннымъ въ ней очень кропо-тливо фактамъ. „Очерки южно-русской торговли, по словамъ самого автора ихъ, являются результатомъ занятій южно-русской исторіей у проф. В. Б. Антоновича въ бытность автора студентомъ кіевскаго университета. Въ то время, говорить г. Верзиловъ, работа была на-мѣчена нѣсколько шире; предполагалось составить очерки промыш-ленности; былъ собранъ и матеріалъ въ такомъ объемѣ, но по окон-чаніи университета обстоятельства измѣнились, работа едва-ли будетъ продолжена, поэтому печатается первая часть ея въ томъ видѣ, въ какомъ она была закончена въ 1893 году“. Можно искренно пожа-лѣть, что авторъ не надѣется окончить своей работы: съ его добро-совѣстнымъ и кропотливымъ изученіемъ матеріала, умѣнемъ груп-пировать и критически относиться къ нему, мы, безъ сомнѣнія, по-лучили-бы отъ г. Верзилова цѣнный вкладъ въ науку. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ является работа нашего автора, она даетъ не мало цѣннаго въ области, которой до г. Верзилова едва касалась рука из-слѣдователя, а если и касалась, то только случайно, мимоходомъ.

Г. Верзиловъ разсматриваетъ исторію южно-русской торговли въ 1480 по 1569-й годъ. «Нами, говоритъ онъ, избранъ періодъ конца XV и первой половины XVI в. потому, что этотъ періодъ въ экономической жизни страны представляетъ законченную эпоху. Въ концѣ XV вѣка, съ развитіемъ могущества крымскихъ татаръ, Менгли-Гирей разрушаетъ Черноморскіе порты, что ведетъ къ упадку торговыхъ сношеній съ побережьемъ Чернаго моря. Далѣе открытіе Америки и пути вокругъ м. Доброй Надежды въ Индію кореннымъ образомъ измѣнило направленіе европейской торговли. Указанныя причины отразились на данномъ районѣ (т. е. на Украинѣ): упадкомъ торговли съ Востокомъ и, въ зависимости отъ этого, усиленіемъ торговыхъ сношеній съ Западомъ, упадкомъ земледѣлія въ Подліповьяхъ, вслѣдствіе прекращенія сбыта въ Черноморскіе порты и непрерывныхъ татарскихъ набѣговъ. Половина же XVI в., по мнѣнію изслѣдователей литовско-русской исторіи, представляетъ собою переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному. Съ этимъ временемъ, какъ извѣстно, совпадаетъ политическая унія Литвы съ Польшею, повлекшая за собою перемѣну въ сословно-экономическихъ отношеніяхъ. Между этими двумя историческими гранями—концомъ XV и половиной XVI в.в.—господствуетъ одна финансовая политика, выражавшаяся въ системѣ откуповъ, и преобладаетъ извѣстное направленіе правительства, стремившееся сблизить двѣ стороны къ принятію политической унии. Надо также принять во вниманіе, что для данной территоріи только съ конца XV в. имѣются сколько-нибудь обстоятельные историческіе матеріалы, количество которыхъ возрастаетъ, по мѣрѣ приближенія къ 1569 г., такъ что отодвинуть изслѣдованіе въ XV в. было бы крайне затруднительно (стр. 2—3).

Изслѣдованіе г. Верзилова въ томъ видѣ, какъ оно напечатано, распадается на двѣ части: въ 1-ой—авторъ собралъ данныя о торговлѣ внѣшней, во 2-ой—о торговлѣ внутренней въ южной Руси. Торговля внѣшняя шла съ юго-востока, съ запада и сѣвера Европы. Съ юго-востока привозили соль, лошадей, разные пряности турки и татары; съ юго-запада—молдавы и валахи. Внѣшняя торговля въ этомъ направленіи шла тремя путями: 1) по Днѣпру на Кіевъ; 2) на Каменецъ и Львовъ и 3) на Волынь, главнымъ образомъ, на Кременецъ и Луцкъ. Съ запада въ южную Русь товары шли изъ Венгріи, Чехіи и Молдавіи, странъ Итальянскихъ, Франціи. Доставлялись они или моремъ черезъ черноморскіе и молдаво-валахскіе порты, или на Краковъ и

Львовъ: самыя же обширныя торговыя сношенія шли черезъ Люблинъ и польскіе города: Познань, Гнѣзно и Варшаву. Не менѣе обширныя торговыя сношенія Украины были съ Гданскомъ (Данцигомъ), Торномъ и Королевцемъ (Кенигсбергомъ), по рѣчному пути Бугомъ и Вислой; а также и по сушѣ. Былъ на Украину привозъ и изъ московскаго государства. Московскихъ купцовъ мы встрѣчаемъ на Волынѣ, въ Крыму, въ Луцкѣ, Люблинѣ и Вильнѣ. Для иностранныхъ товаровъ въ нѣкоторыхъ польскихъ городахъ устраивались склады и гостинныя дворы. Говоря о внутренней торговлѣ, г. Верзиловъ очень внимательно старается собрать данныя о ярмаркахъ и торгахъ, о предметахъ торговли на нихъ, о торговлѣ напитками. Право торговать послѣдними въ Польшѣ отличалось нѣкоторыми характерными и своеобразными чертами. Заканчиваетъ свой очеркъ г. Верзиловъ сообщеніемъ собранныхъ имъ свѣдѣній о вывозной торговлѣ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что г. Верзиловъ старается только установить предметы торговли, пути, которыми она шла и производилась, и вовсе не касается техники торговли, юридическаго положенія торговцевъ, размѣровъ торговли и торговыхъ оборотовъ и т. п. Но и въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ какія поставилъ свою работу г. Верзиловъ, она заслуживаетъ, повторяемъ, полнаго вниманія какъ изслѣдователей, такъ и обыкновеннаго читателя. Написана она живымъ, яснымъ языкомъ; читается, поэтому, очень легко.

Н. В.

П. А. Кулишъ. Воспоминанія дѣтства (Повѣсти). Съ портретомъ автора и предисловіемъ В. И. Шенрока. *Бахмутъ 1899 г. I—II; 490 in. 16 Ц. 1 р. 25 к.*

П. А. Кулишъ, такъ много поработавшій для русской науки и литературы, а въ особенности стяжавшій себѣ славу въ области малорусской словесности, исторіи языка, — конечно заслуживаетъ того, чтобы изданы были въ свѣтъ его сочиненія, въ многихъ случаяхъ или совсѣмъ еще не бывшія въ печати, или издававшіяся за границей, или, наконецъ, сдѣлавшіяся теперь библиографической рѣдкостью. Въ виду этого, мы съ удовольствіемъ слышимъ вѣсти о томъ, что готовится въ настоящее время изданіе переводовъ Шекспира, сдѣланныхъ Кулишемъ уже давно, но обнаруженныхъ только въ

одномъ томѣ, въ который вошло всего три піесы (см. въ этой-же книжкѣ «Кіевск. Стар.», стр. 367); еще съ большимъ удовольствіемъ услышалъ-бы извѣстіе о томъ, что его переводъ Библии возможно будетъ увидѣть въ печати, равно какъ и цѣлый рядъ его рукописныхъ произведеній, о которыхъ см. выше, въ статьѣ «Умогль П. А. Кулиша и В. М. Бѣлозерскаго» (стр. 367—370). Но нельзя сказать, чтобы мы испытали особенное удовольствіе, посмотрѣвши на вновь вышедшую книгу, названіе которой стоитъ въ заголовкѣ нашей рецензіи.

Дѣло въ томъ, что эти повѣсти первоначально напечатаны были въ 1853—58 годахъ; двѣ изъ нихъ (Яковъ Яковлевичъ; Ульяна Терентьевна)—въ Современникѣ 1853 года, а третья (Оеклуша)—въ Русской Бесѣдѣ 1858 г., подъ извѣстнымъ псевдонимомъ «*Николай М.*». Если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія художественной, то признаемся, что самый способъ разсказа въ нихъ далеко не удовлетворитъ современнаго читателя, такъ-какъ, вопреки увѣренію г. Шенрока, мы не видимъ въ нихъ «живого и правдиваго изображенія стариннаго быта, а именно—во всемъ замѣчаемъ то, что отрицаетъ въ этихъ повѣстяхъ г. Шенрокъ, т. е. преувеличенія и аффектацію, дѣлающія, напр., Якова Яковлевича и Ульяну Терентьевну,—въ особенности послѣднюю со всѣмъ персонажемъ, окружающимъ ее,—далеко не типичными личностями, а какими-то воплощеніями добродѣтели, съ большою примѣсью сантиментально-романтическихъ прикрасъ. Что-же касается автобіографическаго значенія этихъ піесъ, то, во 1-хъ, данныхъ для біографіи Кулиша здѣсь слишкомъ мало, а во 2-хъ, если и придется пользоваться ими будущему біографу, то для него не представится затрудненій разыскать ихъ въ вышеупомянутыхъ журналахъ, или въ отдѣльномъ изданіи 1853 года (СПБ.), или даже въ изданіи повѣстей Кулиша (СПБ. 1860 года 3-й томъ). Однимъ словомъ, мы думаемъ, что особенной надобности въ изданіи разсматриваемой нами книги не было, и что средства, затраченныя на него, гораздо съ большей пользой могли-бы пойти на другія изданія сочиненій П. А. Кулиша, болѣе достойныя его памяти.

Этнографическое обозрѣніе 1896 г.

№ 1.

1) *М. Дикаревъ. Толки народа въ 1895 г.* Въ этой замѣткѣ передаются разные народные разсказы, напр: объ исчезновеніи мышей по той при-

чинѣ, что «мышачій царь погнавъ ихъ за Уралъ», о происхожденіи антихриста изъ земскихъ начальниковъ. Сильные дожди въ Кубанской обл. объясняются николаевскимъ солдатомъ такъ: «цежь воно проты войны». Про постановку въ Екатеринодарѣ оперы «Демонъ» народъ говоритъ, «шо въ Катеринодари зіймалы такого чорта, шо ва половыну чоловікъ, а на половыну чортъ». Его показываютъ въ театрѣ, «а винъ все бигъ, все бига, та идно въ долони плеще, та все спива, все спива». Отсюда и неизбѣжное заключеніе: «чырызъ три годы страшный судъ буде».

2) *Довнаръ-Запольскій М. Письмо въ редакцію по поводу рецензій его книги «Бѣлорусское Полѣсье», помѣщенной г. Крымскимъ въ янв. кн. 1896 г. «Кіев. Ст.»*

№ 2—3.

1) Въ отдѣлѣ критики и библиографіи помѣщена замѣтка А. Крымскаго на ст. В. Н. Ястребова—Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края, собранные въ Елисаветградскомъ и Александрійскомъ уѣздахъ Херсонской губерніи. Одесса. 1894 г.

№ 4.

1) *М. Дикаревъ. О царскихъ загадкахъ.* Здѣсь сообщаются народныя рассказы, въ которыхъ играютъ роль загадки. Сводятся онѣ къ тому слуху, что земли Кубанскихъ козаковъ нынѣ царствующій Государь отниметъ и отдастъ инородцамъ. Наиболее интересна 2-ая глава, въ которой идетъ повѣствованіе о солдатѣ, прослужившемъ 25 лѣтъ и не видѣвшемъ царя. Спустя нѣсколько времени, когда солдатъ встрѣтился съ царемъ, послѣдній предлагаетъ ему отгадать: «высоко-ли до неба, глубоко-ли въ землю и широко-ли солнце ходитъ?» Солдатъ отгадываетъ, получаетъ отъ царя 1000 р. и приказъ никому загадокъ не рассказывать. Между тѣмъ царь созываетъ своихъ генераловъ и предлагаетъ имъ отгадать ту-же загадку съ наградою въ 200 т. р., «а якъ не отгада, такъ у темныцю на 3 годы». Конечно, генералы не отгадали, но 3 изъ нихъ догнали солдата и за 3 т. р. узнали разгадку. Царь не повѣрилъ генераламъ и приказалъ жандармамъ догнать и допросить солдата. Жандармы донесли царю, что солдатъ на допросѣ сказалъ: «встрѣчалъ 3 соколовъ и по перышку съ каждого хвоста выдернулъ». Генералы были наказаны, а солдатъ сталъ «жыть-пожывать та добра нажывать». Въ остальныхъ главахъ, по поводу сказки П. С. Плуга-

тыря о женитьбѣ «Наслидныка», приводятся загадки объ испытаніи ума жениха или невѣсты.

Астреровъ В. Н. Изъ народныхъ устъ. О превращеніяхъ. Одинъ разсказъ передаетъ, какъ дочь вѣдьмы хотѣла «причаруваты» паробка съ помощію своей матери и какъ эти чары разрушилъ дядько паробка «упыряка». Другой разсказъ идетъ о матери-вѣдьмѣ, которую сынъ подковалъ, потому что она становилась ему на дорогѣ въ видѣ собаки, свиньи, или лошади, когда онъ шелъ съ вечерницъ. Превращеніе «двюкою» паробка въ вовулаку за то, что онъ пересталъ ее любить,—составляетъ содержаніе 3-го разсказа о *змійхъ*. Если плакать по покойникѣ, то «прыкльчешь» змія, который каждую ночь приходитъ въ плачущему, хотя и ведетъ себя спокойно до тѣхъ поръ, пока о томъ не узнаютъ «люды»; когда же о его посѣщеніяхъ заговорятъ, онъ «тоди начне кровь ныть и мучыть». Избавиться отъ этихъ посѣщеній можно молитвою да еще «пипъ великъ осычній кльиъ пробыты и росконать могылу» и «забыть ему колъ въ спыну», потому что мертвецъ въ «труни» лежитъ «ныць».

О кладахъ. Клады бываютъ «благополушни», т. е. такіе, что ихъ можно выконать во всякое время; «заклажени», т. е. положенные на опредѣленное число лѣтъ, по истеченіи которыхъ ихъ тоже можно взять, и «закляти» — тѣ, которыхъ взять нельзя никогда и которые пугаютъ копающихъ. При откапываніи клада не годится поминать чорта, иначе кладъ уйдетъ. Однажды человекъ коналъ кладъ при помощи своего знакомаго; «докопалысь до плиты; а вона була дуже важка; а винъ каже: чортъ батька зна, яка важка; а воно й зашумило». Помѣщенъ разсказъ старика о закопанныхъ въ м. Глодоссахъ, Елисавет. у., кладахъ.

Въ разсказѣ—*Что видѣлъ человекъ когда «замиралъ»?*—Ефремъ Бабенко, замиравшій на 5 дней, былъ въ раю и видѣлъ все. „Оце, чоловіче, говоривъ ему старецъ-путеводитель, ото, що велькій стилъ, то то велькій обидъ бувъ, богачъ велькій померъ; а це другый—то такъ соби чоловікъ померъ, що отвазавъ трохи всимъ; а це вже третій, що кусочки—то бидни старци одъ себе давали другимъ“. Повелъ онъ Ефрема въ роскошный садъ и отсюда приказалъ возвратиться на землю, чтобы разсказать людямъ, что онъ видѣлъ и „щобъ вони кадысь и людямъ все давали, що мають“. Изъ сада пошли на высокую гору, и здѣсь старецъ сказалъ: „дывысь, яка гора велька! от-ти, котри ничого не дають, тамъ, у тимъ провальди погыбають“.

1897 годъ.

№ 1.

1, *Мендельсонъ Н. М. Къ повѣр'ямъ о св. Касьянѣ.* Въ с. Деписовкѣ, Лубен. у., записано Г. П. Потанинымъ слѣдующее повѣрье: Касьянъ сидѣлъ на стулѣ неподвижно, съ опущенными рѣсницами, которыя у него столь длинны, что достигаютъ до колѣнъ; изъ-за этихъ рѣсницъ онъ не видитъ Божьяго свѣта. Только 29 февраля, въ високосный годъ, поутру поднимаетъ рѣсницы и оглядываетъ мѣръ; на что онъ тогда глянетъ, то погибаетъ; поэтому не совѣтуютъ выходить въ этотъ день рано утромъ изъ хаты на огородъ.

2, *Ивановъ П. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Купянскомъ уѣздѣ, Харьковской губ.* Въ статьѣ этой изложены всѣ примѣты и повѣрья, относящіяся къ беременности женщинъ, рожденію ребенка, роли повивальной бабки, крещенію ребенка. Къ статьѣ приложены мѣстныя (Купянскаго и Старобѣльскаго уѣзда) колыбельныя и дѣтскія пѣсни, приговорки, а также прикладки къ венамъ и ключи.

№ 2.

П. И. Кое что изъ народныхъ примѣтъ, касающихся погоды и урожая. (Матеріалы для характеристики міровоззрѣнія и быта крестьянъ Купянскаго уѣзда). Въ предисловіи къ матеріаламъ авторъ приводитъ то мнѣніе ученыхъ, что повѣрья, обычаи и обряды малороссовъ носятъ на себѣ слѣды вліянія древняго классическаго греко-римскаго міра на славянъ, перешедшаго въ Малороссію чрезъ Польшу вмѣстѣ съ календарями и распространившася черезъ книжниковъ и въ народную массу. Въ календари эти грамотѣи включаютъ чтимые народомъ апокрифы (напр. Сонъ Богородицы), а вмѣстѣ съ ними и таблицу „несчастливыхъ дней“, объ одной изъ которыхъ сказано такъ: «таблица эта составлена славнымъ европейскимъ астрологомъ Цибульскимъ, военнаго монастыря въ Каменной стѣнѣ найдена была 165 года.» Къ этой таблицѣ помѣщено 32 дня, въ которыхъ «кто родится, тотъ бываетъ небогаты; а кто заболѣетъ, не такъ скоро выздоровѣетъ; или если перейдетъ со двора во дворъ, или съ службы на службу, или изъ деревни въ деревню, — вездѣ за нимъ послѣдуетъ несчастіе». Земледѣліе тѣсно связано съ явленіями природы, а потому эти явленія не только вызываютъ вниманіе хлѣбопашца и запечатлѣваются

въ его памяти, но и передаются поколѣніямъ. Въ приложеніи—народныя примѣты аргарнаго характера сгруппированы въ два отдѣла: 1) предсказаніе погоды и 2) предсказаніе урожая.

2) *Басимевъ М. К. Къ вопросу о новыхъ мотивахъ въ малорусской народной поэзіи.* (Изъ украинскыхъ сахарозаводскихъ пѣсенъ) Авторъ высказываетъ мнѣніе, что народное малорусское творчество, послѣ героическаго періода жизни малорусскаго народа, не остановилось и не ослабѣло, а идетъ своимъ чередомъ: послѣ освобожденія крестьянъ, народныя пѣсни останавливаются на «волѣ», безземельи, бурлачествѣ, на экономической зависимости отъ пановъ, евреевъ, на работахъ на сахарныхъ заводахъ и пр.; всѣ эти факты сдѣлались предметомъ народныхъ поэтическихъ размышленій. Въ статьѣ приводятся сахаро-заводскія пѣсни, въ которыхъ разсказывается о дурныхъ условіяхъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ.

3) Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщенъ разборъ: Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. V, гр. И. Толстаго и Н. Кондакова; здѣсь между прочимъ читаемъ: «теперь легко доказать, что самыя утонченныя производства существовали въ Кіевѣ, что ими занимались русскіе мастера, и при томъ въ широкихъ размѣрахъ, что мастера эти распространили свои производства въ Рязань, Суздаль, а слѣдовательно находка византійскаго стиля вовсе не представляетъ собою греческаго эпоса, но напротивъ—памятникъ мѣстной работы».

4) Въ извѣстіяхъ и замѣткахъ перепечатано «о Волинскомъ областномъ музеѣ въ Городкѣ, Ровен. у., въ имѣніи Бар. Штейнгеля и напечатанъ краткій некрологъ П. А. Кулиша.

№ 3.

1) *Маминка А. Н. Малорусское весилья.* (Свадебные обряды и пѣсни, записанные въ м. Мринѣ, Нѣжин. у. Черн. г.). Описаніе малорусской свадьбы сдѣлано по слѣдующимъ рубрикамъ: время свадьбы, сватанье, розглядныны, змовыны, здача молодецтва, приготовленіе коровай и вилецъ, здаванье молодецтва и пришитіе квитки, вѣнчаніе, влыканье на весилья, собраніе поѣзда, отыскиваніе молодой, продажа молодой братомъ, раздача подарковъ и коровай, игра въ колоколъ, ужинъ, здача молодецтва, прощаніе дружокъ съ молодою, отъѣздъ ея и встрѣча новобрачныхъ въ домѣ молодого. Въ приложеніи помѣщена молитва первобрачной невѣстѣ изъ рукописи первой половины нынѣшняго вѣка, находящейся въ Успенск. церквѣ м. Мрина.

2) Въ отдѣлѣ библіографіи: *А. Васильевъ*. Обычное право крестьянъ Харьк. губ. В. I, подъ редакцію В. В. Иванова. Выпускъ состоитъ изъ 2-хъ частей: въ 1, помѣщены сообщенія 29 волостныхъ судовъ, а во 2, вошли отдѣльныя записи по обычному праву, накопившіяся въ дѣлахъ уголовныхъ судовъ.

№ 4.

1) *Малинка А. Н.* Къ исторіи народнаго театра I. Живой вертепъ (записано въ Нѣжинѣ). Содержаніе I дѣйствія: Иродъ привлекаетъ Спекулятору привести Рахиль, а Донскому козаку убить ея ребенка, п. ч. «младенецъ сей родился для погибели моей», но является смерть съ косою и убиваетъ Ирода. Дѣйствіе II: между горбатымъ старымъ мужикомъ въ лохмотьяхъ и Наполеономъ происходитъ комическая сцена, основанная на томъ, что мужикъ не понимаетъ вопросовъ Наполеона и даетъ отвѣты, которые его сердятъ. Въ III дѣйствіи Донской козакъ выпиваетъ «шабашкову горілку» жиды и засыпаетъ; когда же жидъ хочетъ у спящаго вытащить деньги, Д. воз. бьетъ его. Въ IV дѣйствіи рыцарь убиваетъ дѣвушку за то, что она отказывается любить его; въ V-мъ же, и послѣднемъ, цыганка ходитъ съ тарелочкою и проситъ у зрителей вознагражденія, а цыганъ подгоняетъ ее плетью. Живой Вертепъ, записанный въ Нѣжинѣ по показанію николаевского солдата Александра Збронскаго, составленъ солдатомъ м. Носовки Котляревскимъ; онъ рѣзко отличается отъ другихъ вертеповъ.

2) *М. Дикаревъ*. *Народные толки 1897 г.* Рассказывается, что „у насъ у Моловатци (село Богучар. у.) есть жинка, що торгуе безъ свидѣтельства на половину дешевле лавочниковъ“; она мать антихриста и за свой дешевый товаръ начнетъ прикладывать всѣмъ своимъ покупателямъ печати; въ 99 году солнце „заковется, царь утиче у чужу землю, людъ змишаются, и царь одынь буде на весь свить. Являются пророки, «но царь прикажетъ ихъ убивать; когда же кровь ихъ попадетъ на землю, „займытся уси земля, съ того буде страшный судъ“.

Другое сообщеніе рассказываетъ, что въ селѣ Петричьи (Богуч. у., Воронеж. губ.) „чоловикъ солдатъ“ заковалъ себя 11 лѣтъ назадъ желѣзомъ, въ которомъ и ходитъ; и у роти у него пятакъ; винъ носе на те, щобъ не балакати». Никто его не дозна, чы винъ святой, чи якый винъ есть“.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ газ. «Русланъ» (№ 165) напечатана статья «Историчный музей Василя Тарновскаго», въ которой авторъ (О. Я. К—ий), по поводу смерти В. В. Тарновскаго, передаетъ кратко исторію рода Тарновскихъ, начиная съ Григорія Степановича Тарновскаго, владѣвшаго въ Черниг. губ. селами Качановкой и Парафіевкой въ 30-хъ и 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, продолжая затѣмъ его родственникомъ и наслѣдникомъ всѣхъ богатствъ, Василиемъ Васильевичемъ Тарновскимъ, и заканчивая сыномъ послѣдняго Вас. Васильевичемъ, недавно скончавшимся въ Кіевѣ. Въ этой-же статьѣ далѣе разсказывается о знаменитомъ музеѣ Тарновскаго, пожертвованномъ Черниговскому губернскому земству, и о томъ инцидентѣ, благодаря которому, по почину губернскаго гласнаго Ф. Лизогуба, вопросъ о музеѣ въ Черниговскомъ земствѣ нѣсколько затянулся, т. к. Черниговскій губернаторъ не утвердилъ постановленія земскаго собранія, асигновавшаго 20 т. р. на постройку зданія для этого музея.

Въ газ. «Wien. Tageblatt» помѣщена передовая статья, присланная изъ Петербурга, о національныхъ вопросахъ въ Россіи, и между прочимъ о малорусскомъ вопросѣ. Авторъ статьи, представивъ коротенькій очеркъ исторіи Украины, съ большимъ сочувствіемъ относится къ Украинѣ въ ея прошломъ и съ грустью видитъ, что въ современномъ ея положеніи есть больныя мѣста (*Дѣло, № 144*).

Въ Кіевѣ готовится изданіе полнаго собранія сочиненій *Ив. Левицкаго (Нечуя)*. Первый томъ уже вышелъ изъ печати въ Петербургѣ, а сверхъ того будетъ выпущено еще два тома.

Переводъ произведеній Шевченка на сербскій языкъ. Въ № 7, мы успинали уже о переводѣ Авг. Гарамбашичемъ произведеній

Шевченка на сербскій языкъ, въ сербскомъ жувналѣ «Нада». Теперь въ № 10 того-же журнала встрѣчаемъ переводы еще слѣдующихъ стихотв.:

- I. Тешко е на свјету живјетъ
Сироти безъ рода
(Тяжко, важно въ свити жыты
Сироти безъ роду)
- II. Мисао за мишлѹ ројемъ излетава
(За думою дума роємъ вылитае)
- III. Што је мени тешко, што ли тако тужно
(Чого мени тешко, чого мени нудно)

Въ № 11-омъ:

- IV. Пролазе дни, пролазе ноцьи
(Мынають дни, мынають ноци)
- V. Вјетар в гаї нагинае
Лозу і тополю
(Витеръ въ гаи нагынае
Лозу и тополю)
- VI. Ја баш вечѹ да се женим,
Вечъ се од тог браним
(Не хочу я женытсы,
Не хочу я братысь)

Въ № 12-омъ:

- VII. За баракомъ барак,
А ту степа и могила
(За байракомъ байракъ,
А тамъ степъ, та могила)
- VIII. «Не пуштај матери!» казали,
А ти си пустила, утекла
(«Не выдай матери!» казали,
А ты покынула, втекла).
- IX. И сад снівям;
Испид горе,
Меджъ врбама поврх воде
Колиба ся біели...

(И доси снятся: нидь горою
Мажъ вербамы та надь водою
Биленька хаточка).

Всѣ переводы, какъ видимъ, очень близки къ оригиналу.
(Літерат.-Науков. Вістник, т. VII, кн. VШ).

Только-что упомянутый сербскій писатель *Гарамбашичъ* началъ печатать на хорватскомъ языкѣ въ «*Matica Hrvatska u Zagrebu*» переводъ рассказовъ Марка-Вовчка. (Ibid).

Въ редакцію поступили слѣдующія книги:

- 1) Матеріалы для климатологіи юго-запада Россіи *А. Клоссовскаю*. Одесса, 1899 г. Текстъ: I—XL; 1—336; I—CIV стр. Карты — числомъ 9.
- 2) *Herbarz Polski* Том I, zeszyt 5 и 6.
- 3) *П. Тутковский*. Къ вопросу о способѣ образованія лесса. (Отгискъ изъ «Землевѣдѣнія» 1899 г.). Моск. 1899 г., стр. 1—99
- 4) *И. В. Посадскій*. Среднія учебныя заведенія Кіевскаго учебнаго округа за десятилѣтіе 1889—1898 г. г. Кіевъ, 1899 г., стр. 1—19; 1—51 и 17 таблицъ.
- 5) *Я. Жарко*. Оповідання. Полтава, 1899 г., стр. 1—66.

Къ минувшему *Археографич. Създу Кіевская Археологическая Комиссія* выпустила два изданія:

- 1) *Палеографическій Изборникъ*. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII ст. Въ немъ заключается вводная статья *И. М. Каманина* подъ заглавіемъ: «Главные моменты въ исторіи развитія южно-русскаго письма въ XV—XVIII ст.» и 81 фототипическихъ снимковъ изъ подлинныхъ южно-русскихъ рукописей тѣхъ же вѣковъ. Цѣна книги 5 рублей.
- 2) *Матеріалы по исторіи русскаго картографіи*. Карты всей Россіи и южныхъ ея областей до половины XVII ст. Здѣсь фототипически воспроизведены 32 карты съ 1474 по 1650 гг. Въ числѣ ихъ имѣются весьма рѣдкія карты *Николая Кузана*, *Баттисты Агнеше*, *Вида*, *Мюнстера*, *Герберштейна*, *Гастальдо*, *Дженкинсона*, *Массы*, *Боплана* и др. картографовъ. Въ предисловіи, составленномъ редакторомъ изданія *В. А. Кордтомъ*, даны обстоятельныя бібліографическія поясненія къ снимкамъ. Цѣна книги 5 рублей...

Археологическая лѣтопись.

1-го числа прошлаго августа въ Кіевѣ открылся XI Археологическій съѣздъ, продолжавшійся по 20-ое августа. Въ виду того, что съѣздъ былъ устроенъ въ Кіевѣ, что областью, изслѣдованію которой главнымъ образомъ посвящались подготовительныя работы къ съѣзду, была Волынь, — древности нашего юга играли первенствующую роль на съѣздѣ: ихъ касалось большинство рефератовъ, исключительно ими были заполнены выставки, устроенныя при съѣздѣ. Предсѣдатель съезда графъ П. С. Уварова любезно предоставила въ распоряженіе редакціи Кіевской Старины помѣщенный выше докладъ, гдѣ дается общая характеристика съезда и подводятся итоги его. Желая болѣе подробно познакомить нашихъ читателей съ тѣми рефератами, которые спеціально касаются Южной Россіи, мы, за краткостью времени, имѣющагося въ нашемъ распоряженіи, откладываемъ это до слѣдующаго номера.

Н. Б.

Изслѣдованія и раскопки.

Н. Е. Бранденбургъ, уже много лѣтъ производящимъ раскопки у насъ на югѣ, главнымъ образомъ въ Кіевской губ., въ послѣднее время были сдѣланы раскопки также въ Полтавской и Подольской губ., — о нихъ мы сообщаемъ краткія свѣдѣнія.

Раскопки близъ с. Кулешовки, Золотоношскаю у. Полтавской губ. Изъ раскопанныхъ здѣсь кургановъ, очень интереснымъ оказался одинъ, давшій нѣсколько погребеній. Въ насыпи кургана встрѣчены три могилы, изъ которыхъ двѣ заключали погребенія съ скелетами въ скорченномъ положеніи и одна, нѣсколько болѣе поздняя, представляла могилу происхожденія скифо-сарматскаго. Въ послѣдней найдены слѣды двухъ совершенно истлѣвшихъ скелетовъ, лежавшихъ

въ вытянутомъ положеніи, почти рядомъ, головами на сѣверъ и при нихъ: глиняная амфора и два простыхъ горшка, короткій желѣзный мечъ, копье, остатки желѣзнаго чешуйчатого панцыря, удила, нѣсколько наборныхъ бронзовыхъ бляшекъ и бронзовыхъ же наконечниковъ стрѣль. Въ материкѣ—четыре могилы, расположенныя рядомъ, въ которыхъ были погребены 9 скелетовъ: а) въ первой—4, въ вытянутомъ положеніи, головами на востокъ и на западъ, при которыхъ найденъ лишь обломокъ бронзоваго колечка; б) во второй—однѣ, и при немъ бронзовый и кремневый наконечники стрѣль и глиняный горшечекъ; в) въ третьей—два скелета въ такомъ же положеніи, головами на востокъ и на западъ, и при нихъ два горшечка, кремневый наконечникъ стрѣлы и обломокъ бронзы; г) въ четвертой—два скелета, оба головами на западъ; одинъ въ вытянутомъ положеніи, другой на спинѣ-же, но съ ногами, поджатыми и раскинутыми въ колѣнахъ въ разныя стороны; при первомъ находился глиняный горшокъ, а при послѣднемъ найденъ кремневый наконечникъ стрѣлы.

Раскопки близъ м. Каменки, Ольгопольскаго у. Подольской губ. Здѣсь, на берегу рѣки Днѣстра, встрѣчено любопытное курганное кладбище, въ которомъ обнаружены погребенія съ конями. Могилы находились въ материкѣ, подъ небольшими курганными насыпями, состоявшими изъ груды плитообразныхъ кусковъ мѣстнаго известняка, перемѣшанныхъ съ черноземомъ, причемъ нѣкоторые куски были въ 10 пуд. вѣсомъ. Въ каждой могилѣ заключался скелетъ въ вытянутомъ положеніи, выше котораго была бревенчатая настилка и сбоку лежалъ остовъ коня, иногда-же послѣдній былъ помѣщенъ выше, а могила съ человѣческимъ скелетомъ находилась рядомъ, но глубже. Ямы для конскихъ остововъ очень тѣсныя, такъ что черепъ коня оказывался по большей части внѣ ямы, какъ-бы лежащимъ на приступкѣ, а туловище на брюхѣ, съ подогнутыми ногами. Въ могилахъ были находимы конскія удила, стремяна, желѣзные наконечники стрѣль, ножи, огнива, костяныя пластинки, небольшіе бронзовые сосуды, глиняныя пряслицы, остатки ткани и проч., а въ одной повидимому остатки колчана, покрытаго берестой.

Въ составѣ того-же кладбища оказалось нѣсколько кургановъ подобныхъ же, но безъ конскихъ остововъ; въ нихъ были находимы большія бронзовыя круглыя зеркала, оселки, желѣзныя шила, ножи, конскія удила, бронзовыя шпильки, немного бусъ и нѣсколько экземпляровъ желѣзныхъ ножницъ нынѣшней современной формы.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ могилахъ постоянно повторялись находки кости ноги животного средней величины (въ родѣ барана или теленка), очевидно имѣвшей ритуальное значеніе.

Черепъ вообще всѣ короткоголовые, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сохранность ихъ допускала сдѣлать наблюденія.

Въ общемъ описанное кладбище очень аналогично съ типомъ подобныхъ же могилъ въ Каневскомъ у. Киевск. губ., о которыхъ было сдѣлано сообщеніе Н. Е. Бранденбургомъ на Рижскомъ Археолог. съѣздѣ, уже напечатанное въ Трудахъ того-же съѣзда; по утверженію автора, мотивированному разными соображеніями археологическаго и историческаго характера, типъ могилъ съ конями долженъ представлять собой могилы тюркскихъ кочевниковъ—Печенѣговъ.

Раскопки кургановъ у с. Волковцы, Роменск. у. Полтавской губ. Въ теченіе лѣта С. А. Мазоракъ продолжалъ раскопки у с. Волковцы, гдѣ уже производились имъ раскопки въ 1897 и 1898 гг. Сообщаемъ сѣдѣнія объ изслѣдованіяхъ двухъ кургановъ, расположенныхъ въ дачѣ Коровинцы.

Первый курганъ, высотой 27 арш. и окруженностью 375 шаговъ, имѣлъ острую форму, окруженъ рвомъ и валомъ, насыпанъ изъ чернозема. Ниже горизонта, подъ насыпью, открыта могильная яма, выкопанная въ желтой глинѣ, величиной 7 на 6 арш. и глубиной 6 арш.; сверху яма была закрыта толстыми дубовыми бревнами. Въ сѣв.-зап. углу ямы найденъ разбитый сосудъ мѣстной работы, вмѣстимостью до 25-ти ведеръ, на стѣнкахъ его видны слѣды какого-то осадка. По всей могилѣ были разбросаны кости животныхъ—собаки, свиньи и какого-то травояднаго. У сѣв.-зап. угла могилы открытъ грабительскій ходъ, 2 арш. высотой и 1½ арш. шириной, у входа въ который находились кости человѣка, желѣзный топоръ и копье. Такимъ образомъ могила оказалась ограбленной.

Второй курганъ, высотой 26 арш. и окруженностью 410 шаговъ, имѣлъ форму, приближающуюся къ полушаровидной, также окруженъ валомъ и рвомъ и насыпанъ изъ чернозема. Могила подъ насыпью выкопана въ бѣломъ грунтѣ, размѣръ ея 8 на 6 арш., глубина 5 арш. Яма обложена дубовыми брусками и изъ такихъ же брусковъ была сдѣлана верхняя настилка; дно ямы, какъ кажется, было посыпано известью. Въ сѣв.-вост. углу ямы найденъ большой сосудъ, подобный предыдущему; посреди могилы—костякъ, судя по сохранившимся не-

тронутыми костямъ ногъ и таза, лежавшій головой на югъ; съ правой стороны костяка, у пояса,—желѣзный мечъ съ золотой рукояткой, украшенной звѣриннымъ орнаментомъ и съ ножнами, обложенными золотой пластинкой; возлѣ меча—золотой массивный осликъ, какъ служившій украшеніемъ уздечки. Отъ скелета сохранилась, уже упомянуто, только нижняя его часть, тамъ-же, гдѣ должны быть туловище и голова, обнаруженъ подкопъ, шедшій снизу. Въ юго-вост. углу могилы найдено около 18-ти желѣзныхъ удиль съ костяными рѣзными псаліями, костяной наборъ отъ уздечки въ формѣ лошадиныхъ головокъ и бронзовыя псаліи, подобныя костянымъ. Въ восточной сторонѣ, у самыхъ стѣнокъ, стояли остродонная амфора, небольшой горшокъ мѣстной работы и два маленькихъ горшечка; на стѣнкахъ селена обнаружены также остатки матеріи. Тѣ немногочисленные предметы, которые уплѣли, даютъ основаніе думать, что погребеніе было очень богатымъ, но и эту могилу постигла участь почти общая для всѣхъ скифскихъ могилъ—она была ограблена и ограблена въ близкое къ погребенію время.

Въ теченіи исходящаго лѣта *В. Н. Доманицкимъ* были произведены пробныя раскопки кургановъ въ слѣдующихъ мѣстахъ Кіевской губерніи.

Близъ с. *Павловки, Уманскаго у., на фермѣ «Ольмино»* раскопанъ небольшой курганъ, одинъ изъ 6-ти, тянущихся цѣпью на разстояніи нѣсколькихъ саженъ одинъ отъ другого. Раскопанный курганъ имѣлъ 87 шаговъ въ окружности и $1\frac{1}{2}$ арш. высоты. Въ матеріяхъ обнаружена могильная яма, глубиной 2 арш. 2 вер. и діаметромъ 2 арш. 10 вер. Въ ямѣ, на глубинѣ 1 арш. 14 в., находился сильно истлѣвшій скелетъ, направленіемъ ю. ю. з.—с. с. в.; ноги скелета въ согнутомъ положеніи, кости въ сильной степени окрашены охрой. Нѣсколько ниже (3—4 в.), въ направленіи з. з. ю.—в. в. с., лежалъ другой скелетъ, повидимому ребенка, почти совершенно истлѣвшій. На той-же глубинѣ, въ направленіи с. с. з.—ю. ю. в.,—еще одинъ скелетъ, отъ котораго сохранились только берцовыя кости. Два послѣднихъ скелета лежали прямо на подпочвѣ—желтой глинѣ. Надъ верхнимъ скелетомъ обнаружена настилка изъ дубовыхъ бревенъ. Возлѣ нѣкоторыхъ костей скелетовъ находились остатки должно быть матеріи—свѣтло-желтыя шелковыя волокна. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ находиться тазъ верхняго скелета, немного правѣе, лежалъ слой пепла, толщиной и шириной вершка 3.

Близъ с. Кривое-Кольно, Уманскаго-же у. раскопанъ курганъ, находящійся на вершинѣ склона къ р. Горскому-Тяпчу. Курганъ, называемый «Попова могила», имѣлъ 140 шаговъ окружности и $2\frac{1}{2}$ арш. высоты. Къ юго-вост. отъ него шаговъ на 150 возвышается огромный курганъ, сообщающійся съ предыдущимъ дорожкой, выложенной изъ довольно значительныхъ глыбъ булыжника. При раскопкѣ перваго кургана, въ насыпи его, на глубинѣ $\frac{1}{4}$ арш., въ сѣв.-вост. части найденъ скелетъ, направленіемъ ю.-с., головой на югъ, скелетъ сильно испорченъ. Ниже вершка 4—другой скелетъ, въ такомъ положеніи, что голова его приходилась подъ головой перваго, направленіе его—с.-в.; оба скелета окрашены. У головы этого втораго скелета оказался небольшой глиняный горшокъ, ручной выдѣлки, здѣсь-же, возлѣ горшка, найденъ кусокъ кремневаго ножа и кусочки охры. На томъ-же уровнѣ въ южной части насыпи открытъ 3-ій скелетъ, а въ восточной—4-ый. У всѣхъ ихъ кости разбросаны, такъ что нельзя опредѣлить положенія отдѣльныхъ частей; нужно кромѣ того замѣтить, что нѣкоторыя кости, особенно конечностей, до того пропитались известковыми солями, что обратились какъ-бы въ окаменѣлости.

Еще ниже, на глубинѣ 1 арш. и 13 в. отъ верхушки кургана, оказались параллельно лежація, на разстояніи 1—3 верш. одно отъ другаго, дубовыя бревна, длиной 1,95—2 метра. Подъ бревнами четырехугольная яма, направленіемъ з.-в., 2 арш. 7 в. длины, 1 арш. 10 в. ширины и 1 арш. 10 в. глубины. Въ восточной части, въ обоихъ углахъ ямы, стояли столбы; такіе-же столбы стояли очевидно и въ западной части, но впоследствии упали и оказались лежащими на днѣ ямы по сторонамъ находившагося тамъ скелета. Скелетъ лежитъ на подпочвѣ (желтой глинѣ), ноги первоначально были въ согнутомъ положеніи, кости сильно окрашены. Возлѣ головы скелета найдены куски костей какаго-то животнаго, на двухъ изъ нихъ находятся косые нарѣзы. Кромѣ того, подъ срубомъ найденъ скелетъ (безъ головы) собаки.

На полѣ, близъ с. Колодистаго, Звенигородскаго у., въ разстояніи одной версты отъ села, находится 2 большихъ кургана и болѣе десятка мелкихъ, едва замѣтныхъ и распаханныхъ. Одинъ изъ послѣднихъ и былъ разрытъ.

Окружность кургана—50 шаговъ, высота— $1\frac{1}{2}$ арш. Курганъ былъ покрытъ гранитными плитами, которыя изрѣдка попадались

сверху и теперь. На глубинѣ одного арш., на насыпи лежали дубовыя бревна; на $\frac{1}{2}$ арш. глубже въ юго-зап. части кургана оказалась яма, въ формѣ продолговатаго четырехугольника, размѣрами 2 на 4 арш. и направлениемъ в.-з.; бревна быми расположены не подъ самой ямой, а немного въ сторонѣ. Глубина ямы 1 ар. 10 в., дно ея посредниѣ устлано березовой корой, по дланѣ ямы, шириной около $\frac{1}{2}$ арш. Отъ скелета, лежавшаго на этой подстилкѣ, уцѣлѣли только берцовыя кости; колѣни въ согнутомъ положеніи. Подъ костями и далѣе на подстилкѣ найдено 22 бронзовыхъ трехранныхъ стрѣлы, у нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились остатки древка, а у одной и цѣлое древко. У ногъ скелета найденъ затѣмъ небольшой бронзовый колокольчикъ. Въ южной и юго-зап. части ямы, упираясь въ бокъ ея, обнаружены кости повидимому лошади, между костей которой проходилъ дубовый колъ, тутъ-же найдены еще двѣ бронзовыя стрѣлки и, между костями человѣка и животного—желѣзное копье, 47 см. длиной. Въ сѣв.-зап. части ямы найдено до 40 кусковъ желѣза и небольшой желѣзный предметъ неопредѣленнаго назначенія. Содержимое могилы очень испорчено грызунами, скелеты которыхъ встрѣчались тутъ-же на разной глубинѣ.

Случайныя находки.

«Дѣвичья гора» у с. Сахновки, Черкасск. у., начинается серьезно соперничать со своей богатой сосѣдкой—«Княжей горой». Повидимому послѣднее городище начинаетъ истощаться, что и неудивительно, такъ какъ эксплуатируется оно чуть-ли не 30 лѣтъ и эксплуатируется довольно энергично. Сахновское городище начато разработкой недавно и хотя оно несомнѣнно уступаетъ по количеству, разнообразію и богатству предметовъ Княжей горѣ, но уже и теперь дало довольно много интересныхъ предметовъ.

Въ теченіе двухъ прошедшихъ мѣсяцевъ привозимыя въ Кіевъ древности шли главнымъ образомъ съ Дѣвичьей горы. Среди обычныхъ предметовъ заслуживаетъ особаго вниманія найденное тамъ бронзовое паникадило. Состоитъ оно изъ ажурнаго круга, 40 см. діаметромъ, въ срединѣ котораго находится широкое отверстіе съ придѣланнымъ снизу помещеніемъ для лампы, также ажурнымъ. По борту круга идетъ невысокій ободокъ изъ прорѣзной пластинки, къ

которому придѣланы въ четырехъ противоположныхъ мѣстахъ типичныя для княжеской эпохи стержни для свѣчей съ украшеніями въ видѣ пѣтушковъ. Четырьмя цѣпочками эта нижняя часть приврѣплена къ ажурному полушарію, изъ центра котораго идетъ вверхъ составная цѣпь, заканчивающаяся бронзовымъ накладнымъ крючкомъ; отъ крючка спускаются внизъ на тонкихъ цѣпочкахъ 4 небольшія прорѣзные блшки. Не смотря на то, что работа паникадила не отличается особенной тонкостью отдѣлки, не смотря также на простоту композиціи, паникадило производитъ впечатлѣніе изящнаго и художественнаго произведенія. Замѣчательно и то обстоятельство, что паникадило сохранилось почти въ цѣломъ видѣ, хотя составлено оно изъ довольно тонкихъ частей—это первый случай такого рода находки въ горищахъ на побережьи Руси; много разъ, особенно на Княжей горѣ, находились отдѣльные части лампадъ, но это были скорѣе обломки, не давашіе никакого представленія о цѣломъ. (Паникадило поступило въ собраніе Б. И. Ханенко).

Изъ болѣе мелкихъ находокъ отмѣтимъ овальную серебряную иконку съ рубчатымъ ушкомъ, на которой тонкой чернью исполнено погрудное изображеніе Іоанна Крестителя; по сторонамъ головы надписи † ІѦКМІЗ. Изображеніе обращено влѣво, и эта поза ясно указываетъ, что иконка представляетъ часть Деисуса, остальные части котораго не сохранились. Насколько намъ извѣстно, это первый случай находженія части такого рода Деисуса, до сихъ поръ они встрѣчались лишь въ золотѣ съ эмалью. (Иконка поступила въ собраніе Н. П. Чернева).

—

На „Марьиной горѣ“, смежной съ Княжей, въ той части ея, гдѣ гора переходитъ въ поле, недавно открыты слѣды жилища по видимому мастера костяныхъ и роговыхъ издѣлій. Въ прежнее время, да зачастую и теперь, по урочищамъ, расположеннымъ вблизи Княжей горы, во время земляныхъ работъ нерѣдко открывались слѣды землянокъ, относимыхъ къ тому-же времени, что и городище на Княжей горѣ, т. е. XII—XIII в. Такъ напр., нѣсколько землянокъ обнаружено настоящимъ лѣтомъ при сланировкѣ земли на усадьбѣ у подошвы «Малаго Городища», встрѣчались здѣсь и находки кое-какихъ предметовъ. На вышеупомянутомъ мѣстѣ слѣдовъ собственно жилища еще пока не обнаружено, но открытъ слой, состоящій изъ массы костей и главнымъ образомъ роговъ оленя, лося, козы и т. п.

Это почти все отбросы, оставшіеся отъ выдѣлки предметовъ; на многихъ изъ нихъ видны слѣды отпиловъ, нарѣзовъ, сглаживаній. Тутъ же встрѣтились и нѣкоторые изъ инструментовъ: желѣзные долотца нѣчто въ родѣ ножа, небольшая наковальня. (Все найденное поступило въ наше собраніе).

Музеи и собранія древностей.

Херсонскій Археологическій Музей. Еще не такъ давно, именно 31 мая прошлаго года, послѣдовало открытіе Херсонской губернской архивной комиссіи и археологическаго музея при ней. Незадолго передъ этимъ херсонскій губернаторъ обратился съ циркуляромъ къ различнымъ учрежденіямъ и лицамъ, въ которомъ довольно ярко очерчено положеніе, въ какомъ находились мѣстныя древности и приведены нѣкоторые факты, касающіеся исторіи учрежденія музея и комиссіи. Считаемо не лишнимъ привести выдержки изъ этого циркуляра.

«Херсонская губернія изобилуетъ древностями всѣхъ эпохъ, начиная отъ каменнаго вѣка и до послѣднихъ временъ иноземнаго здѣсь владычества. Тысячи могильныхъ насыпей, которыми устья южныя степи, охраняютъ останки прежнихъ насельниковъ здѣшняго края вмѣстѣ съ ихъ утварью и нехитрыми орудіями.

«Это драгоцѣнное наслѣдіе старины расхищается невѣжественными кладоискателями, мечтающими о зарытыхъ въ землѣ несмѣтныхъ сокровищахъ. Не находя въ курганахъ желанныхъ денегъ, хищники безжалостно истребляютъ обстановку древняго погребенія вмѣстѣ со скелетами ея обладателей. Привольныя степи херсонскія скрываютъ хищниковъ отъ глазъ полиціи: не подѣ силу администраціи борьба съ грабителями могилъ,—и гибнетъ безслѣдно въ варварскихъ рукахъ достояніе науки.

«Еще задолго до Рождества Христова по морскому побережью въ предѣлахъ нынѣшней Херсонской губерніи процвѣтали греческія колоніи: Никоній, Фиска, Пристань Исіаковъ, Пристань Истрианъ, Скоцули, Одессъ и Алекторъ; цѣлые ряды неизвѣстныхъ намъ по имени древне-греческихъ поселеній гирляндами окружали устья большихъ и малыхъ рѣкъ; а во главѣ всѣхъ этихъ классическихъ горо-

довъ, поселковъ и факторій стояла богатая Ольвія. Почва этихъ старыхъ цепелищъ переполнена античными древностями.

«Ольвійское кладбище въ конецъ расхищается мѣстными крестьянами, къ которымъ приспособилась группа антикваровъ-промышленниковъ, снабжающихъ ольвійскими находками преимущественно заграничные музеи: румынскій, британскій и берлинскій. Въ послѣднее время подвергся разграбленію морской островокъ Березань, въ могилахъ котораго сокрыты памятники древнѣйшаго періода греческой культуры.

«Беззащитное положеніе памятниковъ мѣстной старины обратило вниманіе мѣстнаго статистическаго комитета, секретарю котораго, В. И. Гошкевичу, удалось въ послѣдніе годы организовать дѣло собранія мѣстныхъ древностей, при содѣйствіи сельскихъ учителей, священниковъ и другихъ образованныхъ людей. Раскопки кургановъ, предпринятые тѣмъ-же лицомъ въ различныхъ частяхъ губерніи, доставили не мало интересныхъ предметовъ древности. Добытыя этими раскопками коллекціи поступили, по распоряженію Императорской археологической комиссіи, частью въ Императорскій эрмитажъ, частью въ Московскій историческій музей; въ свою-же очередь Императорская археологическая комиссія снабдила музей статистическаго комитета интересными вещами изъ случайныхъ находокъ въ Херсонской губерніи. Произведенныя тѣмъ-же лицомъ систематическія разысканія древностей по дюнамъ лѣваго побережья Днѣпровскаго устья, въ мѣстности геродотовой Гюлен, дали въ результатъ обильную коллекцію предметовъ каменнаго вѣка, греко-скиѣскаго періода, такъ называемаго готскаго стиля и временъ послѣдующихъ кочевниковъ, населявшихъ нашу окраину. Въ послѣдніе два года, подъ руководствомъ названнаго лица производится смотрителемъ тираспольской земской больницы І. Я. Стемповскимъ систематическія раскопки кургановъ въ окрестностяхъ г. Тирасполя; до сихъ поръ вскрыто уже болѣе 150 кургановъ и всѣ добытыя изъ нихъ вещи, съ согласія Императорской комиссіи, ностунили въ тотъ-же музей—при статистическомъ комитетѣ.

«Съ другой стороны, имѣющіеся въ губерніи архивы разныхъ учреждений до сихъ поръ не разработаны систематически съ научною цѣлью, специальное же изслѣдованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, произведенное еще въ 1835 году А. А. Скальковскимъ, хотя и привело къ открытію цѣнныхъ историческихъ документовъ, но при этомъ

остались вовсе неразысканными цѣлыя архивы, въ которыхъ когда то хранились дѣла первоначальныхъ дней Новороссіи.

«Лично убѣдившись въ крупномъ научномъ интересѣ коллекцій юнаго херсонскаго музея, я съ удовольствіемъ узналъ, что херсонское городское управленіе отнеслось весьма сочувственно къ мысли объ устройствѣ губернскаго археологическаго музея, и для этого предложило бесплатно помѣстить собранныя при статистическомъ комитетѣ коллекціи въ прекрасномъ зданіи городской бібліотеки, специально приспособивъ въ немъ для музея три комнаты; нѣкоторые частныя лица предложили въ даръ музею собранныя ими коллекціи древностей; на средства-же города нынѣ устраиваются витрины и шкафы для вещей.

«Видя въ такомъ всеобщемъ сочувствіи къ этому полезному учрежденію залогъ прочнаго его развитія, я призналъ своевременнымъ предложить статистическому комитету выдѣлить изъ его вѣдѣнія археологическій музей и передать таковой въ полное распоряженіе херсонской ученой архивной комиссіи.

«Въ силу Высочайше утвержденнаго 13 апрѣля 1884 года положенія комитета г.г. министровъ о губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссіяхъ, это учрежденіе имѣетъ цѣлью собраніе, изученіе и изданіе какъ историческихъ документовъ, извлекаемыхъ ею изъ мѣстныхъ архивовъ разныхъ вѣдомствъ, такъ и всякихъ другихъ памятниковъ старины. Широкія полномочія въ распоряженіи архивами дадутъ херсонской ученой комиссіи полную возможность обогатить мѣстную исторію забытыми фактами изъ прежней жизни этого края, хотя и недавней, но весьма интересной».

Начатое такимъ образомъ дѣло продолжаетъ крѣпнуть, музей пополняется все новыми и новыми пожертвованіями, о чемъ не разъ упоминалось и въ нашей «Лѣтописи», и городъ Херсонъ можетъ гордиться, что обладаетъ такимъ, хотя и скромнымъ, но устроеннымъ съ знаніемъ дѣла учрежденіемъ, не бьющимъ на виѣшній эффектъ, а преслѣдующимъ строго научныя цѣли разработки и сохраненія мѣстной старины.

Музей занимаетъ три комнаты въ новомъ зданіи общественной бібліотеки; помѣщеніе вполне приспособлено для музея: высокія сѣна съ желѣзными рѣшетчатыми ставнями, негораемая стѣны, полы и потолки, желѣзныя двери, отопленіе грѣтымъ воздухомъ. Предметы

систематически размѣщены въ удобныхъ 6-ти шкафахъ и 13-ти витринахъ.

Въ первой комнатѣ хранятся древности черодотовой Гюлей: коллекція каменныхъ орудій, керамическихъ фрагментовъ, грузилья и пряслица, издѣлій изъ бронзы и желѣза, бусы и т. п. Тутъ-же помѣщено небольшое собраніе предметовъ козацкой старины: перначъ, сабля, рушница, двѣ картины и др. и коллекція монетъ.

Вторую комнату наполняютъ: коллекція вещей изъ раскопокъ І. Я. Стемпковскаго въ окрестностяхъ г. Тирасполя (кургановъ различныхъ эпохъ разрыто до послѣдняго времени болѣе 400), предметы изъ случайныхъ находокъ и отобранныя у кладовискателей вещи изъ кургановъ Александрійскаго, Елисаветградскаго и Херсонскаго уѣздовъ, коллекція ольвійскихъ ручекъ съ штемпелями, каменная баба оригинальнаго типа (съ ребенкомъ) изъ Тираспольск. у., мраморная гробница съ геометрическимъ и растительнымъ орнаментомъ—оттуда же, мраморное надгробіе Генуэзской эпохи—изъ Херсонск. у. Здѣсь же, на хорахъ, размѣщены планы и карты различныхъ мѣстностей Херсонской губерніи.

Въ третьей комнатѣ—древности Ольвіи (между ними мраморное надгробіе Календота, V—IV в. до' Р. X., глиняная лампа съ головками скифовъ и др.), а также случайныя находки и вырытыя кладовискателями вещи изъ Одесскаго и Ананьевскаго уѣздовъ.

Инициаторомъ и душой Херсонскаго музея является В. И. Гошкевичъ, начавшій занятія древностями здѣсь, въ Кіевѣ, и вотъ уже цѣлый рядъ лѣтъ работающій на этомъ поприщѣ въ Херсонѣ; мѣстное общество, да и вообще всѣ, кому дорога разработка областной археологіи, должны сказать г. Гошкевичу большое спасибо за безкорыстное служеніе дѣлу.

Разныя извѣстія.

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ передаваемое газетами извѣстіе, что полтавскимъ губернаторомъ представленъ на утвержденіе Министерства внутреннихъ дѣлъ проектъ устава *Общества любителей изученія Полтавской губерніи*. Цѣлью этого общества, учредителями котораго являются мѣстные жители Полтавы, поставлено: научное изученіе, изслѣдованіе и описаніе губерніи въ отношеніяхъ естественно-

историческомъ, археологическомъ, историческомъ, этнографическомъ, экономическомъ и т. п. Очень будетъ жаль, если этотъ проектъ постигнетъ судьба аналогичнаго проекта общества изслѣдователей Волынской губерніи, поданнаго уже болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ и все еще не получающаго движенія.

—

Намъ приходится еще разъ (и вѣроятно не послѣдній) указать на тотъ печальный фактъ, что даже въ Кіевѣ памятники старины очень мало интересуютъ тѣхъ, кому-бы слѣдовало ими интересоваться. Имѣемъ въ виду мѣсто на Вознесенскомъ спускѣ, гдѣ строится новое зданіе духовной семинаріи. Здѣсь были произведены довольно глубокія выемки для фундаментовъ, причемъ встрѣчались различные культурные остатки. Въ виду того, что лицу, приставленному наблюдать за постройкой, не было дано никакихъ инструкцій, все, что находилось, безжалостно уничтожалось; мы знаемъ, что такимъ образомъ была разбита найденная тамъ большая амфора, разбиты и брошены части шиферной плиты и т. п.

—

Въ іюньскомъ номерѣ Трудовъ Кіевской Духовной Академіи помѣщена очень интересная статья проф. Н. И. Петрова—*«Археологическая находка на хорахъ въ великой церкви Кіево-печерской лавры»*, гдѣ подробно указаны обстоятельства находки, перечислены документы, лежавшіе въ сосудахъ съ монетами, и описаны нѣкоторые болѣе замѣчательные экземпляры найденныхъ монетъ и медалей. Статья снабжена 5-ю отлично исполненными фототипіей таблицами снимковъ; здѣсь, между прочимъ, помѣщена и медаль кн. Константина Константиновича Острожскаго.

ществу... говорю *по-преимуществу*, такъ-какъ предъ этимъ праздникомъ и послѣ него онѣ болѣе имѣютъ свободнаго времени для отработки взятаго, чѣмъ во всякое другое время года и потому что въ это время года особенно *раздается* воскъ на *пивмиткы* и на *сорочки* владѣльцами пасѣкъ и зажиточнѣйшими хозяйками, имѣющими прядива много, а рабочихъ рукъ мало, и потому покупающими воскъ и спекулирующими.

Вотъ, мой читатель, важнѣйшіе предметы, на которые хозяйка-украинка обращаетъ особенное вниманіе, приготовляясь къ *Роздвяннымъ святкамъ!* Въ слѣдующемъ письмѣ побесѣдую съ вами о *Богатой кутѣ*.

Письмо 2-е. ¹⁾

Б А Г А Т А К У Т Я.

Пойдемте-ка сегодня, друзья мои, на рѣку.. да пойдемъ пораньше, очень рано!.. этакъ-вотъ, какъ вторые пѣтухи пропеютъ... Сегодня Багата кутя, сегодня день тамъ, на рѣкѣ, начинается,—такъ чтобы чего не прозѣвать! И не на большую какую рѣку пойдемъ, на Днѣпръ, что ли,—нѣтъ! для дѣла, конечно, все равно; но на большихъ рѣкахъ зимою только гладь да гладь снѣжная: скучно тамъ въ это время, особенно ночью—ничего нѣтъ возлѣ, жизни никакой, движенія никакого. Пойдемте лучше на Сулу или Псѣль, или еще лучше, пойдемте на Удай или на Оржицу какую: тутъ тоже иногда между берегами версты двѣ-три; но посрединѣ не рѣдко видѣется большой островъ, а на острову—большой лѣсъ: ужь и разнообразіе! Притомъ, часто случается, что вся эта двух-верстная, трехверстная ширина, вплоть отъ берега до берега, очеретá да лозы, съ узкимъ только, главнымъ, ложемъ рѣки посрединѣ, да съ густою затѣйливою сѣтью дорогъ, дорожекъ, прогалинъ, *ровѣвъ ривчакѣвъ* (каналовъ, каналчиковъ), *бакаѣвъ*, *ковбѣтъ* (ямъ въ болотѣ) и т. д., на остальномъ пространствѣ...

¹⁾ Основа 1861 г., май, 49—72.

Разказы М. Т. Симонова.

Приложене въ Кіевск. Старинѣ 1899 года.

Вотъ мы спустились съ горы, вотъ мы уже углубились въ этотъ лабиринтъ перекрестковъ, поворотовъ, излучинъ, тѣсныхъ проходо́въ... Тутъ вотъ очереть выровнялся, вдоль тропинки, высокой, темной стѣною, а тутъ нависла цѣлая труппа кустовъ лозы, курчавыхъ, растопырившихся, перепутанныхъ, словно чортъ туда вскочилъ и метался тамъ, какъ угорѣлый, три дня и три ночи, чтобы добрымъ людямъ и толку нельзя было добраться!.. вотъ *вѣрша* темнѣется вдаль на снѣговой кучѣ, словно изъ чернаго мрамора памятникъ на бѣломъ пьедесталѣ.. а вотъ озябшей бабой скорчился и надулся на снѣгу стогъ сѣна!... И такъ тихо-тихо кругомъ: заяцъ развѣ, испуганный ходьбою, пырснетъ изъ болотной булы и промчится гдѣ-то мимо... будто легкій вѣтерекъ всколебалъ воздухъ и легкой струйкой пронесся туда-вотъ, дальше и дальше, по верхушкамъ осоки и мягкаго *оситняку*... или ледъ гдѣ треснетъ отъ морозу... послышится изъ лѣсу глухой шумъ вѣтвей отъ испуганной птицы и посыпавшагося затымъ снѣга... долетитъ оттуда, съ горы, сонное тавканье какого-нибудь Барбоса, которому во снѣ пригрезился волкъ... А вокругъ васъ воздухъ чистый-чистый, легкій, какъ юношескій сонъ предъ разсвѣтомъ, или легкая ноша жизни счастливецъ... а надъ головами звѣзды надувшіяся ¹⁾, словно красавицы мои землячки, когда отъ Иордани разсыплются домой... Боже, какъ тутъ и въ зимнюю ночь хорошо!..

Но вотъ мы и на рѣкѣ!.. Бѣлая, снѣжная полоса вьется въ темнотѣ по-межъ лозъ и очеретовъ, изрѣдка перерѣзываемая поперегъ торчащими, словно зубья гребня, кольями *изкѣвъ*, да покрытая продольными рядами снѣговыхъ купъ, *духивъ* ²⁾...

Тихо; еще никого нѣтъ на рѣкѣ! Неужели еще спать до сихъ поръ *рыбалки*? А посмотримъ туда, на гору, на село!.. Нѣтъ, вы не туда смотрите: это темнѣетъ Никонова *стинка* ³⁾,

1) О звѣздахъ, если онѣ не свѣтять ярко, украинцы говорятъ, что онѣ *понадувались, понануцали*.

2) *Изкѣвъ*—запруда рѣки для ловли рыбы; *духъ*—прорубь, тоже для ловли рыбы. Духъ закрывается обыкновенно конусообразною кучею снѣга.

3) Роца, расположенная по отлогости горы.

тамъ ничего не увидите... Смотрите туда, дальше: вонъ ровная полоса, это—*водопило* (спускъ къ водопою)... дальше, вонъ что-то *буваніе*, это живутъ Коржи... а вотъ, дальше, блестятъ, словно волежъ въ темнотѣ очами *свитыть*,—это въ Калѣниковой хатѣ *свитытця*... Но—тише!...

Слышится вдали мѣрный скрипъ чьихъ-то шаговъ по свѣгу, тамъ, по направленію къ селу,—и отъ времени до времени раздаются мѣрные удары чѣмъ-то металлическимъ въ ледъ... О, это, *рыбалка*, непременно рыбалка!... твердый, мѣрный шагъ по льду въ эту пору, и въ то же время проба прочности его ударами *плешни*—только рыбалка въ ночную пору будетъ такъ смѣло ступать по льду этихъ болотъ и только рыбалка бываетъ такъ остороженъ съ ними, что какъ онъ хорошо ихъ ни знаетъ, а все таки отъ времени до времени пробуетъ плешнею напередъ, *не вымерзла ли гдѣ вода, не подпáрыло?*¹⁾ ли гдѣ, нѣтъ ли гдѣ *бпая*, или брошеннаго и незамерзшаго *дѹха*?...

Да, это рыбалка, дѣйствительно рыбалка! Слышите—собака у него только теперъ залаяла? Собака такъ-себѣ какого-нибудь моего земляка, очутившись въ ночную пору въ лозахъ и очеретахъ, то и дѣло, что лаяла бы,—на свѣгу много заячьихъ, лисьихъ и волчьихъ слѣдовъ и ей бы вездѣ видѣлись зайцы, лисицы и волки; притомъ, *посмиттюшокъ* (птички) выгоняла бы изъ болотныхъ кущъ, а можетъ, гдѣ-нибудь и въ самомъ дѣлѣ выскочилъ бы заяцъ. Но собака рыбалки идетъ тихо: она собственнымъ и долговременнымъ опытомъ убѣдилась, что лаять на болотѣ на всякій заячій, лисій или волчій слѣдъ, бѣгать и вричать при видѣ посмиттюшки или зайца,—это значило бы напрасно только надрывать себѣ грудь и ноги. Она залаетъ только тогда, когда дѣйствительно почуветъ близко звѣря, или чужого человѣка...

¹⁾ Т. е., не подогрѣло ли гдѣ снизу льду. Подогрѣваніе такое бываетъ особенно на такъ-называемыхъ *пронояхъ*. Если ледъ подогрѣтъ уже до такой степени, что въ немъ образовывается промоина, болѣе или менѣе замѣтная, то является *опарь*.

Но вотъ шаги все ближе и ближе, и шагахъ въ десяти отъ насъ, изъ за ближайшаго куста лозы, вырѣзались, наконецъ, на фонѣ рѣчной полосы, сперва лающая собака а потомъ высокая человѣческая фигура, вся въ сѣромъ въ *шапци-магирци*, въ коротенькой *свитци* поверхъ коротенькой *кожушѣнки*, въ суконныхъ шараварахъ, длинныхъ сапогахъ, съ *сохырою* за поясомъ, съ *торбѣю* черезъ плечо, съ лопатю въ лѣвой рукѣ и съ длинною плѣшнею въ правой... Завидѣвши насъ, человѣческая фигура обратилась къ лающему животному и ласково сказала: „мовчы, Мѹшка, свои“! и по кличкѣ собаки, и по голосу ея владѣльца, мы узнаемъ Нестора всѣхъ рыбалокъ села Рожкивъ, семидесятилѣтняго Каленика, по отчеству Даниловича, по прозванію Перегрѣя.

— Добрыдень, чы добрыдосвитокъ!—привѣтствовалъ насъ старикъ.

„Здорѣви булы, Даныловичу“!

— Бѹдьте здорѣвы зъ Багатою Кутѣю!

„Спасыби, бѹдьте й вы здорѣви“!

— А що, порѣ вже прыймѣтця за дило!

„Порѣ, порѣ, Даныловичу! порѣ“!...

— Порѣ, порѣ!

И положивши плешню на ледъ, перекрестившись и взявши въ обѣ руки лопату, Даниловичъ принялся за дѣло, и своими семидесятилѣтними руками открылъ на Рожинскихъ болотахъ святой день Багатою Кутѣю—и для села Рожкивъ, и для села Хвоцивъ, и для хутора стараго и веселаго Череванѣ, и для всѣхъ селъ и хуторовъ на пятнадцать верстъ въ окружности...

Но оставимъ Коленика, а съ нимъ и всѣхъ земляковъ моихъ рыбалокъ! пусть они открываютъ лопатами *духи*, вытаскиваютъ изъ воды *кобзы* и *верши* (рыболовные снаряды изъ тонкихъ прутьевъ), вытрушиваютъ изъ нихъ вьюновъ, карасей, щукъ и т. д.: все это болѣе или менѣе обыденныя вещи зимняго рыболовства и насъ сегодня не касаются. Намъ нужно было только посмотрѣть, какъ и кѣмъ начинается у насъ день Багатою Кутѣю: увидѣли,—домой пойдѣмъ теперь и соснемъ немного, потому что

начнетъ разсвѣтатъ еще нескоро, да и всѣ еще спать. Сегодняшній день не вчерашній, и сегодняшній *дбсвитокъ* не вчерашній: вчера всѣ обыкновенныя работы закончены, сегодня можно поспать подолбе... А пока дойдемъ,—такъ сказать, на сонъ грядущій, я вамъ расскажу вотъ-что...

Въ обыкновенное время, рыбаки наши, потрусивши рыбу, оставляютъ свой рыболовный *пбсудъ* почти всегда на рѣкѣ, тамъ же у *изкѣвъ* и *духивъ*: „У насъ щобъ тѣе... щобъ хто ѣноди чужый соби... крый Бигъ“! развѣ иногда, какъ говорится, „панщынá затѣшетца“ (панскіе люди до нихъ доберутся). Но на Багату Кутю они забираютъ его весь домой: наступаютъ праздники—кто же станетъ ловить рыбу въ это время! Къ тому жъ, впереди столько свободнаго времени—можно, что нужно, въ снастяхъ починить, передѣлать; ну, да и то сказать, праздниками по *лѣдѣмъ* столько пляется парубковъ, дивчатъ и такъ всякаго веселаго народу—*кбвзаютъся, зъ колядкамы хбдѣть* и т. д., обуяетъ шаль кого, натащитъ вершу на голову, или нацѣпитъ кобзу черезъ плечо,—офицеръ-де онъ въ киверѣ, и къ дивчатамъ, дескать, пришло погулять; или бандуристъ или *рѣлмыкъ* онъ съ бандурою или *рѣлею* (лирою), компанію пришло потѣшить, и—гу, гу! пошла въ догонку вся веселая толпа по очеретамъ и по всѣмъ загогулинамъ за офицеромъ въ киверѣ или за бандуристомъ съ бандурою! и поминай вершу или кобзу, какъ звали!...

Расскажу вамъ еще вотъ-что!

— Рыбалки наши, въ обыкновенное время, оцѣниваютъ достоинства улова, какъ и всякіе другіе рыбаки, т. е. по количеству пойманной рыбы, по качеству ея и по величинѣ; но въ день Багатой Кути для оцѣнки его принимается ими другая мѣрка. Чтобы лучше вы могли понять значеніе ея, этой мѣрки, надобно вамъ сказать, что въ день Багатой Кути, во всей почти Украинѣ, употребляется въ пищу почти исключительно одна мелкая рыба, т. е. мелкихъ породъ. Какая этому причина, я, можетъ быть, постараюсь объяснить ниже, а здѣсь довольно намъ знать, что у насъ такой обычій, и что этотъ обычай до того у насъ соблюдается, что, не смотря на нашу любовь къ рыбѣ вообще

и къ рыбѣ большой въ особенности, не смотря на то, что мы и при всякомъ удобномъ случаѣ стараемся запастись любимымъ нашимъ лакомствомъ, а тѣмъ болѣе для дорогихъ намъ почему-либо дней, не смотря, говорю, на все это, даже тѣ изъ насъ, которые побогаче и имѣли бы полную возможность достать, на-примѣръ, хоть свѣжаго осетра, даже и тѣ, у которыхъ стародавніе обычаи начали ужъ понемногу ослабѣвать, все мы ѣдимъ на Багату Кутю рыбу мелкихъ породъ, и именно ѣдимъ больше всего щуку и караса, особенно первую, такъ-что безъ щуки и кутя бываетъ у насъ *ырява* (остриженная, окарнанная), и хозяйка безъ щуки не можетъ выступить во всемъ блескѣ своего умѣнья снаряжать для Багатой Куты *вечѣрю*. Послѣ щуки и караса больше всего годится у насъ для Багатой Куты—*лынь*, за линомъ слѣдуютъ окунь и плотва, и только совершенный недостатокъ такой рыбы принудить моего земляка обратиться къ другимъ породамъ, или же крайняя его бѣдность заставить его ограничиться одними вьюнами. Послѣ этого, понятно, я думаю, для васъ, какою мѣркою оцѣниваютъ мои земляки-рыбалки свой уловъ!—„А що, Даныловичу, спрашиваетъ Каленика Переграя Федоръ Ополонка, когда рыбалки возвращаются домой послѣ своей ловли:—яковѣ (каково? т. е. какой уловъ у тебя? Земляки мои вообще не любятъ разглагольствовать широковъщательно, любятъ выражаться сжато, покороче, лишь бы ихъ поняли)?“—„Та слава Бѣгу! ничѣго! *сѣгодняшнѣи* такы впало чымало (сегодняшней, т. е. нужной для сегодняшняго дня, поймаюсь таки довольно).“—„А въ мене—замѣчаетъ со вздохомъ Федоръ Ополонка:—тільки пара щупелѣтъ, ато все одинъ уюнь наголо“!

Скажу еще вамъ въ заключенье, что рыбаки наши, возвращаются въ обыкновенное время съ рѣки домой врозь, когда кто дѣло свое кончить, не поджидая другъ друга,—въ день Багатой Куты отступаютъ отъ общаго правила и возвращаются кучами, съ своими сосѣдами, близкими и далекими: до разсвѣта еще не скоро, и время теперь свободное, можно поговорить, можно разпросить, кому и сколько *впало сѣгодняшнѣи*. Это и ин-

тересно для рыбалки, и необходимо, чтобы знать, как распорядиться съ излишкомъ пойманной имъ рыбы. Тутъ же пересказываютъ рыбалки другъ другу разныя свои рыболовныя *приведенции*, тутъ же преподаются, молодымъ и неопытнымъ, испытанные долготѣною практикою разныя приемы рыбной ловли, и рассказываются несвѣдущимъ такія *приведенции*, слухи о которыхъ разносятся молвою, также стоуюто и у насъ какъ и вездѣ, иногда на далекия-далекія пространства, и память о которыхъ сохраняется иногда мѣстнымъ рыболовнымъ преданіемъ до внуковъ и правнуковъ. Рассказывается, напримѣръ, какъ въ одномъ мѣстѣ появилось зимою что-то; что это *что-то* черное и живетъ въ рѣкѣ; что рыбаламъ не разъ случалось видѣть издали, какъ оно вынырнетъ изъ ополонки и ѣстъ на льду рыбу, а приблизится рыбалка—*что-то* въ воду.... Къ этимъ дѣйствительнымъ происшествіямъ, бабы начали приплетать и созданія своей трусливой фантазіи: что, дескать, и посудь рыболовный оно воруетъ, и дѣлаеть добрымъ людямъ разныя пакости, что и перекидаеть оно въ рыбалку и заводитъ заблудившихся путниковъ въ промоины и т. д. Просто, чортъ, да и только! только какой-то особенный чортъ, изъ чертей чортъ, „мабудь чы не самъ чѣртивъ бѣтъко“, потому что и холоду не боится и для зимовли выбралъ, *бисивъ сынъ*, мѣсто подь льдомъ, тогда какъ всякому доброму человѣку извѣстно, что черти,—обыкновенные, т. е. черти, вотъ что вездѣ водятся у крещенаго люду,—гѣ холоду бояться и на зиму изъ рѣкы и болоты выбираютъ¹⁾.... словомъ, въ болотѣ черти *литуютъ* только (слово *литуютъ*, въ переводѣ на петербургскій языкъ, значить, что для чертей болото только—дача).... Ну, такъ такимъ-вотъ способомъ весь околотокъ началъ бояться этого *что-то*, и рыбалки порѣшили, во что бы то не стало изгнать его изъ своихъ владѣній, чтобы оно рыбы не портило и не пугало бы жинокъ и дивчатъ,—изгнать

¹⁾ Какъ гражданинъ *некла* (ада), по понятіямъ народнымъ, чортъ необходимо долженъ не любить холоду. Впрочемъ, не спидитъ онъ зимою въ рѣкахъ и болотахъ еще и по другой причинѣ,—о чемъ будетъ сказапо въ своемъ мѣстѣ, когда будетъ идти рѣчь объ *Ордани*.

хоть бы ради этого нужно было нанять молебень и отслужить надъ ополонкою водосвятіе, если только на это согласится отецъ Прохоръ. Пока рыбаки рѣдился и обдумывали средства, какъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, какой-то охотникъ, въ одно прекрасное до-разсвѣта, засѣлъ на *что-то*, выждалъ его и... застрѣлил!... Оказалось, *что-то* была невиданная теперь въ нашихъ мѣстахъ куница.—Или же рассказывается, напри-мѣръ, при такомъ возвращеніи рыбаковъ домой на Багату Кутю,—какъ надъ Днѣпромъ, у Переяслава, появился какой-то невиданный у насъ звѣрь: роговъ у него какъ на *перекоты-поли* колѣнъевъ, быстрый—лошади быстрѣе, зовется—олень; что кто-то погнался за этимъ звѣремъ, онъ птицей понесся, рѣки незамѣтилъ передъ собою и полетѣлъ по Днѣпру, какъ по *ступу*... что на срединѣ Днѣпра онъ ослабилъ свой бѣгъ, и началъ *грузнуть* въ воду... что олень только тогда замѣтилъ подъ собою воду, и хотѣлъ снова полетѣть, но поздно! что разъ начало погружаться въ воду, то погрузится непременно.. что потонулъ бы олень, если бы не бросился къ нему на своей *душогуби* (легенькая лодка изъ липы), краса всѣхъ приднѣпровскихъ рыбаковъ окрестностей Переяслава, преславный, рыбака Бѣва... что налетѣлъ Бѣва на оленя, схватилъ его рогатого за рога и тащъ его на берегъ, а оттуда домой.. что олень достался Бѣвѣ, а рога его принесены Бѣвою въ даръ какой-то церквѣ, чтобы, на концахъ и излучинахъ ихъ, люди могли много-много прилѣплять восковыхъ свѣчей Богу и поминать добрымъ словомъ память Бѣвы, когда дерзкая его отвага сложитъ наконецъ легкія его кости на вѣчно-волнующемся днѣ Днѣпровскомъ.

— — —

Вотъ дѣло близко уже къ разсвѣту; вотъ показался и свѣтъ въ окнахъ, сперва у *дида* Опанаса, потомъ у старой Мѣтри, и затѣмъ и въ другихъ хатахъ. Вотъ и народъ началъ *ворушиться* по дворамъ и огородамъ: выпускаютъ изъ хлѣвовъ овецъ въ кошары и даютъ имъ болотнаго или лугового сѣна, носятъ *гулящому* (нерабочему) скоту и гулящимъ лошадямъ

Ашныцю, пшенишныцю, просяныцю, овсяныцю (ячменную или пшеничную и т. д. солому), подкладывають рабочимъ воламъ, дойнымъ коровамъ и *изжальмъ* лошадямъ сѣна степного, а послѣднихъ, пожалуй, и овсомъ кормятъ.

Но вотъ и разсвѣтать начало, и изъ мрака ночного начали выдвигаться мало-помалу, и тянущаяся предъ вами далеко-далеко вдоль гладкая зимняя дорога, и подобравшіяся къ ней, справа, отъ восхода солнца, хаты селенія Рижкивъ съ обсѣвшими ихъ хлѣвами, коморами, кошарами и торчащими кое-гдѣ вытянувшимися къ небу колодезными журавлями... а слѣва, поворотившимися къ дорогѣ вѣтряными мельницами... Вотъ и солнце взошло и позолотило верхушки колодезныхъ журавлей справа, и крылья вѣтряныхъ мельницъ слѣва: стоятъ себѣ, выставивши лбы и разметавъ позолоченныя крылья во всѣ стороны,—словно какіе *шляхетно-урожонные* на Иордань, а крещенскій зефиръ, продѣлавши проробы на ихъ высокихъ чолахъ, разметалъ шановныя чуприны на право и на лѣво, внизъ и на затылокъ. А за ними, за млинами этими, гладь и гладь бѣлая съ золотымъ отливомъ, свѣжная степь, съ темнѣющими кое-гдѣ скирдами и стогами сѣна, съ степными *грушкѣми* (грушевыми деревьями), съ степными хаткѣми и *хмелюшкѣми*, и съ вырѣзающимися на горизонтѣ бѣлыми, блестящими на солнцѣ, могилами, сѣрыми гаями и какими-то движущимися черными точками,—обитателями степныхъ сосѣднихъ селеній и хуторовъ, поспѣшающими за чѣмъ-то въ селеніе Рижки и другія сосѣднія селенія и хутора прирѣчные...

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ это такъ пустились наши степняки? Да и *рижкиовци* (жители селенія Рижкивъ)—что это они засуетились, бѣгаютъ изъ хаты въ хату, а иные запрягли лошадей и тоже куда-то ѣдутъ? И не топится ни гдѣ!... Вчера въ эту пору надъ всѣми хатами стояли уже столбы дыма, а теперь хоть бы одна ныхнула изъ трубы, хоть бы для того, чтобы попробовать, куда вѣтеръ дуетъ и не будетъ ли завтра оттепели!...

Де всё по той же причинѣ, что сегодня Багата Кутя.

Сегодня Багата Кутя,—такъ хозяйка-украинка утромъ сегодня топить и варить ѣсть не будетъ. Все утро она провозится за разными мелочами обиденной сельской жизни, и, приводя въ порядокъ то, что приготовлено прежде для праздника: она накормитъ свиней, птицу; она вымажетъ саломъ и жиромъ, а пожалуй и добрымъ дегтемъ, сапоги себѣ, мужу, семьѣ; можетъ быть, осталась невыкатанною какая рубаха—выкатаетъ ее; если есть у нея *запиканка*, она наполнить ею *пляшку*, чтобъ была готова, а за неимѣніемъ *запиканки*, наточить изъ бочонка или *барыльця*, или налить изъ *тыквы*, просто *биленькою*; она пришьетъ къ новому *очинку* ленты, поможетъ дочкѣ нализать новое монисто, она *насуше* восковыхъ свѣчей для сегодняшняго вечера и для завтрашняго утра и т. д. и т. д. Топить же и ѣсть варить она начнетъ только около полудня; потому что сегодня обѣдаютъ у насъ только вечеромъ, или лучше сказать, у насъ не обѣдаютъ и не ужинаютъ, какъ обыкновенно обѣдаютъ и ужинаютъ, а только *идятъ* кутю и *стричуютъ* или *идятъ вечерю*, а въ обѣденную пору только немного закусываютъ, кому что Богъ послалъ, но большею частію—широси съ капустою и жаренную рыбу.

По той причинѣ, что сегодня Багата Кутя, спѣшатъ такъ въ Рижки и въ другія селенія и хутора прирѣчные жители нашихъ сель и хуторовъ степныхъ, и по той же причинѣ суетятся такъ, бѣгаютъ изъ хаты въ хату и то же куда-то ѣдутъ и сами *рижкивци*: всѣмъ нужна сегодня свѣжая *сегодншина* рыба, и всѣ потому стараются достать ее во что бы то ни стало. Степняки поэтому спѣшатъ въ Рижки; рижкивци, не занимающіеся по какимъ-нибудь причинамъ рыболовствомъ, или же, хотя и занимающіеся имъ, но имѣвшіе сегодня неудачный уловъ, спѣшатъ къ своимъ сосѣдямъ-рыбалкамъ или же и въ другія селенія. Для сегодняшняго дня мы даже вотъ-что придумали! Въ селеніяхъ, которыя покрупнѣе и порыболовнѣе, мы открыли у себя на Багату Кутю, помимо вѣдѣнія предержащихъ станovýchъ приставовъ и помимо вѣдѣнія всякаго рода статистическихъ таблицъ, базары для продажи и

покупки *сегодняшней*: сбьются со всѣхъ сторонъ на легенькихъ *самочкахъ*, купятъ, продадутъ и разбьются... остается только въ двухъ-трехъ мѣстахъ на снѣгу немного сору отъ соломы, и нѣсколько конскихъ слѣдовъ! добывай тутъ становой приставъ изъ такихъ данныхъ статистическія свѣдѣнія, какъ знаешь! по неволѣ добрый человекъ напишетъ, что таковыхъ, во вѣренномъ ему станѣ не оказалось... А между тѣмъ, *сегодняшней* мы себѣ припасли!... а пожалуй, припасли и еще кой-чего, что намъ нужно и чѣмъ мы не успѣли запастись почему-либо въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, напр. купили на грошъ ладану, на два круглого перцу, чтобы истолочь его и „иноди, знаете, тее, въ чарку... жывить заболыть, або що!“ а пожалуй, на три на четыре гроша, купили, по порученію любимой дочки, серъги-польки...

Закончу сказаніе свое о заготовленіи у насъ рыбы для Багатой кути замѣчаніемъ: что всѣ мы запасаемся главнымъ образомъ въ день Багатой же Кути, и способомъ, о которомъ я сейчасъ рассказывалъ. Только жители степныхъ селъ и хуторовъ, слишкомъ удаленныхъ отъ рѣкъ, а равно жители мѣстностей, страдающихъ *безрыбьямъ*, только тѣ запасаются ею заблаговременно, въ городахъ, въ рыболовныхъ селахъ и т. п., и тутъ, конечно, часто случается, что на безрыбьи и ракъ становится рыбою.

Но вотъ мы рыбою уже запаслись—и домой!... „Ну жена“, говоритъ хозяинъ дома, входя въ хату: „а я рыбы досталъ!“— „А щука есть?“— „Есть!“— „Ну слава тебѣ, Господи!“ и жена съ радостію смотритъ на дѣтей, а дѣти, кто съ *прыщика*, кто съ *полу*,—побросали и очеретяныя трубы, и котъ *рудого*, которому собирались было привязать къ хвосту *куницу* вмѣсто кисти,—и всѣ *до-дому* къ мѣшку съ рыбою: вынотропили его, переворачиваютъ съ боку на бокъ зубастую щуку, тормошатъ красноглазаго карася... гвалтъ, крикъ, веселіе!... даже маленький Петрусь высунулся изъ высащей надъ поломъ люльки, и вцѣпившись своими ручонками за *бѣльця*, хохочетъ и дергаетъ ее, будто собирается выскочить и себѣ туда, въ общую вучу, къ щукѣ и карасямъ, къ общей семейной радости...

Погрѣвшись въ хатѣ, *хозяинъ* уходитъ и возвращается къ семьѣ не прежде, какъ около полудня, да и то на самое короткое время, чтобы только немного закусить; потому что въ хатѣ сейчасъ поднимается на весь день такая возня около рыбы и разныхъ разностей, что и угла свободнаго не найдешь! Ну, да и ему самому нужно кое-чѣмъ заняться, тамъ, на дворѣ. Во первыхъ, ему надобно напоить скотъ, овецъ и проч., и дать имъ утреннюю порцію корму; потомъ, надобно расчистить снѣгъ возлѣ хаты, коморъ, чтобы встрѣтить праздникъ поприличнѣе; далѣе надо осмотрѣть сани и упряжь, можетъ что надо починить, не изорвалось бы что, не изломалось бы во время праздниковъ, не насмѣшить бы людей; ну, и топлива женѣ на праздники нужно припасти, чтобы всего тогда было вдоволь и все было подъ рукою: если дрова есть—дровъ наколотъ и сложить подъ коморою или въ *повитии* (навѣсь), не то—очерету натаскать съ берега, соломы навосить и т. д. Словомъ, пока позовутъ закусить, довольно наберется разной работы!

Послѣ закуски *хозяинъ* идетъ къ какому-нибудь куму или свату, у котораго есть хата *черезъ сѣны*,—вообще, у котораго есть свободный уголь,—идеть бриться (*голытия*),—*голыть бороду* и *подголовать чуба*.... Туда же приходятъ еще человѣкъ пять-шесть, а иногда десять и пятнадцать, и вотъ начинается зрѣлище, повторяющееся всякій разъ, когда мои земляки принимаются бриться... зрѣлище грустное и вмѣстѣ исполненное того неподражаемаго юмора, который рѣдко, очень рѣдко, оставляетъ ихъ, и передать который было бы въ состояніи только такое мастерское перо, какъ перо покойника Гоголя.

Грустно видѣть, что изъ этихъ десяти-пятнадцати *хозяинѣвъ*, имѣющихъ по парѣ, а можетъ быть и по двѣ пары воловъ, и собравшихся теперь *причитуритья*, ни у одного не имѣется зеркальца, въ которое можно было бы смотрѣться, подбравая свой подбородокъ и свой чубъ... и что замѣнять его имъ приходится *зеркальною поверхностію* чистой воды, налитой въ миску (вода вѣдь у насъ даровая, и на зеркальцо нужны деньги!...).

Грустно видѣть, что у этихъ десяти-пятнадцати *хазяиницъ* ни у одного нѣтъ бритвенныхъ снарядовъ,—мыльницъ, кистей, бритвъ,—а только у двухъ-трехъ по крошечному кусочку мыла величиною въ грецкій орѣхъ, да у двухъ-трехъ по *косѣ*—отрубку старой косы, наостренному и оправленному въ доморощенный черенокъ!... Грустно и даже тяжело видѣть, какъ эти десять-пятнадцать хозяевъ, поочередно одинъ за другимъ, отдають въ распоряженіе свои лица, исполненныя ума и сердечной теплоты, какому-нибудь мѣстному докѣ въ бритвенномъ дѣлѣ, и тотъ принимается теплою водою и орѣхообразными кусочками мыла ихъ намыливать и безжалостно тиранить варварскими *ко-сарями!*... и тѣмъ болѣе грустно и тяжело, что какъ ни хорошо знаешь быть этихъ бѣдняковъ, и какъ ни осязательно чувствуется, если не разумность, то по крайней мѣрѣ печальная необходимость и связь всѣхъ явленій ихъ жизни, невольно иногда подумаешь, что изъ милліоновъ, вносимыхъ ими куда слѣдуетъ, за винныя акцизныя статьи, право, кажется, они могли бы ежегодно отдѣлять извѣстную долю серебрянныхъ рублей для покупки, на первый разъ, хоть пятикопѣчныхъ кистей и мыльницъ и тридцатикопѣчныхъ бритвъ.

Но какъ ни грустно смотрѣть на все это, какія бы мысли вамъ въ это время не приходили, но если только у васъ осталась какаля-нибудь возможность сходить съ вашей точки зрѣнія и придвигаться сердцемъ къ точкѣ зрѣнія этихъ добряковъ, и если при этомъ у васъ имѣется способность видѣть всю глубину внутренняго смѣха за этими серьезно-произносимыми соболѣзнованіями къ участи брѣмаго, за этими, на половину притворными, болѣзненными его стопами, за этими восклицаніями его: *мотузкѣ, мотузкѣ* (снурка, снурка т. е. дайте)!... и т. п. восклицаніями, по-видимому не имѣющими никакого смысла, но тѣмъ не менѣе имъ всѣмъ понятными, и—вы будете хохотать, мой добрый читатель!

Остатокъ дня, послѣ бритья, до вечера, употребляется моими земляками на разныя заботы о скотѣ, овцахъ и т. п.; но главнымъ образомъ, на приготовленіе для нихъ корма къ зав-

трешнему дню, чтобы завтра ни о чемъ уже не заботиться, а просто, взять только готовое, подложить и дѣлу конецъ!

Но оставимъ *хазинивъ*! воротимся лучше въ нашу дорогую хату, къ нашимъ дорогимъ хозяйкамъ, и посмотримъ, что тамъ у нихъ дѣлается! и чтобы не помѣшать имъ *лпнитъ* пироги и возиться съ печкою, войдемъ къ нимъ тогда, когда со всѣмъ этимъ онѣ уже покончили и переносить кутю... а еще лучше—послушаемъ, что рассказываетъ объ этомъ въ своей автобіографіи Василій Петровичъ Бѣлокопытенко.

„Надобно вамъ сказать“, говоритъ Василій Петровичъ, „что до сихъ поръ я не зналъ, въ чемъ собственно заключается *стабяння* кути на *покуття*: самъ я кути на *покуття* еще никогда не ставилъ, а какъ ставили ее другіе мои братья, — никогда не былъ свидѣтелемъ, потому что въ то время, по крайней мѣрѣ въ нашемъ семействѣ, отъ присутствованія при исполненіи этого обряда всѣ мужчины, за исключеніемъ конечно участвующаго въ немъ, были устранимы. Я зналъ только, что кутю ставятъ на *покуття*,—зналъ, что ставленіе это окружаютъ какою-то таинственностію,—слышалъ отъ сверстниковъ своихъ гордое и вмѣстѣ какое-то многозначительное: „что мы-де ставили уже кутю, а вы (т. е. я и другіе мнѣ подобные) еще нѣтъ!“ видѣлъ, что допущеніемъ къ *стабяння* кути на *покуття* дается дитяти какой-то патентъ на извѣстную возрастность, и вмѣстѣ на извѣстное право гражданства въ томъ очаровательномъ для насъ мірѣ разныхъ исполненныхъ поэзіи обычаевъ и вѣрованій, которыми такъ богата жизнь нашего народа, и которыя такими пахучими цвѣтами увиваютъ тяжелую ношу нашей жизни, сплетенной изъ волцовъ и терній и горечи заботъ о хлѣбѣ насущномъ... Все это я зналъ, слышалъ и видѣлъ; но болѣе—не зналъ, не видѣлъ и не слышалъ ничего! Дѣтскому моему сердцу и дѣтской моей фантазіи представлялось поэтому обширное поприще окружать актъ *стабяння* кути на *покуття* чудесами:—фантазія окружала его какимъ-то ореоломъ святости, какою-то таинственною многозначительностію,

БИБЛИОТЕКА-УЧЕБ.
Т-ва ПРОВОСВІТ.

какимъ-то неуловимымъ въ формы величіемъ, а сердцу—какою то трепетно-благоговѣйною теплотою чувства любви и стремленія къ неизвѣстному, таинственному, великому, святому...

— — — — —
— — „ну, такъ вотъ я вожусь съ Антономъ и другими мальчишками, моими сверстниками, у коморы, снаряжая *дренджоблята* (извѣстнаго устройства маленькіе сани) и *грымакѣ* (куски льда, извѣстнымъ образомъ приготовленные), чтобы было на чемъ спускаться съ горы во время праздниковъ. Но не успѣли мы кончить своихъ приготовленій, какъ на *рундуци* (крыльцѣ) показалась быстроглазая Васька и начала звать меня въ хату. Я, конечно, отвѣтилъ ей, что мнѣ некогда; но она повторила свое требованіе настоятельнѣе, намѣкая, что мнѣ дадутъ какой-то гостинецъ... Я пошелъ...

„На порогѣ *пекарни* встрѣтила меня мать... не узнать ея, такая въ ней перемѣна! На вѣчно-блѣдныхъ щекахъ—легкій румянецъ, въ вѣчно-грустномъ взглядѣ—счастіе. А сколько нѣжности въ движеніи, съ которымъ она положила мнѣ на голову свои руки и наклонила ее назадъ, чтобы глядѣть мнѣ прямо въ лицо!.. Пусть хоть разъ во всю свою жизнь встрѣтятъ столько нѣжности въ своихъ матеряхъ дѣти нашихъ дѣтей!

„— Ну, Васюню, поставь намъ кутю на покуття! говорить... и улыбнулась....

„— Кутю на покуття?!.. и я вздрогнулъ отъ какого-то невѣдомаго мнѣ страха, и вмѣстѣ отъ счастья.

„Мать утвердительно кивнула головой и провела ладонями по моимъ щекамъ... потомъ повернулась и пошла въ пекарню...

„Молча, съ сильно-бьющимся сердцемъ... быстро и съ трепетнымъ любопытствомъ оглядывая все вокругъ, вошелъ я робкими шагами въ святилище....

„Вечерній полусвѣтъ едва освѣщаетъ пекарню сквозь замерзнувшія окна; печка уже не топится... въ комнатѣ тихо, никакой работы и суеты, какъ-будто только-что совершился тутъ какой-то великій актъ, и все, счастливое благополучно

его развязкою, переводить дыханіе, учащенное прѣжде мучительнымъ ожиданіемъ, и радостно улыбается предстоящему будущему... Дивчата и молодыци стоятъ вокругъ хаты у лавокъ; скрестивъ на груди руки... смотрять на меня и тихо улыбаются, у печки сидитъ на лавкѣ *куховарка* Оришка, тоже скрестивъ на груди руки... смотритъ на меня и тихо и нѣсколько гордо улыбается мнѣ; возлѣ нея, на припечку, какъ пара новорожденныхъ близнецовъ,—пара горшковъ, одинъ съ узваромъ, другой съ кутею... у покуття, какъ жрица у олтара, стоитъ предметъ благоговѣйнаго уваженія всѣхъ отъ старого до малого, сѣдволосая баба Миниха, и бѣлою тряпкою вытираетъ покуття, и безъ того чистое—чистое....

„Я остановился по срединѣ пекарни, не зная, что мнѣ дѣлать, куда мнѣ направиться....

„— Сюда, сюда йды, Васыльку!—вывела меня изъ недоумѣнія баба Миниха.

„Я подошолъ къ покуттю.

— Ну, перекрестысь и ударь тры поклоны!

„Я машинально исполнилъ приказаніе.

„— Теперь ходимъ зо мнѣю!.. и натянувъ сапоги и надѣвъ кожухъ, пошла изъ хаты.

„Я послѣдовалъ за нею.... Привела меня баба Миниха къ скирдѣ стениного сѣна и начала отыскивать такое въ ней мѣсто, гдѣ бы сѣно было почище, не имѣло въ себѣ никакихъ жесткихъ травъ, *бадилья*, и гдѣ бы нога человѣческая или какого животнаго никогда не прикасалась. Выбрала, наконецъ, она такое мѣсто, обдергала верхнее сѣно прочь и велѣла мнѣ *смѣкать* изъ средины.... Я насмыкалъ порядочную кучу.

„— Ну, возьми-жъ и несы его за мною.

„Я забралъ сѣно и пошолъ за бабою Минихою.

„— Положи-жъ его на покутти! сказала она, когда мы снова очутились въ пекарнѣ.

„Я положилъ.

„— Розстелы его гарнѣнко.

„Я разостлалъ.... Затѣмъ, баба Миниха заставила меня,

собственноручно и безъ всякой посторожней помощи, перенести съ припечка на покуття горшки съ кутею и узваромъ, уставить ихъ тамъ хорошенько въ сѣно¹⁾, чтобы не опрокинулись, взять пару хлѣбовъ и накрыть ими эти горшки; потомъ пойти въ свѣтлицу, взять оттуда миску съ сотами и тоже уставить на покутти: баба Миниха только командовала мнѣ и въ сѣромъ полу свѣтѣ тихо ходила предо мною, какъ какой-то таинственный церемоніймейстеръ въ какой-то таинственной церемоніи...

„Когда были уставлены и соты, баба Миниха велѣла мнѣ снова перекреститься и ударить три поклона, и когда я и это исполнилъ, велѣла мнѣ итти прочь, къ моимъ гренжолятамъ и гримакамъ.... Сопровождаемый нѣжною улыбкою матери и тихими улыбками дивчатъ и молодыць, я пошелъ изъ хаты, съ поникшею головою, полною какихъ-то таинственныхъ образовъ, гдѣ въ сѣромъ полу-мракѣ все какія-то тихія и нѣжныя улыбки женщинъ.... И когда я сошелъ съ рундука и медленными шагами направился къ коморѣ, я нѣсколько разъ останавливался въ раздумьи и оглядывался назадъ, какъ-будто тамъ, въ пекарнѣ, я что-то забылъ, или чего-то не разглядѣлъ, или чего-то не слышалъ...“.

Вотъ-какъ у насъ, мой читатель, ставили когда-то и ставятъ еще и теперъ кутю на покуття въ семействахъ, сохраняющихъ обычаи предковъ! Вамъ, можетъ быть, тутъ не понятно, почему кутю долженъ ставить непременно мальчикъ? Не берусь разяснить вамъ этого, потому что хотѣлось бы мнѣ, чтобы разясненіемъ такимъ, а равно и разясненіемъ еще многого другого, остающагося у насъ неразясненнымъ, за-

¹⁾ Мальчикъ, несъ кутю на покуття, долженъ при этомъ *квоктать*, какъ *квокчетъ квочка*, насѣдка, когда созываетъ своихъ дѣтей. Квоктать должны также и другіе мальчики, если они при этомъ случатся; но женщины и дивчата ни подъ какимъ видомъ не должны квоктать. Въ семействѣ Василя Петровича, обычай квоктать, какъ видно, не соблюдался, или Василій Петровичъ объ этомъ забылъ.

нялся кто-нибудь болѣе свѣдущій меня въ объясненіи внутренняго смысла нашихъ вѣрованій, или по крайней мѣрѣ, значенія обрядовой оболочки, въ которой они проявляются. Я только скажу съ своей стороны, что обычай этотъ,—ставить кутю на покуття руками неженатаго мужчины, и именно—невозрастнаго дитяти, у насъ повсемѣстный.

Время послѣ ставляння кути на покуття, пока совершенно стемнѣетъ, употребляется хозяйками на окончательное приготовленіе печки къ завтрешнему дню (т. е. на бѣленіе мѣломъ или бѣлою глиною наружной ея стороны, закоптившейся отъ топки послѣ предварительнаго бѣленія, а равно и на бѣленіе припечковъ, на мазаніе *рудю* глиною челюстей и *зипичкивъ*), на снаряженіе стола къ предстоящей трапезѣ, а также и для того, чтобы покупать и вымыть дѣтей, если только эти послѣднія должны къ кому-нибудь нести или везти *вечерю*.

Но послушаемъ снова Василя Петровича, его разсказъ о томъ, какъ садятся у насъ за *вечерю* на Багату Кутю, или какъ у насъ *встрѣчаютъ кутю*.

„...Какъ живо выдвигается въ моей памяти эта картина моего дѣтства!... и этотъ полумракъ-полусвѣтъ, и эти невыразимая прелесть какого-то таинственнаго смѣшенія всего во едино: чада вмѣстѣ съ домочадцами; праздничная чистота хаты и всего ея убранства—а люди свои, домашніе, въ одеждѣ домашней, буднишной; торжественное выраженіе лицъ и движеній—и, повидимому, обыденная жизнь, ужинъ, столъ съ пищею и ложками; курящій ладанъ—и семейный очагъ; глава семьи—и вмѣстѣ какой-то жрецъ; хата—и вмѣстѣ храмъ; семья—и вмѣстѣ общество вѣрующихъ...

„Въ пекарнѣ два длинныхъ стола, одинъ у покуття, другой въ сторонѣ, уставленные приборами¹⁾, съ горами пироговъ въ мискахъ и кучею рюмокъ и графинчиковъ съ настойками... надъ столомъ у покуття вколоченъ въ стѣну гвоздь, и къ

¹⁾ Во время Багатоу Кути болѣе чѣмъ когда-либо соблюдается у насъ обычай ставить лишній приборъ для нежданнаго гостя.

гвоздю прилѣплена зажженная восковая свѣчка—больше свѣту въ хатѣ нѣтъ... предъ этимъ столомъ, противъ свѣчки и окруженный дымомъ ладану, стоитъ, будто въ сіяніи и на облакѣ, сѣдой какъ лунь старикъ, мой отецъ, въ бѣлой рубахѣ и въ бѣлыхъ въ сапоги шароварахъ... въ лѣвой рукѣ у него курильница, онъ поднялъ ее вверхъ и тихо поводитъ ею, и кадитъ ладаномъ... позади отца мы всѣ, кучею: домочадцы, наймиты и наймычки, душъ двѣнадцать, и вся семья—мать, сыновей четверо, пять дочерей, двое зятьевъ и душъ семь внуковъ и внучекъ отца....

„Стали всѣ, стихли....

„Старикъ поднялъ правую руку, перекрестился и тихимъ, торжественнымъ голосомъ началъ: „Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!.. Богородице Диво, радуйся, благодатная Маріе!“

„За отцомъ крестились и мы, и мысленно произносили за нимъ слова молитвы....

„Послѣ „Богородице“ старикъ прочиталъ „Отче нашъ“, и когда закончилъ словомъ „отъ лукаваго“¹⁾, перекрестился снова, отдалъ курильницу матери и молча сѣлъ за столъ передъ покуттямъ. Мы тоже всѣ перекрестились и молча сѣли за столы, семья у покуття, домочадцы—у другого стола.

„Снова глубокое, торжественное молчаніе воцарилось въ хатѣ....

„Отецъ взялъ графинчикъ съ любимую своею настойкою, налилъ большую рюмку, перекрестился, взялъ рюмку въ правую руку, поднялъ ее вверхъ и тихо произнесъ—„Нехай же легенько згадаётца сынови моєму Иванови, де винь здорѣвъ повертаётца!...“ и слезы брызнули изъ его старыхъ очей.... За старикомъ заплакало все, что было въ хатѣ, за обоими столами, отъ моей доброй матери, до сѣдоусаго и твердаго, какъ загартованная сталь, старого *дида* Мини....

1) Обращаю вниманіе читателя, что молитва здѣсь читается не до конца, а только до слова *отъ лукаваго*.

„А отецъ сквозь слезы продолжалъ:—„Нехай легенько згадаеця й дочци мои Гали, де вона здорвенька повертаеця!“
 „Мать, сестры и всѣ женщины за обоими столами повзрыдъ заплакали...—„Нехай легенько згадаеця й моему наймытови Петрови, де винъ здоровъ повертаеця!“... и старикъ поставилъ рюмку на столъ и закрылъ лицо обѣими руками... а сирота Федѣра, сестра наймыта Петра, зарыдала и выбѣжала изъ пекарни въ прихожую...“.

Вы, можетъ быть, думаете, мой читатель, что представленная здѣсь Василюмъ Петровичемъ картина всеобщаго плача семьи и домочадцовъ, при воспоминаніи объ отсутствующихъ за первою чаркою, есть какое-нибудь явленіе случайное, или что для большаго эффекта Василій Петровичъ употребилъ тутъ краски слишкомъ яркія... Нѣтъ, нисколько: тутъ все вѣрно съ дѣйствительностію до самой малѣйшей черты, и всѣ это наша общая и постоянная принадлежность. Все, что онъ тутъ сказалъ, вы и теперь можете встрѣтить во всѣхъ нашихъ семействахъ, держащихся предковскихъ обычаевъ, и всякая такая семья, за первою чаркою на Багату Кутю, непременно прольетъ слезы въ память тѣхъ членовъ своихъ, которые живы и которые почему-либо не могли насладиться счастіемъ встрѣтить кутю у себя, въ семьѣ, за общимъ семейнымъ столомъ. Украинцы, особенно женщины, любятъ всегда вспоминать за чаркою отсутствующихъ членовъ семьи, но плакать при этомъ—не плачутъ, а если и плачутъ, то или вслѣдствіе какихъ-либо особенныхъ случайностей, или потому, что ужъ, какъ у насъ говорится, они *нидъ чарочкою*; но на Богату Кутю плачутъ они непременно, и всѣ, и просто только потому, что отсутствующіе—въ отсутствіи, а не у себя, не съ ними. По понятію украинцевъ, большое для человѣка несчастіе жить вдали отъ семьи, большое несчастіе не быть или не успѣть въ-время на такую семейную радость, какъ, напр., женитьба брата или выходъ замужъ сестры; но самое большое, по ихъ понятію, несчастіе—не быть или не успѣть въ-время на Багату Кутю; и вслѣдствіе такого отсутствія, на Багату Кутю заплачетъ вся ваша

семья, заплачутъ домочадцы, заплачетъ и вашъ сѣдволосый отецъ, хоть будь у него не одинъ, а десять желѣзныхъ характеровъ.... И не обрядъ только онъ будетъ исполнять, обливая слезами свое старческое лицо,—нѣтъ! Онъ плачетъ потому, что онъ уязвленъ въ самое чувствительное мѣсто своего сердца: у него, по преимуществу семьянина, въ праздникъ *семьи*, отнять одинъ членъ семьи...

Считаю нужнымъ сказать еще нѣсколько объяснительныхъ словъ къ выписанному мною отрывку изъ автобіографіи Василя Петровича.

Во первыхъ, членами семьи, съ точки зрѣнія Багатоѣ Кути, считаются у насъ всѣ тѣ, которые, если не живутъ въ одной хатѣ, покрайней мѣрѣ работаютъ на одно хозяйство и живутъ изъ одного хозяйства, а слѣдовательно: глава семьи, мать, всѣ неженатые сыновья и незамужнія дочери, не отдѣленные женатые сыновья съ семействами, зятя, живущіе въ *прыймахъ*, съ семействами, и наконецъ домочадцы, конечно тамъ, гдѣ они не слуги и рабы, а дѣйствительно *домочадцы*, *челядь*. Къ этимъ членамъ семьи, хотя и не въ такой уже степени, причисляются, во время Багатоѣ Кути и замужнія дочери съ своими мужьями, если у нихъ нѣтъ еще дѣтей,—вообще, если у нихъ нѣтъ своей семьи,—и отдѣленные женатые сыновья, находящіеся въ такихъ же условіяхъ, какъ и замужнія дочери: они тоже должны бы быть на Багату Кутю за общимъ семейнымъ столомъ. Имѣющіе же свои семейства сыновья и дочери—хорошо если бы были, а нельзя имъ—они покрайней мѣрѣ должны послать своихъ дѣтей сегодня, или послѣ, *съ вечерю*, къ дѣду и бабѣ, и къ болѣе чтимымъ дядямъ и теткамъ.

Потомъ, я еще долженъ сказать, что на отдѣленіе у Василя Петровича домочадцевъ за особый столъ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на отдѣленіе господъ отъ лакеевъ и горничныхъ, и хозяевъ отъ прислуги,—нѣтъ! Если бы у Василя Петровича смотрѣли такъ на домочадцевъ въ день Багатоѣ Кути, то вѣрно бы не сѣли встрѣчать ее въ пекарнѣ, а помѣстились бы въ свѣтлицѣ, чтѣ ли, какъ и дѣлаютъ иные между моими земля-

ками: но тутъ на нихъ смотрѣли такъ, какъ смотритъ во время Багатої Кутї, на своихъ домочадцевъ и вся масса украинскаго населенія, т. е. какъ на членовъ же семьи, и ихъ не посадили за общій столъ только потому, что тамъ негдѣ было имъ помѣститься, и отдѣлили ихъ за особый столъ, какъ отдѣляютъ у насъ иногда за особый столъ молодежь или дѣтей, когда количество обѣдающихъ слишкомъ уже велико. Изъ разсказа Василя Петровича видно, что отецъ его былъ то, что называется *старосвицкый чоловікъ*, а старосвѣтскій человекъ почелъ бы съ своей стороны большою не деликатностію, даже дѣломъ богопротивнымъ—не посадить на Багату Кутю своихъ домочадцевъ за одинъ съ собою столъ.

Наконецъ, скажу еще, что если у семьи выберется такая счастливая Кутя, что всѣ члены ея на лицо, слезъ вы тутъ не увидите, и предъ первою чаркою глава семьи только говоритъ: „Царство жъ небесне нашимъ батькамъ и матерямъ“ (или „нашимъ родителямъ“. Нашимъ—т. е. его самого и его жены), нашему Ивасеву“ и т. д.

Но будемъ слѣдить далѣе за ходомъ Багатої Кутї!

Отдавши должную дань сожалѣнія объ отсутствующихъ, хозяинъ дома отираетъ себѣ слезы... Но онъ долженъ отереть ихъ и другимъ, потому что онъ глава семьи;—и вотъ онъ съ сердитымъ и удивленнымъ видомъ (какъ будто онъ) въ хатѣ и не былъ и не плакалъ, а такъ себѣ, только что вошелъ, и видитъ, что всѣ плачутъ—воскликаетъ:—„Э-ге-ге!.. та оцѣ вы бачу плачете?!.. А та дурна якъ розрюмалась!.. Гдѣ жъ ужѣ, кажу, гдѣ!.. Иды сюды, Федѣрко!..“, и семья вся сквозь слезы улыбается, а Федѣрка входитъ въ пекарню, отирая очи рукавомъ, и садится за столъ.—„Ну, продолжаетъ хозяинъ дома, когда всѣ стихли:—нехай же легенько згадаеця всимъ!.. помершимъ царство небесне, а намъ всимъ на здоровья!..“, выпиваетъ чарку и дѣлаетъ извѣстное возліаніе, быстро брызгая изъ нея черезъ голову остатокъ водки въ потолокъ, сопровождаая иногда еще словами: „Щобъ выбрыкували!“ За главою семьи пьетъ водку хозяйка дома, за хозяйкою дома—старшій сынъ

и т. д. по старшинству семейной іерархіи, до послѣдней наймычки, до самаго малаго ребенка: хоть понемножку, но пейте всѣ—*такъ іодытія*¹⁾).

Обратимся теперь къ яствамъ...

Прежде всего подаюся на столъ пироги. Главную роль играютъ тутъ пироги печеные и именно пироги съ макомъ, помазанные сверху медовою патокою, а у людей недостаточныхъ—пироги съ варенымъ и растертымъ горохомъ, или съ вареною и растертою *квасблею*, помазанные сверху *смѣженымъ* съ лукомъ, коноплянымъ, или льнянымъ масломъ. Второе мѣсто занимаютъ пироги, жареные на сковородѣ въ постномъ маслѣ, съ поджареною *шаткованною* капустою, съ варенымъ и растертымъ картофелемъ, а у людей, которые подостаточнѣе и которые начали уже знакомиться съ разными кухонными усовершенствованіями,— и съ гречневою крупю, перемѣшанною съ вязигою.—Пирогамъ закусываютъ водку и, кому нравится, съ пирогами же ѣдятъ и слѣдующія блюда.

За пирогами слѣдуетъ приготовленный на постномъ маслѣ, съ рыбою, борщъ. Борщъ для Багатої Кути готовятъ у насъ различный; но большею частію въ это время является у насъ на столѣ любимый нами жидкій, въ который входятъ: квасъ изъ квашеныхъ *буракивъ* (свеклы), одна-двѣ луковицы луку, нѣсколько зеренъ нетертаго круглаго перцу, конечно—соль, и неподжаренные свѣжіе караси, пожалуй съ прибавкою нѣсколькихъ линовъ.

За борщемъ слѣдуютъ наши *товченыкы*, уха изъ щуки, приготовляемая на постномъ маслѣ. Щука въ товченыхъ является и въ естественномъ своемъ видѣ, особенно головка ея и хвостъ; но главнымъ образомъ является она въ клѣцкахъ, приготовленныхъ изъ щучьяго мяса и муки, или крошекъ бѣлаго хлѣба, и обернутыхъ въ щучью кожу. Сюда входятъ также лукъ и перецъ, какъ и въ описанномъ выше борщѣ.—Товче-

¹⁾ Если ребенокъ такъ малъ, что ему нельзя давать водки, ему, по крайней мѣрѣ, намочать ея немного темя.

ныки, составляя одно изъ лакомѣйшихъ блюдъ украинской кухни ¹⁾, въ то же время составляетъ необходимую принадлежность *вечери* на Багату Кутю особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины, такъ что нѣтъ товчениковъ—кутя выходитъ *ырява*. По этой-то причинѣ у меня выше украинская семья и радуется такъ щукѣ.

Послѣ товчениковъ подаютъ жареную на постномъ маслѣ рыбу,—главнымъ образомъ щуку и карася.

Тамъ является на столъ героиня вечера, *кутя*: круто сваренная, изъ описанныхъ мною въ первомъ письмѣ сортовъ крупы, каша.... Хозяйка дома беретъ тутъ же, съ покуття, миску съ сотами, требуетъ себѣ холодной воды и чистую миску, кладетъ въ послѣднюю сотовъ, вливаетъ воды, раздавливаетъ въ ней ложкою соты и приготовляетъ такимъ образомъ *сыту*. За тѣмъ, выбравши изъ ситы ложкою всю вошину, накладываетъ въ нее кути.... Кути обыкновенно ѣдятъ мои земляки и землячки, цемного, впрочемъ, всего случается!.. Народу это не понравилось, и онъ опозорилъ подобныхъ обжоръ анекдотомъ, который онъ часто рассказываетъ, и въ которомъ объѣвшійся глава семьи, метаясь на *полѣ*, взываетъ къ жевѣ и дѣтямъ: „Жинко моя, диты мои, кутя менѣ зъ свита зженѣ!“ Есть еще и другіе анекдоты на ту же тему, но отъ народа вы ихъ не услышите; онъ ихъ отвергъ, потому что въ анекдотахъ этихъ онъ не нашелъ ничего, что хоть сколько-нибудь и какъ-нибудь было бы на него похоже, а нашелъ представленными такія послѣдствія обжорства кутею, какихъ онъ за собою не чувствуетъ. Анекдоты, поэтому, остались только средствомъ для услажденія бесѣдъ пановъ и семинаристовъ, т. е. сохраняются въ памяти только той среды, въ которой они получили свое начало.

За кутею слѣдуетъ послѣднее блюдо, *узваръ*—отваръ изъ сухеныхъ фруктовъ, о которыхъ я тоже говорилъ въ первомъ

1) Въ сѣверныхъ губерніяхъ товченики вкусно пригвлены быть не могутъ, потому что мясо сѣверной щуки жестко и безвкусно.

письмѣ. Его наливаетъ въ миску тоже сама хозяйка, и ѣдятъ его тоже понемногу.

Во время вечера водки пьютъ мало: рюмку, а много-много двѣ-три, да и то только старшіе мужчины; больше *никто* не пьетъ *никогда* и *ни въ какомъ случаѣ: не удостія, не звычайно, грихъ!* Тѣмъ не менѣ, хоть за вечерю этою пьютъ водки и мало и хоть начинается она обыкновенно слезами, весело тутъ бываетъ очень-очень!... такъ весело, какъ ни въ одинъ праздникъ въ году!... Тутъ забывается весь міръ съ его суетою, всѣ печали и горести, всѣ и все... и все, что тутъ есть, отдается предести настоящаго, празднику, во имя семьи и благъ семейнаго счастья... Тутъ нѣтъ хохоту, нѣтъ шумныхъ выраженій радости, часто снимающихъ съ празднованій оболочку граціи и часто отнимающихъ у нихъ прелесть задушевности: тутъ только тихій смѣхъ, тихія улыбки, тихіе взгляды... Но въ этомъ тихомъ смѣхѣ, въ этихъ тихихъ улыбкахъ и взглядахъ, столько истинной веселости или, лучше сказать, столько истиннаго, по истинѣ, счастливаго счастья, столько теплоты и сердечности, что заброшенный на чужую сторону, — только вспомнить — улыбнется, а пожалуй еще и слезу выронитъ... Старикъ — глава семьи — оставляетъ тутъ свою обычную суровость и спускается до женскихъ или дѣтскихъ понятій и интересовъ: онъ говорливъ, шутивъ... женщины и дѣти слѣшаютъ къ нему съ роємъ своихъ поэтическихъ грезъ и замысловъ. Тутъ и обычай, чтобы отецъ дарилъ тому, кто изъ дѣтей чихнетъ за вечерю — корову, теленка, ягненка... и хитрости дѣтскія — нюхать перецъ, чтобы чихать... Отецъ понялъ дѣтскую хитрость и, вмѣсто ожидаемаго ягненка, даритъ рудого кота Бруньку, или рябую кошку Машку... О, если бы мнѣ еще хоть разъ въ жизни прожить такую вечерю!... Народъ нашъ созналъ хорошо, что такое для него Кутя, и сознание свое выразилъ въ любимомъ своемъ тонѣ, въ тонѣ, что называется „на догадъ бурякивъ, щобъ дали капусты“ и „знай догадайс!“ — выразилъ насмѣшкою надъ цыганомъ, который разсуждаетъ, что хорошія, дескать, вещи Великдень и Риздво: сегодня кормятъ хорошо и завтра не дурно; но нѣтъ въ

мірѣ ничего лучше Богатой Куті—сегодня хорошо, а завтра еще лучше!... „А что ужъ заговѣнье“, заключаетъ цыганъ: „то хоть бы его и никогда не было: сегодня ѣшь хоть тресни, а завтра—зъ *хриномъ борщъ*, зъ *хриномъ борщъ!*“¹⁾).

Послѣ вечери тотчасъ и отправляютъ дѣтей съ *вечерею* къ дѣду, бабкѣ, любимымъ и уважаемымъ дядямъ, теткамъ. Какъ ихъ снаряжаютъ и какъ отправляютъ,—предоставлю объ этомъ рассказать послѣ, болѣе опытному рассказчику, Василию Петровичу; а я буду продолжать свое, замѣтивъ напередъ, что если лица, къ коимъ слѣдуетъ вести кутю, живутъ далеко, то съ кутею къ нимъ отправляютъ и на первый и на второй день праздника,—что кутю привозятъ такъ и замужня дочери и женатые сыновья, приѣзжаютъ ли они къ *вечери*, или послѣ, во время праздниковъ—и что привезшихъ кутю не угощаютъ, а дарятъ деньгами, по крайней мѣрѣ малолѣтнихъ.

Выпроводивъ съ *вечерею* дѣтей, хозяйка тѣхъ изъ нихъ, которыя остались дома (что впрочемъ бываетъ только въ случаѣ ихъ болѣзни), вымоетъ имъ всѣмъ головы и ноги, дастъ имъ чистое бѣлье и тотчасъ уложитъ всѣхъ спать. Въ это время моютъ себѣ головы и ноги и все мужское населеніе семьи. Очистившись такимъ образомъ и надѣвъ чистое бѣлье, *тотчасъ ложатся спать все безъ исключенія*, и никто изъ нихъ, равно какъ никто изъ женщинъ, послѣ вечери на Богату Кутю, не пойдетъ никуда ни подъ какимъ видомъ, на *досвѣтки*, на *улыцю*, на какое-нибудь бражничанье, погулянки, въ гости и т. п.; потому что это было бы такимъ нарушеніемъ всякаго приличія, такимъ безстыдствомъ, такимъ неуваженіемъ къ добрымъ нра-

1) Въ первый день поста, какъ извѣстно, зовутъ въ маленькіе колокола. На Украинѣ, такіе колокола приводятся въ движеніе обыкновенно посредствомъ извѣстнаго рычага, *коромысла*, и издають мѣрные звуки въ три темпа. Въ этомъ трехтемпномъ звукѣ постового звона моимъ землякамъ слышались слова зъ *хриномъ борщъ*, составляющія три слога и указывающія, какою пищею слѣдуетъ питаться, во время первой недѣли поста, благочестивымъ христіанамъ.

вамъ, къ законамъ Божескимъ и къ сроспими съ нашею плотью и кровію, обычаемъ, что окаяннаго вытолкали бы изъ хаты, и онъ бы сдѣлался предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ и презрѣнія.

Когда всѣ мужчины и дѣти улеглись спать, женщины проворно приносятъ изъ погреба и изъ *хыжъ* и коморъ все, что имъ нужно для завтрашняго стола и убранства, перемывають посуду, мажутъ *дилъ* рудою глиною снова, моють себѣ головы и ноги, надѣвають чистое бѣлье, убираютъ все изъ хаты прочь, что только есть въ ней грязнаго, и—кто ложится спать, а кто ждетъ возвращенія дѣтей, повезшихъ или понесшихъ вечерю. Воротились дѣти,—поджидавшая уложить и ихъ спать, подмететъ на ночь вѣшникомъ еще разъ полъ... потому что мы вѣруемъ, что предъ каждымъ праздникомъ по нашимъ хатамъ ходитъ ангель, и мы боимся, чтобы онъ не задѣлъ своею святою ножкою за какую-нибудь соломинку и не огорчился бы этимъ онъ, святой небожитель... Послѣ этого, поджидавшая дѣтей и сама ложится спать, зажегши напередъ цѣлую свѣчу или подложивъ побольше масла или сала въ каганецъ, потому что мы вѣруемъ, что въ этотъ вечеръ огонь долженъ горѣть въ нашихъ хатахъ всю ночь, отъ зари до зари... И онъ дѣйствительно горитъ у насъ во всѣхъ хатахъ отъ зари до зари, и незнающій нашихъ обычаевъ и вѣрованій, если бы ему случилось проѣзжать чрезъ село наше или нашъ хутовъ *въ ночь предъ Рождествомъ*, могъ бы подумать, что мы пьянствуемъ въ это время или что непотребное дѣлаемъ, или что всѣ наши хаты, „Духъ Святой при нихъ и при нашихъ оселяхъ!“ населены вѣдьмами, да колдунами, и тамъ врагъ добрыхъ людей, чортъ, строитъ съ ними какія-то бѣсовскія проказы...

Вотъ, мой читатель, какова у насъ Багата Кутя, съ той минуты, какъ откроетъ ее на рижкивскихъ болотахъ, съ своею лопатою и плешнею семидесятилѣтній рыбалка, Каленикъ, по отечеству Даниловичъ, по прозванію Переграй, до того момента, какъ закончить ее, всыпавъ въ каганецъ масла или сала поджидавшая дѣтей, возившихъ вечерю, хозяйка нашей хаты, или хозяйкииа невѣстка! Иной кути, быть можетъ гдѣ нибудь въ ка-

кой-нибудь повѣсти, кѣмъ-нибудь описанной, вѣрьте, у насъ нѣтъ! Можетъ, я нескладно сиѣлъ, но сказалъ правду,—не вкусно, можетъ, спекъ, но горячо!...

И скажу еще вамъ, мой читатель, что какъ бы вы ни объясняли формацию нашей Богатой Кути, какіе элементы вы ни желали бы видѣть въ ея основаніи, до полного уразумѣнія ея внутренняго смысла, мнѣ кажется, вы никакъ не дойдете, если не допустите въ ней присутствія, и при томъ въ сильной степени, какого-то изъ сердца идущаго чествованія *своему близкому, родному*. Я говорю это потому, что своимъ, *роднымъ*, какъ-то особенно сильно дышетъ у насъ этотъ день и вся его обстановка, начиная отъ выбора сортовъ рыбы и отъ пироговъ съ макомъ и медомъ, до слезъ за первую чаркою и развозки *кути* по *роднымъ, близкимъ*!... Какія именно стороны нашего прошлаго были мотивомъ для такого чествованія,—не берусь разсуждать; „кто ёго звѣе! про те письменни люди звѣютъ—ихъ распытайте!“.

Въ заключеніе послушаемъ, что Василій Петровичъ разсказываетъ о сборахъ въ поѣздкѣ съ вечерею и о самомъ выѣздѣ. Предупреждаю только, что въ достаточныхъ семействахъ, кромѣ *кути* и *узвару*, дѣйствительно посылаютъ и еще разныя разности, какъ говоритъ и Василій Петровичъ; но въ семействахъ недостаточныхъ или очень далеко живущихъ отъ дѣда, бабки, отца, матери и т. д., ограничиваются, первые,—только *узваромъ* и *кутею*, а вторые—одною *кутею*.

„...Вотъ“, говоритъ Василій Петровичъ, „мать моя уже хлопочетъ около вечери! Горщечки, баночки, *макитерки*, тарелки,—съ *кутею*, *узваромъ* и разными разностями—установлены въ безмѣрной величины бѣлую миску, въ которой обыкновенно святятъ паску... Вотъ миска эта завязана въ безмѣрной величины скатерти снѣжной бѣлизны; терпѣливо поджидаетъ насъ и обливается отъ варѣного, какъ обливается пѣтомъ, красавица-невѣстка, въ бѣломъ съ усами новенькомъ нагольномъ тулупѣ, уже собравшаяся въ Рождество ѣхать къ матери, но еще поджидающая своего мѣшкотнаго сибарита-мужа.

„Вотъ на насъ, дѣтахъ, уже *билѣньки сорочечки*, а тамъ и остальное убранство; по обычаю, мать убрала насъ всѣхъ

лентами... На насъ верхня теплая одежда; на мнѣ шубка на бѣломъ кроличьемъ мѣху, предметъ зависти моихъ сестеръ и разныхъ ихъ женскихъ ухищреній!...

„Вотъ уже и нянька моя собралась—смотрѣть за дѣтьми въ дорогѣ; и сѣдоволосая баба Миниха явилась, съ своимъ ангельски-добрымъ лицомъ, смотрѣть за *вечерею* во время пути, представить такой же сѣдоволосой, какъ и она сама, бабушкѣ нашей ея внуковъ, поздравленіе ихъ съ святъ-вечеромъ и самую вечерю; по мнѣнію всѣхъ только одна Миниха могла занять мѣсто моей матери въ такомъ торжественномъ случаѣ!

„Вотъ, лучшія сани, устланныя лучшими коврами изъ материныхъ сундуковъ и запряженные лучшими жеребцами изъ отцовской конюшни, свиснули мимо оконъ и со скрипомъ остановились у крыльца,—а на козлахъ, между двухъ кониковъ, сидитъ самъ дидъ Мина, никогда обыкновенно не исполняющій обязанностей возницы, но на этотъ разъ взявшійся за прочно-сдѣланныя возжи, какъ болѣе достойный править такими крутошеими жеребцами и какъ болѣе сообщающій торжественности такому торжественному событію, какъ поѣздка къ бабушкѣ съ вечерею!...

„Вотъ дивчата понесли на крыльцо кучу нагольныхъ тулуповъ и великана-миску съ вечерею, а занимаи и мы на крыльцо!... Огромный тулупъ растянулся поперекъ саней въ ногахъ; мы, дѣти, закутаны всѣ, каждое въ отдѣльный тулупъ, распустивъ свои рукава и полы, охватилъ насъ въ свои теплыя мохнатая объятія... Нянька помѣстилась возлѣ насъ съ одной стороны, баба Миниха съ другой...

„—Зѣ Богомъ!—говоритъ мать и осѣняетъ крестомъ весь нашъ поѣздъ.

„Дидъ Мина тряхнулъ возжами, Павло, державшій лошадей подъ уздцы, отскочилъ въ сторону, и сани скрипнули и понеслись стрѣлою, свистя полозьями и изрѣдка подпрыгивая на попадавшихъ кочкахъ.

„Вотъ мы уже за дворомъ, вотъ несемъ вдоль хутора, поворотили на *взвизъ*, уже мы на рѣкѣ... Поворачиваемъ головки:—

на горѣ, на крыльцѣ, виднѣются всѣ насъ провожавшіе: вотъ и Павло, вѣроятно любитъ лоснящуюся на лунномъ свѣтѣ шерстью вычищенныхъ имъ жеребцовъ; вотъ *мирóшникъ* стоитъ, конечно разсуждая, что кониковъ-то пристроилъ онъ къ санямъ надежныхъ; и Васька *килімнція* должно быть скрестила руки на груди, ради теплоты, и жмурится быстроокая, не разглядитъ ли яркихъ цвѣтовъ на коврахъ; а вотъ и добрая моя мать!... и безъ сомнѣнія, думаетъ она не о крутошейхъ жоробцахъ, и не о надежныхъ кониковъ, и не о яркихъ цвѣтахъ на коврѣ...“.

20 декабря 1858.

ПИСЬМО 3-е. ¹⁾

СВЯТЫЙ ВЕЧЕРЪ. ²⁾

Теперь, мой читатель, не на *Рижкивски* болота, не къ *Рижкивскимъ духамъ и изкамъ*, а въ самую глубь села *Рижкивъ*, на площадь передъ рижкивскою церковью, а пожалуй и на самую рижкивскую колокольню!.. Да торопитесь, мой читатель: скоро вторые нѣтухи запоютъ, а рижковскому *паламарѣви* (пономарю) не то, что Нестору рижкивскихъ рибалокъ ³⁾. Примется Калѣникъ Даниловичъ за свое дѣло немножко раньше, или немножко позже,—ни чьи интересы не потерпятъ, никто за это не осудитъ; но рижкивскій пономарь—завони слишкомъ рано—„якѣ вже тамъ и молинья такъ рано!“ —слишкомъ поздно—„и вже! якъ такъ и паламарюватъ!“ Конечно, иному прочему на эти *суды и пересуды* можно и вниманія не обратить,

¹⁾ Основа, 1861 г., іюнь, 21—38.

²⁾ Первый день Рождества народъ большею частію называетъ *Риздво́мъ*, *Риздво*. Но какъ *Риздво́мъ* называются и вообще Рождественскіе праздники, то мною и избрано *Святый вечеръ*, какъ названіе съ болѣе тѣснымъ значеніемъ и притомъ употребляемое въ колядкахъ. Впрочемъ, и это послѣднее названіе не вездѣ одинаково употребляется, какъ это читатель увидитъ изъ послѣдующаго въ моемъ разсказѣ.

³⁾ См. 2-е Письмо.

и какая-нибудь отчисленная из училищнаго въ епархіальное вѣдомство *фа́ра* или *инфима*¹⁾),—словомъ, какая-нибудь вольная птица, которая сегодня здѣсь, а завтра тамъ, такъ бы, въ этомъ случаѣ, и поступила; но те́перешній риживскій пономарь, *Гарасько Трохимовичъ*, лицо громадское и избранное судомъ громадскимъ, а что всего важнѣе, избранное безъ какихъ-либо внушеній или наблюденій:—такъ случилось;—а въ подобномъ случаѣ—„Э, ни! оцуды слѣхай!“ Какъ только избрали Гараська Трохимовича въ пономари: „А якá бѣде рада?“ тотчасъ обратился онъ съ рѣчью къ старѣйшимъ и почетнѣйшимъ. *Рада була—други пивни*,—и съ того времени, вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, а риживскіе колокола еще ни въ одну ночь передъ Рождествомъ не потрясали над-риживскихъ пространствъ, ни раньше вторыхъ пѣтуховъ, ни позже, каковы бы ни были въ воздушныхъ пространствахъ атмосферическія обстоятельства, и какъ бы иной разъ ни хотѣлось риживскимъ колоколамъ подремать, хотъ немножко, хотъ *чѣточку*, хотъ *пивчѣточки* (существительное, которому въ великорусскомъ языкѣ нѣтъ соотвѣтственнаго,—отъ *чуть*).

Какъ тихо вездѣ! Не будь огоньковъ въ окнахъ—видите, въ той вонъ сторонѣ, какъ весело—два окна? Это у Гавриленкивъ,—есть кому и есть изъ чего... А бѣднякъ Лѣбедь—*тильки-тильки!*.. А какая погода теплая! Не будетъ ли снѣгъ къ утру? Сколько я замѣтилъ, въ эту пору на Рождество почти всегда такая.

Но тише! кажется, гдѣ-то пѣтухъ—крыльями!.. Ухъ, какой голосистый! Должно быть у Дорошыхи, удивительныхъ держитъ пѣтуховъ! А вотъ и другой, третій...

1) Семь классовъ духовныхъ училищъ и семинарій назывались Фа́ра, Инфима, Грамматика, Синтаксисъ, Риторика или Поэзія (последнее названіе можно теперь услышать только отъ стариковъ-священниковъ), Философія и Богословія. Ученики этихъ классовъ обыкновенно называются: фарыстъ или фарыста, инфимыстъ, грамматикъ, синтактикъ, рѣторъ, философъ и богословъ, но иногда какъ и у меня: фа́ра, инфима и т. д.

Вторые пѣтухи на полномъ ходу! Вотъ гдѣ-то, далеко-далеко, на томъ концѣ села, какъ-будто на томъ свѣтѣ... вотъ здѣсь, тамъ, снова здѣсь—экъ разомъ хватили! должно быть съ такту сбились.

Но тише снова: кажись, залаяла собака... А, это Гарасько Трохимовичъ! Видите, въ томъ углу площади, огонекъ какъ будто колышется: это зъ *лыхтарнею* (съ фонаремъ), должно быть идетъ будить *бѣтюшку*... Нѣтъ, остановился у Гавриленкивъ, стучить... Понимаю!

Надобно вамъ сказать, что паробки наши—большіе охотники звонить въ колокола. Нужно, напимѣрь, прозвонить по *вмирущому*: „А ну! Петре или Иване“, и Петро или Иванъ, навѣрное, не откажутся, хоть дождь на дворѣ будетъ, грязь, *миха годына*. Случится, прійдетъ, мѣста заняты—ничего! по крайней мѣрѣ послушасть, какъ оно тамъ—*якъ въ котли кытыть*. Я знавалъ любителей, что въ дни, когда обыкновенно цѣлый день бываетъ трезвонъ, съ колокольни и не сходили. Придите, въ воскресенье или въ какой праздникъ, въ любое у насъ село, предъ началомъ обѣдни,—паробковъ на колокольню *нашевкалось* (налѣзло), какъ говорится, и *кѣрци нѣсомъ ни де клонуть!* Конечно, не послѣднее въ этомъ случаѣ и то:—будутъ итти дивчата,—*кажыкнутъ*, перевѣсившись изъ окна... затарабанить пальцами по *шалѣвци*, а пожалуй и *жартомъ* перекинуться, если стариковъ близко нѣтъ (старики близко—*не ідже, незвычайно*); но главное—какъ я сказала.

На такой склонности, какъ на нѣкоемъ фундаментѣ, воздвиглось убѣжденіе—и не только въ паробкахъ, и въ дивчатахъ, и даже въ извѣстной степени и въ тѣхъ, которые когда-либо были паробками и дивчатами:—чѣмъ въ большій колоколъ и чѣмъ въ большій праздникъ произзвонить, тѣмъ лучше, *величннше* (тѣмъ больше чести), а прозвонить въ самый большой колоколъ и въ одинъ изъ самыхъ большихъ годовыхъ праздниковъ,—напр. на Рождество, на *великдень*, на *храмъ*,—это ужъ такъ хорошо и *велично*, что просто и сказать нельзя!... А на семъ, и тоже какъ на нѣкоемъ фундаментѣ, воздвигся обычай—*гривни, гривня*—де-

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 66-го:

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ. 1899.

Книга первая—іюль.

ОТДѢЛЪ I.

I. ХАРЬКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ. Е. К.	1—23
II. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ГАЛАГАНА. З. Письма О. М. Болянского, 1848—56 гг.	24—32
III. СУДЬБА. Разказъ Влад. К—ча	33—69
IV. ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ И ПОВѢРЬЯ въ Староконстантиновскомъ у., Волинской губ. Сообщ. Л. Ленчевскій	70—78
V. КЪ ВОПРОСУ О КОЛОНИЗАЦИИ ПОСУЛЬЯ ВЪ XVI И XVII ВѢКАХЪ. В Милорадовича	79—89
VI. ПОПОКЪ. (Окончаніе). Б. Познанскаго	90—130
VII. ПАМЯТИ В. В. ТАРНОВСКАГО. Н. Ш.	131—133

ОТДѢЛЪ II.

- I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) О стихотвореніи «Славянахъ», приписанномъ Т. Г. Шевченку. В. Науменка; б) Малорусская пѣсня въ изданіи 1794 года.

В Н.; в) Письмо П. А. Кулиша къ М. А. Максимовичу;	
г) Къ XI археологическому съѣзду въ Кіевѣ	1—11
Текущія извѣстія	11—16
II. БИБЛЮГРАФІЯ:	
а) «Матеріали до украинсько-руської етнологіі», выданне этнографичної комісії за редакцією Хв. Вовка, т. I. А. Малинки; б) Д. Марковичъ. По степамъ и хуторамъ. С. Н.; в) Я. Жарко. Байки. Спб. 1889 г. И.; г) Этнографическое обзорѣніе 1895 года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	17—31
Археологическая лѣтопись	32—44
III. ПРИЛОЖЕНІЯ:	
1) Разказы М. Т. Симонова (Номиса). Листы 7-й и 8-й.	

Книга вторая—августъ.

ОТДѢЛЪ I

I. ТРЕТІЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ Г. КІЕВѢ 1874 г.: 1) Отъ Редакціи; 2) Вопросы по археології и исторіи, обсуждавшіеся на 3-мъ Археолог. съѣздѣ. В. Антоновича; 3) Вопросы по ю. р. этнографіи и литературѣ, обсуждавшіеся на 3-мъ археологич. съѣздѣ. В. Науменка.	I—XIV
II. ЧТО ТАКОЕ МАЛУРУССКАЯ (ЮЖНОРУССКАЯ) РѢЧЬ? К. Михальчуна.	135—195
III. ЗАМѢТКИ О МАЛУРУССКОЙ ДЕМОНОЛОГІИ. В. Милорадовича.	196—209
IV. САВА ЧАЛЫЙ. Трагедія въ 5-ти дѣяхъ и 7-ми картывахъ. И. Карпенко-Карого.	210—264
V. ПОДВЕДЕМЪ ИТОГИ. (Отвѣтъ на статьи въ „Кіевлянинѣ:“ Вопросъ о малорусскомъ языкѣ въ Галиціи). В. Науменка.	265—276

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Незданное стихотвореніе гр. Ал. Толстого. Съ пред. А. Степовича; б) Актъ признательности митрополиту Евгенію отъ дворянъ	
---	--

Кіевской губерніи. Сообщ. протоіерей П. Орловскій; в) Историческія варши по рукописи начала XVIII в. Сообщ. В. Перетць; г) Отрывокъ изъ записокъ бывшаго крѣпостного. И. Савченна; д) Харьковскія художники первой половины нынѣшняго столѣтія; е) Кн. А. В. Дабижа. (Некрологъ). В. Г.	45—63
Техуція извѣстія	63—69
II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в., описанное архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ В. Саввы; б) Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. 11-й Н. Г.; в) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	70—90
Археологическая лѣтопись	91—97
III. ПРИЛОЖЕНІЕ. 1) Разказы М. Т. Симонова. (Номиса). Листъ 9-й и 2) Руководство къ обученію грамотѣ, составленное для малорусскихъ воскресныхъ школъ А. А. Потобней; стр. 1—15.	

Книга третья—сентябрь.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА. (<i>Продолженіе</i>). А. Крымскаго.	277—311
II. САВА ЧАЛЫЙ. Трагедія въ 5 дѣйствій и 7-ми картинахъ. (<i>Окончаніе</i>). И. Карпенка-Карого.	312—340
III. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА Г. П. ГАЛАГАНА. 3) Письма П. А. Кулиша (1856—1858 гг.).	341—355
IV. У МОГИЛЬ П. А. КУЛИША И В. М. БЪЛОЗЕРСКАГО. Съ прилож. двухъ рисунковъ въ текстѣ. Н. Ш—ова.	356—378
V. ЗАМѢТКИ О МАЛОРУССКОЙ ДЕМОНОЛОГІИ. (<i>Окончаніе</i>). В. Милорадовича.	379—400
VI. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ДОКЛАДЪ ГРАФ. П. С. УВАРОВОЙ НА XI АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ СЪѢЗДѢ	401—418

ОТДѢЛЪ П-й.

- I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Къ Шевченковской коллекціи. (Письмо въ редакцію). **О. Ю. Сластіона**;
 б) Легенды о проф. Боткинѣ. Сообщ. **М. К. Васильевъ**;
 в) Майнскіе козаки и ихъ земля; г) Канадскіе русины; д)
 Поправка 99—112
 Текущія извѣстія 112—119
- II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) **А. Верзиловъ**. Очеркъ торговли южной Руси съ 1480—1569 гг. **Н. В.**; б) **П. А. Кулишъ**. Воспоминанія дѣтства. (Повѣсти); в) Этнографическое обозрѣніе 1896—1897 гг.; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ 119—130
 Археологическая лѣтопись 131—142
- III. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Разказы **М. Т. Симонова** (Номиса).
 Листы 10-й и 11-й.